

Учредитель

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Издатель

Челябинский филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Соиздатель — Южно-Уральский
государственный университет

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА**Главный редактор**

Зырянов Сергей Григорьевич,
доктор политических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)

Заместитель главного редактора

Чупров Александр Степанович,
доктор философских наук, профессор
(г. Благовещенск, Амурская область, Россия)

**ОТВЕТСТВЕННЫЕ
ПО НАУЧНЫМ НАПРАВЛЕНИЯМ:****Философия**

Борисов Сергей Валентинович,
доктор философских наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)

Лукин Анатолий Николаевич,
кандидат культурологии, доцент
(г. Челябинск, Россия)

Политология

Зырянов Сергей Григорьевич,
доктор политических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)

Нечаева Светлана Владимировна,
кандидат исторических наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)

Экономика

Лаврентьева Ирина Викторовна,
доктор экономических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)

Коротина Наталья Юрьевна,
кандидат экономических наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)

**Ответственный
за международные контакты**

Борисов Сергей Валентинович,
доктор философских наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)

Ответственный секретарь

Бобрик Александра Александровна,
кандидат философских наук
(г. Челябинск, Россия)

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-48298 от 24.01.2012 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Дата выхода номера: 30.06.2023 г.
Формат 70×108 1/16

Усл. п. л. 9,1. Тираж 500 экз.

Заказ № 190/230.

Издание подготовлено к печати и отпечатано
в Издательском центре ЮУрГУ.
454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76.

16+

СОЦИУМ**Погорельская Елена Юрьевна,
Чернов Леонид Сергеевич**

На пути к технизации живого
и собственно человеческого:
от прагматики к мечте..... 7

Соломко Дмитрий Витальевич

Технико-технологизированный мир
в свете парадигмальных
философско-методологических
принципов 16

**Лукин Анатолий Николаевич,
Домрачев Сергей Станиславович**

Хронотоп войны начала XXI века:
военно-философский аспект 27

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Философия

Хосе Баррьентос Растрохо —
доктор философии,
профессор (г. Севилья, Испания)
Сергей Валентинович Борисов —
доктор философских наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)

Юрий Геннадьевич Ершов —
доктор философских наук,
профессор (г. Екатеринбург, Россия)

Филип Иванович —
Ph.D (г. Подгорица, Черногория)

Виктория Лезьер —
доктор философских наук, профессор
(г. Форкалькейре, Франция)

Валерий Георгиевич Ледяев —
доктор философских наук, профессор
(г. Москва, Россия)

Андрей Николаевич Медушевский —
доктор философских наук, профессор
(г. Москва, Россия)

Валерий Аркадьевич Нехамкин —
доктор философских наук, профессор
(г. Москва, Россия)

Александр Валентинович Павлов —
доктор философских наук, профессор
(г. Тюмень, Россия)

Владимир Дмитриевич Попов —
доктор философских наук, профессор
(г. Москва, Россия)

Григорий Львович Тульчинский —
доктор философских наук, профессор
(г. Санкт-Петербург, Россия)

Александр Степанович Чупров —
доктор философских наук, профессор
(г. Благовещенск, Россия)

Политология

Сергей Григорьевич Зырянов —
доктор политических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)

Балташ Нурмухамбетович Карипов —
доктор политических наук, профессор
(г. Кокшетау, Казахстан)

Александр Васильевич Павроз —
доктор политических наук
(г. Санкт-Петербург, Россия)

Ольга Фредовна Русакова —
доктор политических наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)

Грегори Саймонс — доктор философии, профессор
(г. Упсала, Швеция)

Александр Юрьевич Сунгуров —
доктор политических наук, профессор
(г. Санкт-Петербург, Россия)

Экономика

Ольга Васильевна Артемова —
доктор экономических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)

Лаура Маратовна Байтенова —
доктор экономических наук
(г. Алматы, Казахстан)

Виктор Иванович Бархатов —
доктор экономических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)

Ляйля Маратовна Муталиева —
кандидат экономических наук
(г. Астана, Казахстан)

Ирина Викторовна Лаврентьева —
доктор экономических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)

ВЛАСТЬ

Веселов Юрий Александрович
Архетипы власти 38

Подольский Вадим Андреевич
Два подхода к социальной политике
в немецкой консервативной
политической философии
конца XX века 48

ЭКОНОМИКА
И УПРАВЛЕНИЕ

**Меленькина Светлана Анатольевна,
Ужегов Артём Олегович**
Оценка взаимосвязи
экономического потенциала
и благосостояния населения
на примере индустриальных
регионов РФ 59

КУЛЬТУРА

Доронина Светлана Геннадиевна
Преподавание философии детям:
неудобные вопросы и их очевидные
последствия 75

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ И АВТОРОВ

Научный журнал «Социум и власть»

предназначен для специалистов в области государственного и муниципального управления, философии, социологии, политологии, юриспруденции, экономики, менеджмента, истории, культурологии, а также преподавателей, аспирантов и студентов.

Тематика публикаций

должна соответствовать профилю журнала, различным аспектам состояния социума и его взаимоотношениям с властью.

Журнал «Социум и власть» включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по специальностям:

- 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки)
- 5.2.4. Финансы (экономические науки)
- 5.2.6. Менеджмент (экономические науки)
- 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки)
- 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики (политические науки)
- 5.5.4. Международные отношения (политические науки)
  - 5.7.1. Онтология и теория познания (философские науки)
  - 5.7.2. История философии (философские науки)
  - 5.7.3. Эстетика (философские науки)
  - 5.7.4. Этика (философские науки)
  - 5.7.5. Логика (философские науки)
- 5.7.6. Философия науки и техники (философские науки)
- 5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки)
- 5.7.8. Философская антропология, философия культуры (философские науки)
- 5.7.9. Философия религии и религиоведение (философские науки)

Рукописи рецензируются.

Требования к рукописям научных статей, представляемым для публикации в научном журнале «Социум и власть», размещены на странице 103.

Адрес редакции, издателя:

454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26
Телефон редакции:
(351) 771-42-30
E-mail: siv_journal@mail.ru

Адрес в Интернете
<http://siv74.ru>

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов опубликованных материалов. Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Журнал выходит 4 раза в год, распространяется по подписке в отделениях почтовой связи.

Цена свободная

Подписной индекс **E38909**
Агентство «Книга-Сервис»
<https://www.akc.ru>

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

**Пеннер Регина Владимировна,
Салганова Елена Ивановна,
Бредихин Сергей Сергеевич,
Щетинина Елизавета Витальевна**

Цифровая грамотность как инструмент профилактики деструктивных практик в цифровой среде: по материалам региональной научно-практической конференции.....86

Founded by

The Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration

Published by

Chelyabinsk branch
of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
Copublisher — South Ural State University

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Sergey G. Zyrianov,
Doctor of Political Science, Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Deputy Chief Editor

A.S. Chuprov,
Doctor of Philosophy, Professor
(Blagoveshchensk, Russia)

RESPONSIBLE FOR RESEARCH AREAS:

Philosophy

Sergey V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Anatoly N. Lukin,
Cand.Sc. (Cultural Studies),
Associate Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Political Science

Sergey G. Zyrianov,
Doctor of Political Science, Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Svetlana V. Nechaeva,
Cand.Sc. (History), Associate Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Economics

Irina V. Lavrentyeva,
Doctor of Economics, Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Natalya Yu. Korotina,
Cand. Sc. (Economics), Associate Professor
(Chelyabinsk, Russia)

International Relations

Sergey V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Executive editor

Aleksandra A. Bobrik,
Cand.Sc. (Philosophy)
(Chelyabinsk, Russia)

Certificate of Registration
PI № FS 77-48298 of 24.01.2012
Issued by Russian Surveillance Service
for Mass Media and Communications.
Passed for printing on 30.06.2023.
Format 70×108 ¹/₁₆
Reference sheet area 9,1. Issues — 500.
Order № 190/230.
Designed and printed at
454080, Chelyabinsk, Lenina prospect, 76.

SOCIUM

**Elena Yu. Pogorelskaya,
Leonid S. Chernov**

On the way to technicalizing
the living and the human proper:
from pragmatics to a dream 7

Dmitry V. Solomko

Techno-technologized world
in the light of paradigmatic philosophical
and methodological principles..... 16

**Anatoly N. Lukin,
Sergey S. Domrachev**

Chronotopos of the war
at the beginning of the XXI century:
military-philosophical aspect 27

BOARD OF EXPERTS

Philosophy

José Barrientos Rastrojo — Ph.D., full professor
(Seville, Spain)

Sergey V. Borisov — Ph.D., professor
(Chelyabinsk, Russia)

Yurii G. Ershov — Ph.D., professor
(Yekaterinburg, Russia)

Filip Ivanovic — Ph.D (Podgorica, Montenegro)

Victorya Lezyer — Ph.D., professor
(Folkarkeyre, France)

Valery G. Ledyayev — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)

Andrey N. Medushevsky — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)

Valery A. Nekhankin — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)

Alexander V. Pavlov — Ph.D., Professor
(Tyumen, Russia)

Vladimir D. Popov — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)

Grigorii L. Tulchinskii — Ph.D., Professor
(St. Peterburg, Russia)

Alexander S. Chuprov — Ph.D., Professor
(Blagoveshchensk, Russia)

Political Science

Sergey G. Zyrianov — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Baltash N. Karipov — Ph.D., Professor
(Kokshetau, Kazakhstan)

Alexander V. Pavroz — Ph.D.
(St. Peterburg, Russia)

Olga F. Rusakova — Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)

Gregory Simons — Ph.D., professor
(Upsala, Sweden)

Alexander Yu. Sungurov — Ph.D., Professor
(St. Peterburg, Russia)

Economics

Olga V. Artyomova — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Laura M. Bajtenova — Ph.D.
(Almaty, Kazakhstan)

Victor I. Barkhatov — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Lyailya M. Mutaliev — Cand. Sc. (Economics)
(Astana, Kazakhstan)

Irina V. Lavrentyeva — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)

POWER

Yuriy A. Veselov

Archetypes of power 38

Vadim A. Podolsky

Two approaches to social policy
in the German conservative
political philosophy
of the late XX century.....48

**ECONOMICS
AND MANAGEMEN**

Svetlana A. Melenkina,

Artem O. Uzhegov

Evaluating the relationship
between economic potential
and welfare of the population
as exemplified by industrial regions
of the Russian Federation 59

CULTURE

Svetlana G. Doronina

Teaching philosophy to children
tough questions
and their obvious consequences.....75

**INFORMATION
FOR READERS AND AUTHORS**

**Scientific journal
SOCIUM I VLAST'
[SOCIETY AND POWER]**

is for experts in public and municipal administration, philosophy, sociology, political science, law, economics, management, as well as for teachers, graduate students and undergraduates.

Article topics

must conform to the journal's profile and be relevant to various (political, social, economic, legal etc) aspects of the society and its relations with public and municipal authorities.

According to the decision of the Presidium of the Higher Attestation committee (VAK) of the Russian Ministry of Education and Science, the «SOCIUM AND POWER» journal is included

**in the list of leading
peer-reviewed scientific journals
and publications,**

where the primary scientific results should be published for Candidate of Science and Doctor of Science theses in the following fields of science: philosophy, political science, economics.

The articles are peer-reviewed.

The requirements for scientific articles to be published in the «SOCIUM AND POWER» scientific journal are located at page 103.

Send your articles to the editor's office at:
454077, Chelyabinsk, Komarova st., 26
Editor's office phone number:
(351) 771-42-30
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

Website:
<http://siv74.ru>

Disclaimer:
Only the authors of published articles may be held liable for authenticity and accuracy of citations, names, titles and other information as well as for respecting the intellectual property legislation.

Copyright reserved

The journal is published quarterly and distributed by subscription at the post offices.

Free price

**Subscription index
in Russia**
E38909

SCIENTIFIC LIFE

**Regina V. Penner,
Elena I. Salganova,
Sergey S. Bredihin,
Elizaveta V. Shchetinina**

Digital literacy as a tool for preventing destructive practices in the digital environment: following the materials of the regional scientific and practical conference 86

Для цитирования: Погорельская, Е. Ю. На пути к технизации живого и собственно человеческого: от прагматики к мечте // Е. Ю. Погорельская, Л. С. Чернов // Социум и власть. — 2023. — № 2 (96). — С. 7—15. — DOI 10.22394/1996-0522-2023-2-07-15. — DN EJFRXX.

УДК 111.7

EDN EJFRXX

DOI 10.22394/1996-0522-2023-2-07-15

НА ПУТИ К ТЕХНИЗАЦИИ ЖИВОГО И СОБСТВЕННО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО: ОТ ПРАГМАТИКИ К МЕЧТЕ

Погорельская Елена Юрьевна,

Гуманитарный университет,
доцент кафедры социально-культурного
сервиса и туризма,
кандидат философских наук.
Екатеринбург, Россия.
ORCID: 0000-0002-9723-465X
E-mail: schreibigus@mail.ru

Чернов Леонид Сергеевич,

Уральский государственный
горный университет,
доцент кафедры философии и культурологии,
кандидат философских наук, доцент.
Екатеринбург, Россия.
ORCID: 0000-0003-2277-2899
E-mail: leon-chernov@yandex.ru

Аннотация

Введение. Универсализм современной техники свидетельствует об определенном режиме ее существования. Он проявляется в том, что нет практически ни одного сегмента современного мира, ни одной сферы культуры, куда бы техника не распространила свое влияние — непосредственное или опосредованное/анонимное. На основе исследования авторы приходят к выводу, что техника одновременно является и традицией, и встроенной в традицию логикой, и реализацией особой бытийной направленности, воплощением особого рода.

Цель. Онтологический подход к технике предполагает, что в существе техники мы имеем дело с реальностью особого рода. Целью данного исследования является необходимость выявления символических начал технической реальности. Связана ли сущность техники только с ее прагматической функцией или в технике есть особое скрытое основание, которое

выносит технику за рамки традиционного ее использования?

Методы. В работе используется структуралистский метод, позволяющий раскрыть за повседневным пониманием техники структуры, способные порождать смысловые слои. Структуралистский метод дополнен феноменологическим методом, поскольку в выявленных структурах конституируются символические основания технической реальности. Феноменологический метод позволяет выявить «скрытую заботу» человека, целевую причину существования техники.

Научная новизна. В статье раскрывается глубинный смысл целевой причины техники. Техническое направлено на преодоление естественных барьеров, создание искусственных природ со своей особой логикой существования. Материальные свойства вещей допускают проходимость и условность всех качественных препятствий. Количественная однородность, проходимость всех качеств делает условными границы между видами живого. Нет демаркационной линии не только внутри жизни (теория эволюции основана на этом), но и между живым и неживым. Возможно, что нет границы между временным и бессмертным.

Результаты. В бытии техники воплощено желание человечества преодолеть время. Человечество стремится покорить природу, преодолеть все барьеры, которые продолжает ставить природный мир, чтобы в обход естественных закономерностей выйти в царство абсолютной свободы, которое связывает с бессмертием.

Созданные технические вещи сами имеют определенные законы для реализации технической идеи и ограничивающие техническое творчество, но смысл технического созидания в преодолении любых ограничений. Человек — техник, поскольку он самовольный преобразователь мира. В технике есть революционный заряд, меняющий мир под человеческий запрос. В технике воплощена борьба отчаянного существа с неприятием своей судьбы, своей смертной доли.

Выводы. Несмотря на то что наука позиционирует себя как знание рациональное, обоснованное, тем не менее застарелая мечта о преодолении барьера смерти никуда не делась. На современном этапе техника пытается воплотить эту мечту через реализацию безопасности, комфорта, качественного медицинского обслуживания, увеличения продолжительности жизни. Всё техническое в конечном счете сосредоточено вокруг проблемы «жизни и смерти».

Ключевые слова:

онтология техники,
сущность техники,
воля к власти,
бессмертие,
жизнь

Введение

Влияние технического прогресса радикально изменило природный облик мира. Мы не можем представить без присутствия техники ни один производственный процесс, никакую исследовательскую программу, ни одну маркетинговую операцию, даже такие сугубо социальные сферы, как театральное искусство и дошкольное воспитание предполагают технические элементы в организации этой деятельности. Человеческое тело за счет внедрения медицинских и эстетических технологий приобрело тенденцию к киборгизации, личные человеческие отношения встроены в цифровые сети. Вместе с техническими системами люди «перенимают так же и инфраструктуру, и соответствующие методы труда, поскольку — по крайней мере внешне и частично — вместе с техникой должен импортироваться также и ориентированный на технику образ жизни: успешная передача техники связана с соответствующей передачей культуры» [15, с. 84]. Мы можем говорить о «мере технического» в самом человеке. Современные методические пособия по «управлению персоналом» красноречиво свидетельствуют, что технический подход применим и к организации производственной деятельности людей, можно говорить о технике танца и технологии приготовления вина. Что есть техника? Техника, с которой мы имеем дело каждый день, которая опосредует практически каждый шаг человека, техника, которой мы так доверяем и от показателей чего зависят человеческие решения? Современный человек не представляет жизнь без техники, он к ней прагматически и душевно привязан. Что такое есть в технике, что позволяет ее любить, быть привязанным, зависеть, нуждаться в ней?

Хенрих Бек говорит, что «сущность техники является чем-то техническим в том смысле, что лежит в основе всех явлений и предметов, вместе взятых, и потому имманентна им; сущность — именно то, что делает их техническими» [2, с. 172]. По сути здесь ставится вопрос об онтологическом основании технического мира. Что делает предметы и отношения техническими? С чем связано появление технических вещей и отношений в мире? Получается, что вопрос о сущности техники — это не только вопрос «что есть техника», но и вопрос «как возможна техника, на каких основаниях, при каких условиях?» Поэтому свою работу «О сущности техники» М. Хайдеггер начина-

ет провокационным заявлением о том, что сущностью техники не является нечто техническое [18, с. 221], или, повторим высказывание Бека, сущность — именно то, что делает предметы и явления техническими. Тем самым напрямую указывается, что мы не поймем сущность технических предметов и процессов, если разложим их на составляющие — детали машины или алгоритмы технологического процесса. Мы не поймем, что такое техника, являясь продвинутыми пользователями, имеющими возможность решать различные производственные и бытовые вопросы при помощи технических средств. И даже будучи инженерами, то есть по сути творцами технического мира, мы вряд ли попадем в сущностное понимание предметов, которые создали и которыми пользуемся «с закрытыми глазами». Человечество не знает, с чем в лице технического мира оно имеет дело. По этому поводу Ф. Рапп в своей работе «Перспективы философии техники» замечает: «Это неудивительно, ибо во множестве конкретных последствий техника не составляет исключения из того закона истории, что человек в конечном итоге не знает, какие последствия будет иметь его поступок. Ведь ретроспективный взгляд на те оживания, которые современники связывали с прежними техническими новациями (радио, автомобиль, самолет), обнаруживает, что полный объем фактических последствий ими никоим образом не осознавался» [15, с. 88]. Будущее технических нововведений остается туманным. Существо техники отчуждено от человека, оно скрыто, хотя техника рассматривается практически любым человеком как доступная для понимания реальность, повседневная среда. Однако то, что ближе всего, как правило, не замечается, хотя имеет максимальное влияние на мир в целом и каждого человека конкретно. Учитывая фундаментальное влияние технического на развитие человеческой цивилизации, приходится согласиться с Хайдеггером и сказать, что мы не знаем характер технического бытия. Хотя технический мир уверенно настаивает на подлинности своего бытия [14].

Для решения поставленных задач мы будем использовать структуралистский метод, который предполагает выделить в существе техники смысловые слои. Кроме того, мы намерены использовать феноменологический метод, позволяющий внутри каждого слоя выявить эйдетическое ядро или определенную ценность, формирующую социальные и технологические отношения. Техника предстает как целостность, когда конституирует-

ся как предмет человеческого внимания, как предмет исследования.

Техника полезна, рациональна и демонстративна

Потребительская концепция техники предполагает, что технические предметы рассматриваются прежде всего с позиции своей целесообразности, когда берется прагматический аспект, учитывается рентабельность, включенность технической вещи в производственные и товарно-денежные отношения. Кроме того, потребительская концепция техники предполагает, что техника рациональна, она создана под определенную цель, согласно которой будет использоваться, и этому использованию человека можно научить. «Техника в основе своей — результат рационального конструирования и рациональной деятельности, даже если побуждения к этому приходят из иррациональных источников. «Поэтому техника принципиально поддается пониманию и управлению», — считает Алона Хунинг [19, с. 409]. Таковы самые первые доступные впечатления, которые мы имеем от технического мира. Они возникают как результат «психологической редукции», которую можно провести над любой технической вещью, сведя ее до уровня рациональности, функциональности и цены. Если рассматривать техническую вещь в системе вещей, предложенной Ж. Бодрийяром [4], то окажется, что техническая вещь проста и не обладает символической реальностью. Рационально рассматривая любой технический предмет, например холодильник, можно выделить следующие аспекты: во-первых, холодильник обладает свойством полезности, он сохраняет продукты, в этом его сущность; во-вторых, холодильник имеет определенную цену, то есть является товаром, и в этом смысле его сущность эквивалентна сущности любой другой вещи со сходной ценой на рынке; в третьих, современный холодильник является носителем определенной марки, бренда, то есть его сущность проявляется в том, чтобы поддерживать определенную стратификацию в обществе, маркировать покупательную способность своего владельца, демонстрировать финансовые возможности своего хозяина, характеризовать его стиль жизни и во многом его идентичность. Эта классификационная сетка, предложенная Ж. Бодрийяром, определяет сущность технических вещей в потребительском понимании. Однако кроме ценностей функциональности, надежности,

безопасности, роста благосостояния населения и развития личности, которые предполагаются при создании и использовании техники, можно допустить, что существует также символическое прочтение технических вещей, которое на потребительском уровне не прослеживается. Потребительское измерение техники недостаточно для понимания ее сущности.

Техника есть проявление воли к власти

Мировоззренческая позиция, скрытая за утилитарным и рациональным подходом, представленным выше, следующая — человек является хозяином в мире. Мир создан для человека и подчиняется ему. В работе Х. Бека «Сущность техники» мы находим определение такому отношению: «Сущность техники содержится именно во взаимосоотнесенном единстве субъекта и объекта, в котором (единстве) субъект в состоянии пользоваться объектом и объект может быть использован субъектом» [2, с. 186]. Техника представляется специфически человеческим действием, целью которого является проведение собственной воли, активной позиции. Х. Бек говорит, что «человек предстает перед нами «онтологическим местом» техники: техника оказывается чем-то, происходящим в человеке, и ее можно определить, как заложенную в человеке способность изменять природу согласно своим целям» [2, с. 180]. Субъект — активен, внешний мир — пассивен и имеет тенденцию к подчинению. И если бы у природы, у объективного мира не было бы склонности к подчинению, то влияние человека на природу, преобразование природы под воздействием человеческого вмешательства не состоялось бы. Объективный мир создан «под человека» и потому его изменчивость закономерна. Техника демонстрирует в концентрированном виде возможность властного отношения. Близкой позиции придерживается К. Ясперс: «Техника — это совокупность действий знающего человека, направленных на господство над природой; цель их — придать жизни человека такой облик, который позволил бы ему снять с себя бремя нужды и обрести нужную ему форму окружающей среды» [21, с. 120]. В таком случае, техника — это демонстрация человеческого могущества в отношении мира. Всякая техническая вещь — в идеале — укрощенная естественная природа. Марксистская традиция классического и советского периодов разрабатывалась в русле

этих же идей. Например, в работе Г. Н. Волкова «Истоки и горизонты прогресса» техника рассматривается как «овеществленная сила знаний» [7, с. 21], а «главными, определяющими стимулами развития техники являются экономические, производственные потребности общества» [7, с. 22]. Конечно, такая позиция вполне оправдана и отражает многие тенденции в развитии техномира, но если учесть современный уровень технических новаций, можем ли мы сказать, что эта точка зрения является достаточной для понимания глубинных онтологических оснований техники?

Основное свойство, которое требуется от технических вещей и процессов в таком мире — предсказуемость. Власть должна быть проявлена прежде всего в ситуации контроля: человек требует от окружающих его вещей понятности и управляемости. Такое мировоззренческое представление идет от XVII века, от механистического проекта мира, когда техническая модель часов становится основной метафорой понимания природного универсума. Как получилось и что стало основанием такой концепции природы — сложно ответить. М. Фуко в своей работе «Слова и вещи» говорит о смысловой мутации, которая происходит в умах людей, в результате чего возникает новая логика видения привычных событий и фактов, появляются новые интерпретации и смыслы уже имеющихся явлений, открываются новые перспективы во взаимодействии с вещами и между людьми, рождается новая эпоха [17]. Само понятие мутации как случайного скачка, как креативного синтеза событий и смыслов создает отсылку к эвристической силе свободы, существующей в мире и проявленной в любом сущностном присутствии. Образ мутации, введенный М. Фуко, позволяет понять, что не все в мире подчинено контролю и плану, но именно метафора механических часов как образца функционирования Вселенной, демонстрирует, насколько человеческому существу важен контроль и власть над происходящим. Техническая вещь — часы — с XVII века становится символом понимания мира. «Теории естествознания оказывались инструментальными теориями отчасти потому, что они интерпретировали природу по образцу “больших часов”», — отмечает Г. Бёме в работе «Сциентификация техники» [3, с. 112—113]. Возможно, что механистическое мировоззрение и не являлось адекватным пониманием происходящих в природе процессов, но оно отчетливо представляет свод ценностей, которыми был озабочен че-

ловек в XVII веке и которые будут определяющими в отношениях человека и природы последующие четыреста лет. Кроме того, модель часов показывает доверие философов того времени к механическому искусственному объекту. Обращаем внимание, что часы удивительная вещь, поскольку время она не показывает. Если при помощи телескопа, например, Галилео Галилей смог разглядеть спутники у Юпитера и пятна на Солнце, а при помощи оригинально сконструированного микроскопа Антуан ван Левенгук обнаружил микроскопическую вселенную — микроскопических зверьков (одноклеточные организмы), то механические часы физически ход времени показать не могут. При помощи часов возможно сравнить продолжительность событий или их последовательность, но не время событий. Часы есть нечто внешнее по отношению ко времени, как отражение человека в зеркале. Как будто есть внешний индикатор присутствия времени, но сама сущность отражаемого, схватываемого в механизме часов или зеркала не отображается. Часы можно рассматривать в качестве универсального регулятора социальных отношений: первые механические часы появились в XIII веке и были предназначены как раз для оповещения жителей города о начале религиозных служб. Первые астрономические часы были созданы Джовани де Донди в 1364 году, через шестьдесят лет после изобретения анкерного механизма. Они показывали время, а также отображали движение Солнца, Луны и планет, так же по ним можно было определить дни религиозных праздников [8, с. 387]. Первые часы отражали движение небесных сфер астрономии Клавдия Птолемея. То, что часы могут регулировать социальные процессы, связывая их с движением небесных сфер, что давало модель единого непротиворечивого упорядоченного космоса. Но к самому времени, к его природе, часы не имели отношения. Часы — это не просто машина, это автомат, который нужно один раз завести, а потом они идут сами. Впоследствии, в классической механике Ньютона, абсолютное время, имеющее направленность в будущее, является субстанцией, самодостаточной сущностью, на которую не влияют никакие природные события и процессы, но абсолютное время — чистая длительность, и часами она не улавливается. Механические часы, их измерительная работа, имели отношение к понятию относительного времени, то есть ко времени, которое может иметь социальную корреляцию, может включать конвенциональный элемент. Часы дают

модель контроля человека над миром природы и регулятивный принцип упорядочивания социальных отношений. Осознание, что время вплетено в ткань природных объектов пришло с развитием термодинамики, когда была обнаружена принципиальная направленность и необратимость тепловых процессов. Одним из следствий второго начала термодинамики является указание на то, что тепло передается только от теплого тела к холодному.

Необратимость времени человек ощущал на себе давно: понимание смертности живого, конечности человеческого существования не связывалось напрямую с решением вопроса о сущности времени. Однако после утверждения понимания, что знание — это сила, которая может раздвинуть горизонты наших возможностей, вопрос об ограниченности человеческой жизни переходит из разряда сугубо религиозных и мифологических в разряд научно-технических и инженерных вопросов.

Техника стирает границы между мирами

Для античности граница между живыми и неживыми сущностями была принципиальной. В работе Аристотеля «О душе» говорится о том, что живое тело отличается от неживого по наличию в теле души [1]. И растения, и животные, и люди, и Бог являются живыми существами, потому что одушевлены. Причем душа, по Аристотелю, энтелехия живого тела, то есть целевая причина, которая реализует основное развитие сущности, живую логику сущности. Из куриного яйца с необходимостью появится цыпленок, а не крокодил и не черепаха. Цыпленок в течение своей жизни будет осуществлять свою «куриную душу», становясь курицей или петухом. У цыпленка нет никакой возможности стать на протяжении жизни крокодилом или зачать крокодила — все, что он делает в своей жизни, направлено видом его души. Цыпленок, будучи собой, стремится в течение жизни стать «наиболее полной версией себя». Человек, рождаясь уже человеком, тем не менее всю жизнь реализует свою человеческую сущность, которую ему задает его специфическая человеческая душа. Это душа мыслящего существа, позволяющая человеку быть впоследствии бессмертным. Античная онтология предполагает иерархию. Есть принципиальная разница в статусе существования между живым и неживым, это определяется наличием или отсутствием у сущности души. Разные виды души наделяют

живое существо разными способностями и потому в мире есть растения, животные и человек, чьи души отличаются. Так выстраивается иерархия живых существ: растений, животных, людей, Бога. Хотя Декарт выносит человеческую душу в особый регион бытия, но душа у него имеет отношение только к мышлению, а никак не к жизни. Живое у Декарта не определяется наличием души [10]. Напротив, у Аристотеля, душа отвечает за возможность быть живым, она задает определенный онтологический статус. У Декарта и после него, живое — это особое состояние материи, которое отличается от неживого в сложности и своеобразии законов, но это отличие не выносит жизнь в иной ранг бытия. Живое сродни неживому.

В техническую онтологию встроена идея, что барьеры, существующие между вещами, на самом деле преодолеваются.

Клеточная теория, предложенная Т. Шванном и М. Шлейденем в 1837—1839 годах, устраняла барьер между растительной клеткой и животной клеткой и бактерией. Клетки всего живого сопоставимы. Эволюционная теория Дарвина устраняла барьер между видами, сводя все многообразие жизни на Земле к единому генетическому источнику, к первой живой протоклетке. Всякий живой вид, по мнению эволюционистов, временное образование, на его место придет другой вид: внутри полового процесса всегда есть ошибки в копировании исходного материала, к тому же различаются и внешние условия жизни популяций, поэтому с необходимостью будут происходить трансформации в живой материи. Виды непостоянны, границы между видами условны. Преодоление барьера между живым и неживым предполагается в теориях А. Опарина и Дж. Холдейна, которые считали, что живое возникло в результате химической эволюции неживой материи. Именно их идеи вдохновили в 1952 году Стенли Миллера на создание лабораторного эксперимента, в результате которого он из простых химических веществ, таких как вода, аммиак, кислород и «искра» (электрические разряды) получил аминокислоты, которые, как сейчас известно, являются структурными компонентами белков. А без белков жизни нет. И хотя Стенли Миллер не создал технически жизнь, но сама направленность его экспериментов показывала, в каком направлении будет работать биоинженерия: биоинженерия будет работать в направлении поиска химических основ жизни. Здесь есть определенный редукционизм — стремление за сложным найти простое, свести многообразие живой материи к неким органическим основам,

к химическому уровню живого. В этом техническом подходе видна девальвация идеи целого, идеи того, что целое больше совокупности включенных в него элементов. Техническое мышление всегда стремится найти формулу, структуру, связь, которая на самом первичном уровне даст ключ к пониманию всех возможных состояний развития предмета. Например, русский философ Валериан Муравьев в работе «Всеобщая производительная математика» пишет: «Математическая теория раскрывает числа в их сущностной природе и отношениях, прикладная математика находит числа существующих вещей, в виде формул реальных отношений мира. Техника применяет это значение к материальным условиям и дает возможность человеку действительно преобразовать природу» [13, с. 175]. Как будто на самом деле есть универсальный способ управления Вселенной: «Дерни за веревочку, дитя мое, дверь-то и откроется». Открытие в 1953 году Д. Уотсоном и Ф. Криком структуры молекулы ДНК также свидетельствует о том, что биотехнологи усиленно ищут кирпичи, из которых составлена живая материя, а также биологический «пульт управления» процессами жизни. Генная инженерия реализует идею, что на основе знания природных закономерностей возможно создавать вещи с заданными свойствами, то есть создавать из природных кирпичей новые сущности, которые имеют не естественное происхождение, а техническое. В этой связи М. В. Ковальчук отмечает, что «главной отличительной чертой таких технологий должна быть их максимальная близость к естественным, природным процессам, способность включаться в их единство и взаимосвязи. Окружающий нас мир конвергентен по своей сути, природа — это органическое единство всех компонентов. Долгое время, развивая науки и технологии, человечество копировало живые системы, их принципы, механизмы в виде простых отдельных систем. На определенном этапе мы научились создавать органические материалы, не существующие в природе, но близкими ей по свойствам. Сегодня развитие науки достигло такого уровня, когда путем конвергенции наук и технологий стало возможным не просто моделировать, а конструировать, созидать природоподобные системы» [11, с. 7]. Н. В. Брянник доказывает, что «принцип относительности, который отличает неклассическую биологическую науку, заключается в относительности живого и косного вещества, их взаимозависимости и взаимопереходов» [5, с. 199], делая вывод, что эволюционные процессы являются разновидностью

самоорганизации в природе [6]. Использование живой ткани для создания полуживых скульптур проявлено и в современном искусстве. «Полуживые существа» целиком зависят от человека, поскольку выжить они могут только в среде искусственного обеспечения. Например, И. Цурр, рассматривая техническую возможность создания полуживых существ, считает, что «это диалог с природой, который невозможно было бы построить, действуя исключительно по законам эволюции. Он корректирует наше понимание живого/неживого и позволяет продлить жизнь частям тела даже после смерти сложного организма» [19, с. 157].

Заключение

Если граница между живым и неживым проходима, то, возможно, что проходима граница между смертным и бессмертным. В философском осмыслении техники появляется еще одна экзотическая идея: человек создан Богом как особое существо, которое может возвыситься над слепыми силами природы и превратить их в живоносную силу, способствующую воскрешению прошлых поколений. Тем самым вопрос о воскрешении и бессмертии переносится из области исключительно веры в область практического технического действия. «Поскольку Всевышний создал нас как потенциально неограниченных существ, значит, однажды все человечество должно будет отодвинуть свои “границы” невообразимо далеко — это и будет проявлением и доказательством самой истинной веры» [15, с. 69].

«Но где опасность, там вырастает и спасительное», — цитирует М. Хайдеггер Гёльдерлина [17]. Возможно, что воля к власти, проявленная в технике, является агрессивным фасадом задвинутой в бессознательное, хрупкой мечты — обретение человеком личного бессмертия. Борис Гройс замечает: «Как можно быть бессмертным в отсутствие онтологической гарантии бессмертия? Самый простой расхожий ответ предлагает нам всем попросту махнуть рукой на поиски бессмертия, довольствоваться конечностью нашего существования и принять нашу смертность» [9, с. 11]. Заметим, что наряду с общечеловеческим опытом смерти есть еще и давняя застарелая надежда на то, что смерть может быть побеждена. Николай Федоров первым решается «посмотреть в глаза» этой давней мечте, следующим радикальным мечтателем становится Валериан Муравьев. «Человек должен стать не только homo sapiens, но настоящим властителем

природы, homo creator-ом. Это ставит вопрос о биологическом совершенствовании человека и о физическом перевоплощении его в более могущественное и устойчивое в смысле жизненности существо. Это вызывает потребность в особом искусстве, — связанном с усовершенствованной антропологией, — в антропотехнике или даже в антропоургии» [13, с. 187], — читаем мы в его работе. Главное, что следует завоевать человеку — это время. Преодоление времени — главная техническая задача. В работе 1923 года, столетие назад, В. Муравьев пишет: «Ведь, чтобы доказать, что время вообще обратимо, я вовсе не должен доказывать, что все время обратимо. Достаточно доказать возможность повторения хотя бы небольшой его части, чтобы сказать, что принципиальная возможность воскрешения есть» [13, с. 193]. Знание, как самовозрастающая сила, оставляет надежду бренному человечеству, отсрочить смертный час и дать реализоваться всему тому, что задумано, что замышлялось, потенциал чего не успел за недолгую жизнь реализоваться. В каждом научном проекте, в каждом эксперименте, в каждой научной утопии есть эта бессознательная надежда на радикальное воплощение.

Техника — это человеческий выбор, еще один выбор в глобальном историческом пути. Бытие техники созвучно бытию человека. Абсурдно обвинять технику в ее неэтичности или индифферентности проблеме добра и зла, человек сам условно этичен, и все, что он создает, так или иначе, наследует эти сугубо человеческие особенности. Кроме выявленного М. Хайдеггером «поставы», существо техники наполнено смыслами возрождения и воскрешения.

1. Аристотель. Сочинения в четырех томах. — Т. 1. — М.: Мысль, 1975. — 550 с.

2. Бек, Х. Сущность техники / Х. Бек / Философия техники в ФРГ. — М.: Прогресс, 1989. — 528 с.

3. Бёме, Г. Сциентификация техники / Г. Бёме, В. Даале, В. Крон / Философия техники в ФРГ. — М.: Прогресс, 1989. — 528 с.

4. Бодрийяр, Ж. К критике политической экономии знака / Ж. Бодрийяр. — М.: Академический проект, 2007. — 335 с.

5. Бряник, Н. В. От классики к постнеклассике: этапы развития науки современного типа / Н. В. Бряник. — М.: Академический проект, 2021. — 373 с.

6. Бряник, Н. В. Сравнительный анализ принципа эволюции классической и неклассической науки / Н. В. Бряник // Интеллект. Инновации. Инвестиции. — 2021. — № 4. — С. 10—17. DOI: 10.25198/2077-7175-2021-4-10.

7. Волков, Г. Н. Истоки и горизонты прогресса. Социологические проблемы развития науки и техники / Г. Н. Волков. — М.: Издательство политической литературы, 1976. — 335 с.

8. Вуттон, Д. Изобретение науки: Новая история научной революции / Д. Вуттон. — М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2018. — 676 с.

9. Гройс, Б. Е. Русский космизм: антология / Б. Е. Гройс; оформ. Н. Мусаева, С. Вишняков. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. — 336 с. — URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=594213> (дата обращения: 02.02.2023).

10. Декарт, Р. Страсти души // Р. Декарт. Сочинения : в 2 т. — Т. 1. — М.: Мысль, 1989. — 654 с.

11. Ковальчук, М. В. Конвергенция наук и технологий — новый этап научно-технического развития / М. В. Ковальчук, О. С. Нарайкин, Е. Б. Яцишина // Вопросы философии. — 2013. — № 3. — С. 3—11.

12. Латур, Б. Политики природы. Как при- вить наукам демократию. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. — 336 с.

13. Муравьев, В. Всеобщая производительная математика / В. Муравьев // Б. Е. Гройс. Русский космизм : антология / оформ. Н. Мусаева, С. Вишняков. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. — 336 с. — URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=594213> (дата обращения: 02.02.2023).

14. Погорельская, Е. Ю. Техника на пути к собственной свободе / Е. Ю. Погорельская // Социум и власть. — 2018. — № 6 (74). — С. 7—15.

15. Рапп, Ф. Перспективы философии техники / Философия техники в ФРГ. — М.: Прогресс, 1989. — 528 с.

16. Софронов, В. Положение мертвых. Ревизионистская история «русского космизма» / В. Софронов. — М.: V-A-C Press, 2022. — 384 с.

17. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. — СПб.: A-cad, 1994. — 406 с.

18. Хайдеггер, М. Время и бытие: статьи и выступления / М. Хайдеггер. — М.: Республика, 1993. — 447 с.

19. Хунинг, А. Инженерная деятельность с точки зрения этической и социальной ответственности / А. Хунинг / Философия техники в ФРГ. — М.: Прогресс, 1989. — 528 с.

20. Цурр, И. Усложнённые понятия о жизни: «Полуживые существа» / И. Цурр // Логос. — 2006. — № 4 (55). — С. 148—157.

21. Ясперс, К. Современная техника / К. Ясперс / Новая технократическая волна на западе. — М. : Прогресс, 1986. — 452 с.

References

1. Aristotel' (1975) Sochinenija v chetyreh tomah [Essays in four volumes]. T.1. Moscow, Mysl', 550 p. [in Rus].

2. Bek H. (1989) Sushhnost' tehniki [The essence of technology]. *Filosofija tehniki v FRG*. Moscow, Progress, 528 p. [in Rus].

3. Bjome G., Daale V., Kron V. (1989) Scientificacija tehniki [Identification of equipment]. *Filosofija tehniki v FRG*. Moscow, Progress, 528 p. [in Rus].

4. Bodrijar Zh. (2007) K kritike politicheskoj jekonomii znaka [To the criticism of the political economy of the sign]. Moscow, Akademicheskij proekt, 335 p. [in Rus].

5. Brjanik N.V. (2021) Ot klassiki k post-neklassike: jetapy razvitija nauki sovremennogo tipa [From classics to post-non-classics: stages of development of modern science]. Moscow, Akademicheskij proekt, 373 p. [in Rus].

6. Brjanik N. V. (2021) Sravnitel'nyj analiz principa jevoljucii klassicheskoj i neklassicheskoj nauki [Comparative analysis of the principle of evolution of classical and non-classical science]. *Intellekt. Innovacii. Investicii*, no. 4, pp. 10-17. DOI: 10.25198/2077-7175-2021-4-10 [in Rus].

7. Volkov G.N. (1976) Istoki i gorizonty progressa. Sociologicheskie problemy razvitija nauki i tehniki [Origins and horizons of progress. Sociological problems of the development of science and technology]. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoj literatury, 335 p. [in Rus].

8. Vutton D. (2018) Izobretenie nauki: Novaja istorija nauchnoj revoljucii [The Invention of Science: A New History of the Scientific Revolution]. Moscow, KoLibri, Azbuka-Attikus, 676 p. [in Rus].

9. Grojs, B. E. (2015) Russkij kosmizm: antologija : [Russian cosmism: anthology] [16+] / B. E. Grojs ; oform. N. Musaeva, S. Vishnjakov. Moscow, Ad Marginem Press, 336 p. Available at: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=594213> (accessed 02.02.2023) [in Rus].

10. Dekart R. (1989) Strasti dushi [Passions of the soul] / Dekart R. *Sochinenija v 2-h t.T.1*. Moscow, Mysl', 654 p. [in Rus].

11. Koval'chuk M.V., Narajkin O.S., Jacishina E.B. (2013) Konvergencija nauk i tehnologij — novyj jetap nauchno-tehnicheskogo razvitija [Convergence of sciences and technologies is a new stage of scientific and technological development]. *Voprosy filosofii*, no. 3, pp. 3-11 [in Rus].

12. Latur B. (2018) Politiki prirody. Kak privit' naukam demokratiju [Politics of nature. How to instill democracy in the sciences]. Moscow, Ad Marginem Press, 336 p. [in Rus].

13. Murav'ev V. (2015) Vseobshhaja proizvoditel'naja matematika [Universal Productive Mathematics] / Grojs, B. E. Russkij kosmizm: antologija : [16+] / B. E. Grojs ; oform. N. Musaeva, S. Vishnjakov. Moscow, Ad Marginem Press, 336 p. Available at: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=594213> (accessed 02.02.2023) [in Rus].

14. Pogorel'skaja E. Ju. (2018) Tehnika na puti k sobstvennoj svobode [Technology on the way to your own freedom]. *Socium i vlast'*, no. 6 (74), pp. 7-15 [in Rus].

15. Rapp F. (1989) Perspektivy filosofii tehniki. [Perspectives of the philosophy of technology]. *Filosofija tehniki v FRG*. Moscow, Progress, 528 p. [in Rus].

16. Sofronov V. (2022) Polozhenie mertvyh. Revizionistskaja istorija «russkogo kosmizma» [The position of the dead. Revisionist history of "Russian cosmism"]. Moscow, V-A-C Press, 384 p. [in Rus].

17. Fuko M. (1994) Slova i veshhi. Arheologija gumanitarnyh nauk [Words and things. Archaeology of the Humanities]. Saint Petersburg, A-cad, 406 p. [in Rus].

18. Hajdegger M. (1993) Vremja i bytie: stat'i i vystuplenija [Time and Being: articles and speeches]. Moscow, Respublika, 447 p. [in Rus].

19. Huning A. (1989) Inzhener'naja dejatel'nost' s točki zrenija jeticheskoi i social'noj otvetstvennosti [Engineering activity from the point of view of ethical and social responsibility]. *Filosofija tehniki v FRG*. Moscow, Progress, 528 p. [in Rus].

20. Curr I. (2006) Uslozhnjonnnye ponjatija o zhizni: «Poluzhivye sushhestva» [Complicated concepts of life: "Half-dead creatures"]. *Logos*, no. 4 (55), pp. 148-157 [in Rus].

21. Jaspers K. (1986) Sovremennaja tehnika [Modern technology]. *Novaja tehnikratskaja volna na zapade*. Moscow, Progress, 452 p. [in Rus].

Статья поступила в редакцию 15.02.2023

For citing: Pogorelskaya, E. Yu.

On the way to technicalizing the living and the human proper: from pragmatics to a dream / E. Yu. Pogorelskaya, L. S. Chernov // *Socium i vlast'* [Society and Power]. — 2023. — № 2 (96). — P. 7—15. — DOI 10.22394/1996-0522-2023-2-07-15. — EDN EJFRXX.

UDC 111.7

EDN EJFRXX

DOI 10.22394/1996-0522-2023-2-07-15

ON THE WAY TO TECHNICALIZING THE LIVING AND THE HUMAN PROPER: FROM PRAGMATICS TO A DREAM

Elena Yu. Pogorelskaya,

Humanitarian University,
Associate Professor of the Department
of Socio-Cultural Service and Tourism,
Cand. Sc. (Philosophy),
Yekaterinburg, Russia.
ORCID: 0000-0002-9723-465X
E-mail: schreibigus@mail.ru

Leonid S. Chernov,

Ural State Mining University,
Associate Professor of the Department
of Philosophy and Cultural Studies,
Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor.
Yekaterinburg, Russia.
ORCID: 0000-0003-2277-2899
E-mail: leon-chernov@yandex.ru

Abstract

Introduction. The universality of modern technology testifies to a certain mode of its existence. It manifests itself in the fact that there is practically not a single segment of the modern world, not a single sphere of culture where technology has not spread its influence - direct or indirect / anonymous. On the basis of the study, the authors come to the conclusion that technology is both a tradition and a logic built into the tradition, and the realization of a special existential orientation, an embodiment of a special kind.

The purpose of the study is to reveal whether its essence is connected only with the pragmatic function of technology, or whether there is a special symbolic beginning in technology, which takes technology beyond the scope of rational use.

Methods. The authors apply the structuralist method that makes it possible to reveal structures behind the everyday understanding of technology that can generate semantic layers. The structuralist method is complemented by the phenomenological method, since the identified structures constitute the symbolic foundations of technical reality. The phenomenological method makes it possible to reveal the “hidden care” of a person, the target reason for the existence of technology.

Scientific novelty of the research. The article reveals the deep meaning of the target cause of the technique. The technical is aimed at overcoming natural barriers, creating artificial natures, with its own special logic of existence. The material properties of things allow the permeability and conditionality of all qualitative obstacles. Quantitative homogeneity, the permeability of all qualities makes the boundaries between the types of living things conditional. There is no line of demarcation not only within life (the theory of evolution is based on this), but also between the living and the non-living. It is possible that there is no boundary between the temporal and the immortal.

Results. The desire of mankind to overcome time is embodied in the being of technology. Mankind strives to conquer nature, to overcome all the barriers that the natural world continues to put up, in order to bypass natural laws to enter the realm of absolute freedom, which connects with immortality. The created technical things themselves have certain laws for implementing a technical idea and limit technical creativity, but the meaning of technical creation is to overcome any restrictions. Man is a technician, because he is the self-willed transformer of the world. There is a revolutionary charge in technology that changes the world to human request. The technique embodies the struggle of a desperate being with the rejection of his fate, his mortal fate.

Conclusions. Despite the fact that science positions itself as rational, sober knowledge, nevertheless, the old dream of overcoming the barrier of death has not gone away. At the present stage, technology is trying to realize this dream through implementing safety, comfort, quality medical care, and an increase in life expectancy. Everything technical is centered on the problem of “life and death”.

Keywords:

ontology of technology,
essence of technology,
will to power,
immortality,
life

Для цитирования: Соломко, Д. В. Техничко-технологизированный мир в свете парадигмальных философско-методологических принципов / Д. В. Соломко // Социум и власть. — 2023. — № 2 (96). — С. 16—26. — DOI 10.22394/1996-0522-2023-2-16-26. — EDN IRANVO.

УДК 101.2

EDN IRANVO

DOI 10.22394/1996-0522-2023-2-16-26

ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЗИРОВАННЫЙ МИР В СВЕТЕ ПАРАДИГМАЛЬНЫХ ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ¹

Соломко Дмитрий Витальевич,

Южно-Уральский государственный университет, Челябинский государственный университет, доцент кафедры философии, кандидат философских наук, доцент. Челябинск, Россия.
ORCID: 0000-0002-2318-7643
E-mail: dimiurg85@mail.ru

Аннотация

Введение. Мир человека представляется как целостность — органическое единство множества взаимосвязанных и взаимозависимых центров (частей, сторон, элементов): природного и культурного, естественного и искусственного, живого и неживого. В доминировании какого-либо центра (например, технико-технологического) над другими и/или в попытке реализации его претензии на статус целого нарушается согласованное и оптимальное соотношение в сосуществовании и синергичном развитии всех центров, а следовательно, и всего целого. Возникает экосистемная проблема.

Цель. Представить и проанализировать технико-технологизированный мир в контексте актуальных философских и научных методологических принципов: полицентричность, сложность, сетецентричность, экосистемность. Обозначить их теоретическую и практическую значимость, взаимозависимость. Обосновать принцип экосистемности как более общий и фундаментальный. Представить его

эффективность в сохранении целостности человека, его мира и полноценности человеческого бытия-в-мире.

Методы. Используются методы диалектики, синергетики и системного подхода в философском осмыслении специфики современного технико-технологизированного мира и существования в нем человека. Методы экстраполяции и интерпретации. Идеи акторно-сетевой теории Б. Латура. Экосистемный подход.

Научная новизна исследования. Осуществлена проекция ключевых установок и понятий актуальных концептуально-парадигмальных принципов на технико-технологизированный мир, сформулированы их основные недостатки и достоинства. Содержательно обосновано, что принцип экосистемности является наиболее эффективным в решении проблемы сохранения и воспроизводства целостности мира человека, самого человека и его бытия.

Результаты. Проведен теоретико-методологический анализ технико-технологизированного мира и бытия человека в нем. Определено, что при решении проблемы сохранения и воспроизводства целостности человека и его мира принцип экосистемности выступает наиболее эффективным и предпочтительным. Экосистемный принцип подразумевает синергетическое единство всех центров человеческого бытия, их взаимообусловленность и взаимозависимость, обеспечивает приоритет целого на благо каждого центра, выражающегося во взаимоукреплении и расширении их потенциала.

Выводы. Автор статьи приходит к выводу, что применение актуальных парадигмальных принципов в изучении и анализе технико-технологизированного мира позволяет получить более многоаспектную и точную интерпретацию способов и средств достижения полноценного бытия человека с ориентацией на сохранение его идентичности, самобытности, субъектности и целостности.

Ключевые слова:

бытие человека, технико-технологизированный мир, полицентричность, парадигма сложности, сетецентричность, когерентность, экосистемность

¹ Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, Конкурс «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (региональный конкурс) 22-18-20011 «Цифровая грамотность: междисциплинарное исследование (региональный аспект)».

Введение

В XXI веке человек, организовывая свою жизнедеятельность, все охотнее делегирует многие функции и способности технике, которая освобождает его от различных рутинных, автоматизированных и алгоритмизированных видов деятельности, связанных с обработкой и хранением больших объемов информации (данных), проведением сложных расчетов и аналитических операций, прогнозированием и просчетом различных вариантов развития событий и т. п. Теперь эти и другие задачи (с удивительной для человека скоростью и легкостью) могут выполняться высокотехнологичными (hi-tech) устройствами — от смартфонов до суперкомпьютеров и искусственного интеллекта, развитие которого, по точному замечанию Н. Н. Ростовой, «превращается в главную стратегическую задачу государства» [18, с. 50—51]. Практически все отношения человека в его мире опосредованы техникой и технологиями, что уверенно укрепляет их самооценку, порой превышающую ценность человека. Мир человека становится преимущественно технико-технологизированным. Безусловно, технологии и техника всегда были в мире человека, но их качество, возможности и влияние стали сейчас принципиально иными. Опасность видится в том, что, переключаясь на технику выполнение многих задач, человек попадает в пассивную позицию и, как следствие, утрачивает свою субъектность и свободу, становясь на эссенциальном уровне зависимым от технико-технологических средств. Техника, если выражаться словами М. Хайдеггера, становится частью нашей сущности [21]. Нейробиолог Т. В. Черниговская в своих публикациях и выступлениях связывает это стремительным угасанием необходимости у современного человека в данной ситуации решать вопросы, требующие активного применения когнитивных и творческих способностей. Как утверждает Татьяна Владимировна, «человеческий мозг должен выполнять трудные задачи» [22]. В противном случае, безусловно и беспредельно облегчая свой физический или умственный труд за счет техники, человек может лишиться себя возможности активно развиваться, полноценно мыслить, действовать и жить.

В последнее время исследованию человеческого мозга и мозговым структурам уделяется особое внимание. Человек в общепринятом понимании определяется прежде всего как *Homo Sapiens* — человек разумный. Именно с мозгом связыва-

ют разум человека. Многими учеными и философами считается, что остановка или задержка мозговой активности приведет к невозможности или трудностям реализации потенциала человека. Казалось бы, все очень просто: человек решает жизненные «головоломки» и продолжает существовать по-человечески. Однако человека нельзя свести только к разуму = мозгу, человек значительно больше и шире. В нем можно выделить и другие не менее важные центры, порой неподконтрольные разуму: инстинкты, интуиция, воля, чувства, эмоции, любовь, свобода, творчество, совесть и др. Без наличия этих центров (или даже одного из них) можно считать, что и нет человека. При этом человек не сводится ни к одному из этих центров в отдельности и даже их сумме. Человек есть универсальное, полицентричное существо, несводимая ни к чему отдельному целостность. Разумеется, далеко не всегда в нем все эти центры сосуществуют в согласованном состоянии и оптимальном соотношении. Не всегда человек есть «органическое целое» (Г. Гегель, К. Маркс). В основном это происходит в те моменты, когда человек свободно трудится, любит, творит, страдает, переживает, когда он открыт миру. Определяя человека только через какой-то один центр — «*sapiens*», «*faber*», «*ludens*», «*digital*» и др. — нарушается его целостность, автоматически устанавливается логика превосходства и доминирования одной части над другими или даже над всем целым. Возникает проблема сохранения целостности человека и полноценности его существования в созданном им же самим мире, теперь уже преимущественно технико-технологизированном мире. Поэтому так важна и нужна философская рефлексия в вопросе отношения и соотношения в системе «человек — технико-технологизированный мир». Важен и разговор о базовых парадигмальных принципах, из которых исходит философская и научная рефлексия каждый раз, пытаюсь понять, что такое техника и человек в их связи друг с другом. Учитывая особенности технико-технологизированного мира, возможности его анализа самого по себе и в отношении к человеку, рассмотрим его в контексте основных актуальных парадигмальных принципов: полицентричность, сложность, сетцентричность, экосистемность. Базовые установки этих принципов могут быть эффективно применены в качестве концептуально-методологических (философских) оснований исследования феноменов культуры, в том числе техники и технологий.

1. Техничко-технологизированный мир в свете принципа полицентричности

Отношение человека к своему миру — это отношение человека к самому себе иному. Мир человека есть развернутый, расширенный в своих объективированных, искусственных формах человек: «именно в расширении человек возможен как человек» [18]. Однако в безудержном процессе всесторонней технизации своего мира и самого себя, человек существенно отдаляется от своей универсальной и полицентричной природы. Расширение человека может обернуться его «растворением» в техническом. Мир человека и бытие человека-в-мире зачастую сводятся к пределам технического — алгоритмизации, формализации, схематизации, автоматизации и т. п. Это, безусловно, важные моменты в существовании человека, но не единственно необходимые.

Человек научился искусственным образом объективировать техническое, которое внутренне присуще ему как то, что предполагает наличие совокупности определенных технических приемов, необходимых в каком-либо деле, без которых человек не обходится нигде, даже в сфере таких видов деятельности, которые связаны с художественным творчеством, искусством. Практически все виды человеческой деятельности опосредованы техническим. Всё техническое — искусственно, но не наоборот. Искусственное в форме технического всегда опосредовано по сравнению с непосредственным живым актом. Искусственное нетехнического типа — все, что создаётся человеком, но не сводится к алгоритмическим процедурам. Например, когда художник пишет картину, он и ремесленник/функционар, владеющий набором соответствующих знаний, умений, навыков и операций. Но не это одно делает его художником, картину — произведением искусства. А именно то, что является неповторимым в своей оригинальности художественным образом, выступающим результатом живого творческого чувства, настроения, переживания, понимания.

Человеческое бытие полицентрично, оно есть единство многих различных центров: естественного и искусственного, опосредованного и непосредственного, объективированного и необъективированного, антропологического и технического, живого и неживого [16]. Каждый центр имеет право на существование, без претензии на абсолютность и доминирование одного над другим. Принцип полицентричности

означает признание и учет интересов множества центров, их разнообразия и самобытности, индивидуальных особенностей и потребностей. Принцип полицентричности предполагает не иерархическую модель взаимодействия, но сетевую и сложностную, в которой центры организуются под действием синергичной конвергенции [1]. По словам В. А. Долина, конвергенция человека и новейших технологий, антропологического и технического онтологически возможна и определяется как «сопряжение энергий и особенностей функционирования систем при сохранении их качественной определенности» [10, с. 95]. Для этого, с точки зрения автора, необходимо, чтобы новейшие технологии были ориентированы на человека, оставались соразмерными его «телесно-разумной природе», соответствовали ему как «телесно-душевно-духовному существу» с целью сохранения его качественной определенности и дальнейшего раскрытия потенциала.

В. И. Аршинов и В. Г. Буданов в жизненном мире современного человека выделяют как минимум четыре основных центра: природный, технический, социальный и виртуальный. Эти центры могут быть связаны «не только через человека, но и напрямую, помимо человека, который все больше заменяется в них искусственным интеллектом» [2, с. 225]. Искусственный интеллект и его системы «способны полностью заменить человека, например, при управлении воздушным, наземным, водным транспортом, предоставлении некоторых медицинских услуг (экспертные системы), предоставлении образовательных услуг, производстве и т. д.» [13, с. 57]. На первый взгляд это означает, что мир человека вполне может существовать и эволюционировать без него. Однако человек не есть просто набор технически воспроизводимых функций, не все в человеке можно технически воспроизвести и тем самым исключить его из созданного им же самим мира. Технической объективации пока не поддаются: свобода воли, творчество, любовь, страдание и сострадание, т. е. все присущие человеку предельные онтологические основания его бытия. Пока сохраняются и активно воспроизводятся человеком эти константы, можно полагать, что «искусственный мир не превзойдет нас, а будет нашим коллегой, сотрудником» [2, с. 225—226].

Если же техническое (или какой-либо другой центр человеческого бытия) начинает абсолютизироваться, то это означает, что на человека и его мир смотрят с точки

зрения узкотехнической функциональности, забывая о его «несводимости» (термин В. Д. Губина) как о фундаментальной характеристике человека [9]. Несводимость означает, что бытие человека допускает, включает в себя многие значимые центры, без наличия которых нет человека [8]. При этом бытие человека не сводится ни к одному из центров и даже к их совокупности, т. е. ни один из центров не может претендовать на то, что именно он один и представляет собой эту несводимую целостность. Важно отслеживать, чтобы все центры свободно сосуществовали, сохраняя свои особенности, без претензии на абсолютное доминирование.

Принцип полицентричности есть антиредукционистский принцип, предполагающий уход от любых форм радикализма: иерархического, технологического, био-консервативного, экоцентристского и пр. Логика, на которую опирается данный принцип, есть нелинейная, сложностная логика, предполагающая рекурсивную, сетевую, коммуникативную связанность, когерентность и структурную сопряженность частей целого. Здесь возникает проблема сложности современного технико-технологизированного мира, от которой пытаются уйти представители различных форм редукционизма, например, технооптимизма [3; 4; 5; 7; 24] или технопессимизма [14; 19; 23].

2. Принцип сложности в интерпретации технико-технологизированных условий бытия человека

В свете принципа сложности отношение «человек — технико-технологизированный мир» представляется сложной системой, практически несводимой до простых элементов или закономерностей, которая состоит из множества взаимодействующих и взаимозависимых сторон, влияющих друг на друга спонтанным и непредсказуемым образом, что требует учета множества факторов и связей между элементами этой системы, позволяющих получить более глубокое и полное представление о ней.

По утверждению Я. Линцбаха, обозначенного еще в начале XX в., каждый предмет имеет несколько проекций/сторон, неодинаково выразительных и интересных человеку [17]. Специфика современного технико-технологизированного мира и существования человека в нем вызывают необходимость множества философских, научных, художественных, религиозных, обыденных интерпретаций и даже их конфликт, что, в свою

очередь, может пониматься не столько как недостаток, сколько как достоинство понимания, поскольку технико-технологизированный мир функционирует на пересечении многих смысловых центров бытия человека: политического, экономического, медицинского, образовательного, повседневного и др. Трансформационные изменения или застой/стагнация в одном центре неизбежно повлияют на состояние другого центра, сопряженного напрямую или косвенно с ним, что, безусловно, скажется и на состоянии всего целого.

Технико-технологизированный мир разнообразен, в нем можно выделить различные виды техник и технологий, классификация которых пока еще представляет проблемный вопрос. Техника проникла и основательно закрепилась практически во всех сферах человеческого существования. Разные виды техники и технологий оказывают разное по силе и масштабам влияние на жизнь и деятельность современного человека. Последствия сложно прогнозируются. С равным успехом обозначаются как неблагоприятные перспективы, так и позитивные возможности развития и применения технико-технологических средств. Более того, техника уже сейчас функционирует не как простое воспроизведение заложенных в нее человеком алгоритмов, установок и смыслового содержания. Встраиваясь в «жизненный мир» человека (порой спонтанный, непредсказуемый, динамичный, живой мир), техника уже сейчас способна генерировать новые смыслы, устанавливать и разворачивать совершенно новые непредсказуемые связи. С развитием и повсеместным применением технологий мир человека становится преимущественно соразмерным технике и все менее соразмерным человеку. Мир человека с устрашающей скоростью трансформируется в мир техники.

В установлении и воспроизводстве новых смыслов и связей, порожденных технико-технологическими нововведениями, может быть обнаружен и гуманистический смысл. Сложившаяся ситуация заставляет человека иначе, по-новому взглянуть на мир, определить себя в отношении к нему. Вновь попытаться ответить на вопросы: что такое человек и каково его место в мире? Человек есть пластичное существо. Его пластичность реализуется, например, в умении эффективно и со всей ответственностью переоценить устоявшиеся ценности, изменить способы своего существования, быть готовым к возникающим переменам. В этом проявляется и его жизнеспособность.

Динамика технико-технологического развития приобретает пугающие характеристики турбулентности, возникающие порой как ответ на безудержные импульсы разнообразных потребностей самих же людей. Человек сам порождает различные запросы, к примеру, на технико-технологическое упрощение и облегчение своей жизни, ускорение и большую эффективность своей деятельности, в надежде, что это приведет к более безопасному, комфортному и благоприятному существованию. Подобное, конечно, достигается, но обнаруживается и другая сторона. Адаптационные возможности человека далеко не всегда справляются со сложившимися бурными скоростями технико-технологического процесса, порождающего сложные конвергентные NBIC-технологии (нано-, био-, информационные, когнитивные), цифровые, социогуманитарные технологии.

Иными словами, возникшую ситуацию сложности можно оценивать как необходимый катализатор в развитии человека и общества: «Построение пути в человекомерное будущее при всей его квантово-сложностной неопределенности и растущей рискованности возможно лишь при создании новых инновационных подходов и инструментов его конструирования в рамках становящейся парадигмы сложности» [1]. Конечно, при условии, что эта сложность будет осознаваема как нередуцируемая и несводимая ни к чему отдельному целостности, для которой характерно синергичное взаимодействие различных центров, находящихся в соподчинении и взаимозависимости между собой. Согласно Б. Латуру, проблема сложности может быть решена посредством применения такой теоретической и практической установки мышления и деятельности человека, которая содержательно представлена в принципе сетцентризма [15].

3. Сетцентричный принцип в снятии противоречия антропологического и технического

XXI век можно определить как время острых трансформаций во всех сферах бытия человека, характеризующихся сетевой интерференцией основных глобальных цивилизационных кризисов/переходов: экономического, политического, социального, культурного, антропологического, экологического, информационного и др. Одним из основных факторов изменений выступает интенсивное развитие информационно-сетевой цифровизации жизни

и деятельности современного человека. В технико-технологизированном мире, который, по мнению современных исследователей цифры и цифрового А. А. Дыдрова и Р. В. Пеннер, становится все более цифровым, классическая антропологическая позиция в определении человека как субъекта (активного и сознательного, действующего и целеполагающего существа) в дискурсах о сетцентричности ставится под сомнение и трансформируется в понимание его как некоего актора среди других акторов (не обязательно людей), в роли которых могут выступать гаджеты, компьютеры, нейросети, искусственный интеллект. «Цифровые технологии расфокусировали антропологическую призму» [11, с. 115].

Акторно-сетевая теория (АНТ), оформленная в 1970-х годах в работах М. Каллона и Б. Латура, отвергает установку классической философии в определении человека как субъекта [15]. Субъект как носитель сознания, способный к осознанным действиям не представляется в этом контексте ключевым элементом. Акцент переносится на само действие, которое способно совершить кто или что угодно. Здесь нет принципиальных различий, четких границ и асимметрий между человеком и не-человеком, социальным и не-социальным, антропологическим и техническим, живым и неживым. Есть акторы (потенциальные или актуальные), образующие своим взаимодействием сеть, которая, в свою очередь, определяет структуры этого взаимодействия. В результате чего, акторы и сеть становятся неразделимы.

Безусловно, АНТ позволила снять многие противоречия классической философии, возникающие в попытках осмысления специфики бытия современного человека в его мире, связанных, прежде всего, с делением действительности на субъект и объект. Однако, несмотря на все позитивные возможности, открывающиеся АНТ, есть опасение, что в подобной модели существования человек может окончательно утратить свою идентичность, уникальность, субъектность и свободу. Выглядит это, конечно, так, но только при первом приближении. Человек вряд ли когда-нибудь сможет утратить субъектные качества (даже если это и случится, то это будет уже не человек), они связаны со свободой как его родовой характеристикой. Своей свободой, свободной волей человек вмешивается в естественный ход, существование всего, что вовлекается в сферу его собственного существования, он прерывает естественность (т. е. самостоятельность, независимость) существования чего-либо

своей свободой. Например, у М. Хайдеггера в этом ключе говорится о Рейне, который перекрыт плотиной — Рейн (естественность его существования) прерывается свободой человека (плотиной, которую он искусственно возводит). Свобода — естественное для человека качество, своей свободой человек прерывает естественную необходимость существования Рейна (Рейн течет определенным образом по природной необходимости) и придает новую необходимость через проявление своей свободной воли (он заставляет реку подчиниться новой необходимости, создает искусственную для реки необходимость) [20]. Лишить человека свободы совсем — невозможно, можно минимизировать возможности и потребности ее проявления (например, в манипулятивных целях). Значит, субъектность не может вообще исчезнуть. Другое дело, что она может быть абсолютизирована в своем значении или только к ней и сводят человека (когда отождествляют человека и субъект, как в классической философии рационализма). Тем более нельзя абсолютизировать индивидуальную максимум человеческой воли, доводя ее до статуса всеобщего закона в любом случае, т. е. всегда объявлять свою свободу вершинной (И. Кант не случайно различал категорический и гипотетический императивы).

Технико-технологизированный мир в призме сетецентричного принципа представляется как множество сопряженных и пересекающихся между собой центров (которым может стать любая искусственный или естественный артефакт) с динамическими и взаимопроницаемыми границами. Взаимодействие центров осуществляется спорадическим, сложно прогнозируемым образом, отследить и метрологически зарегистрировать которое становится практически невозможно. Но игнорирование подобных трансформационных процессов по причине их сложностной природы может обернуться трудно предсказуемыми последствиями: например, технико-технологической сингулярностью [6] или же ее противоположностью — консервацией и «музеефикацией» [24] всех традиционных способов и форм бытия человека, с полным отказом от всего продвинуто-технологического. С точки зрения автора данной статьи, продуктивное осмысление и концептуализация меняющегося мира и бытия человека в нем возможно. Альтернативой технико-технологическому (узко-рациональному) принципу, своеобразным вариантом упорядочивания и приведения к целостности полицентричного и сетецентричного

сложностного технико-технологизированного мира может выступить экосистемный принцип.

4. Экосистемный вектор философского осмысления бытия человека в технико-технологизированном мире

Общим понятием, лежащем в основе принципов сложностности, поли- и сетецентризма, выступает «конвергенция», которое является предпочтительнее понятий классической философии: «синтез», «интеграция», «единство», т. к. «выражает тот факт, что сближение человека и новейших технологий в настоящее время скорее тенденция, нежели реализованная возможность <...> понятиям “синтез” и “интеграция” соответствует более глубокий и целостный вариант объединения» [10, с. 98]. Действительно, мир человека, определяемый как технико-технологизированный мир, сложно назвать целостным образованием, где преобладал бы принцип доминанты целого по отношению к его частям. Его актуальное состояние, скорее, определяется доминированием части по отношению к другим частям и даже целому — отмечается тенденция, когда часть претендует на место целого. Технико-технологическая составляющая современного мира, расширяющаяся посредством радикальных дискурсов теории технико-технологической сингулярности, технооптимизма, техногуманизма, технологического радикализма, постгуманизма, трансгуманизма и иммортологии, уверенно обозначает свое превосходство по отношению к другим составляющим бытия человека, укрепляя тенденцию постепенного ухода от антропологического, социального и культурного, выступая за полное их слияние с техническим. К примеру, в АНТ мир человека определяется как «социотехническая сеть». Отметим, не антропо-социо-техническая сеть, но просто социо-техническая. Человек во всей своей полноте, в единстве своих онтологических характеристик (биологических, социальных, культурных, душевно-духовных) уже необязателен. В акторно-сетевой теории он уже не деятельное существо, но просто действующее лицо — актор, причем один из множества. Возможно в будущем для определения окружающего мира необязательным станет и социальный компонент. Сначала может произойти своеобразное переворачивание основных компонентов и мир человека будет определяться как «техносоциальная сеть», а затем и просто — «техносеть» [25].

Принцип экосистемности является методологически и концептуально эффективным в сохранении целостности человека, его мира и полноценности человеческого бытия-в-мире, т. к. предполагает, что все элементы, включенные в систему (эти элементы можно по-разному представить, например, элементы естественного и искусственного, антропологического и технического, живого и неживого), связаны в синергетическое единство — усиливают и поддерживают друг друга, обеспечивают приоритет целого на благо каждого элемента, выражающегося во взаимоукреплении и расширении их потенциала.

Безусловно, экосистемный принцип, подобно обозначенным выше принципам полицентричности, сложности и сетцентричности, может и не иметь антропологического измерения. Таковыми могут быть различные природные экосистемы. Например, дикие леса, которые не подвергались значительным изменениям в течение многих лет. В таких лесах обитают множество видов животных и растений, которые существуют в естественном балансе. Другим примером может быть океан, который также является экосистемой, где живут различные виды рыб, морских млекопитающих и других организмов. Эти экосистемы существуют в естественном состоянии без вмешательства человека и являются важными для сохранения биоразнообразия на Земле. Первичное значение имеет то, что экосистемный принцип предполагает системную целостность, органическое единство, взаимозависимость и поддержку элементов между собой, готовность и открытость по отношению к тем изменениям и трансформациям, которые сопровождают развитие человека и его мира. Это означает, что все элементы целого (экосистемы) будут находиться в согласованном и оптимальном соотношении, обеспечивая его внутреннюю мобильность, перспективу развития, удерживая систему на плаву. В современном технико-технологизированном мире уже сейчас можно встретить подобные экосистемы. Например, в сфере цифровой экономики наблюдается создание открытых систем взаимодействий сообществ разработчиков различных программ, интерфейсов и цифровых платформ, производителей товаров и услуг, потенциальных и реальных потребителей. Так, оператор мобильной связи, оказывающий ранее определенную узкоспециальную услугу, дополняясь иными функциями и сервисами, расширяется и становится мобильным банком, с сохранением услуг свя-

зи, которые оказывались ранее. При этом в подобной экосистеме воспроизводится системное единство всех элементов, их синергия. Устанавливаются и поддерживаются оптимальность и согласованность (а значит, взаимоукрепление и расширение потенциала) в соотношении различных и даже противоположных сторон, их сопряженность и координация. При этом за счет взаимоусиления и взаимопроникновения сохраняется и воспроизводится самобытность каждого элемента и всего целого.

Экосистемный принцип отражает активную позицию по укреплению ответственности человека в технико-технологизированном мире. Возвращает человека в созданный им же самим техномир как сознательного и целеустремленного деятеля (субъекта), на взаимокомфортных, экологических (поддерживающих и обеспечивающих оптимальное существование различных сторон) основаниях. В настоящее время это важно, ибо отказ от субъектной функции означает отказ от активной позиции человека и по отношению к его миру, к другим людям, и по отношению к себе, что неизбежно приведет к элиминации человека как уникального родового существа.

Заключение

Сегодня не существует строгой иерархии между указанными в данной работе парадигмальными философско-методологическими принципами: полицентричность, сложность, сетцентричность, экосистемность. Однако отмечается их взаимодействие и взаимозависимость. Можно сказать, что экосистемность является более общим и фундаментальным принципом, объединяющим остальные. Экосистемный принцип предполагает рассмотрение системы «человек — технико-технологизированный мир» в целом, учитывая взаимодействие всех ее компонентов. Полицентричность, сложность и сетцентричность представляют собой конкретные проявления принципа экосистемности в различных областях знания и практической жизнедеятельности человека. Если говорить в самом общем виде и поверхностно, то полицентричность проявляется в том, что в любой экосистеме существует множество различных центров влияния, например различные виды растений и животных, которые выполняют различные функции и взаимодействуют между собой сложно прогнозируемым образом. Сложность проявляется в том, что экосистема представляет собой сложную дина-

мическую систему, где изменения в одном компоненте могут привести к неожиданным последствиям для всей системы. Сетецентричность обнаруживается в том, что экосистема представляет собой сеть взаимодействий между различными компонентами, где каждый компонент переплетен в единую сеть, зависит от других и влияет на них.

Ускорение технико-технологического развития мира человека можно охарактеризовать как определенный ответ на вызовы времени, своеобразную компенсаторную реакцию. Когда потребовалась, например, замена монотонного, рутинного, однообразного труда, выполняемого человеком, на машинный. То есть на виды работ, появившихся в период индустриализации, которые требуют повторяющихся операций, поддающихся алгоритмизации и формализации. Почему? Может быть, из чисто экономических соображений, а может — из необходимости сохранения и воспроизведения живого начала в человеке. Дело в том, что большую часть жизни человек проводит, выполняя деятельность «технологического» рода. Такой режим существования человека, его образ жизни, мышление, способы понимания и самопонимания становятся технически и технологически нагруженными, соразмерными техническому (понимаемому в широком смысле как набор технических приемов, которые человек с необходимостью осваивает в любом виде деятельности) и часто даже сводятся к нему — становятся все более стандартизированными, автоматизированными, схематизированными, формализованными — «неживыми». Живое начало в человеке является антиподом указанных состояний, в которых человек мыслит и действует не свободно и от себя, а по заданным извне схемам и алгоритмам. Здесь компенсаторный механизм культуры действует следующим образом. Человек задает такие параметры, что техника и технологии начинают «идти навстречу» человеку — освобождают его от подобного рода деятельности, не дают ему самому превратиться в «роботизированную» машину, выполняющую одни и те же, повторяющиеся изо дня в день функции. Разумеется, машины способны выполнять, например, функции вычисления, справляясь более эффективно и в короткие сроки с обработкой огромного количества данных, безусловно необходимых для более точного отражения сложившейся ситуации, эффективного управления ею, поиска оптимальных путей решения возникающих вопросов и задач. Однако обнаруживается и обратная сто-

рона, например техника, упрощая многие виды деятельности, высвобождает огромные временные ресурсы для человека, тем самым обостряя проблему продуктивного использования свободного времени. Человек может использовать это время так, как сам посчитает нужным: например, может потратить его на саморазвитие, приобретение новых навыков, умений, знаний; освоить новые виды деятельности, профессии и т. д. Человеку открывается возможность стать самостоятельным, самобытным, стать активным действующим началом, укрепить свою субъектную позицию в мире, взять на себя ответственность быть живым, компенсируя давление «внешних» стандартизирующих социокультурных стереотипов.

1. Аршинов, В. И. Парадигма сложности и социогуманитарные проекции конвергентных технологий / В. И. Аршинов, В. Г. Буданов // Вопросы философии. — 2016. — № 1. — С. 59—70.

2. Аршинов, В. И. Сетевая цивилизация и природа Большого антропологического перехода / В. И. Аршинов, В. Г. Буданов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. — 2021. — № 1. — С. 220—231.

3. Барышников, П. Н. Типология бессмертия в теоретическом поле французского трансгуманизма / П. Н. Барышников // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. — 2014. — № 1. — С. 98—127.

4. Болонкин, А. А. Бессмертие людей и электронная цивилизация / А. А. Болонкин. — URL: http://lit.lib.ru/b/bolonkin_a_a/immortalityofpeopleand_electroniccivilization.shtml (дата обращения: 18.02.2023).

5. Бостром, Н. FAQ по трансгуманизму / Н. Бостром. — URL: <https://coollib.com/b/326779/read> (дата обращения: 18.02.2023).

6. Виндж, В. Сингулярность / В. Виндж. — М.: АСТ, 2019. — 224 с.

7. Вишев, И. В. Современная научная революция: переход от смертнической парадигмы к парадигме бессмертнической / И. В. Вишев // Вестн. ЮУрГУ. Сер.: Социально-гуманитарные науки. — 2008. — № 6 (106). — С. 112—116.

8. Губин, В. Д. Проблема «живого» человека / В. Д. Губин // Серия «Мыслители», *Miscellanea humanitaria philosophiae*: Очерки по философии и культуре. Выпуск 5.

К 60-летию профессора Юрия Никифоровича Солонины. СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2001. — С. 40—47.

9. Губин, В. Д. Философская антропология / В. Д. Губин, Е. Н. Некрасова. — М. : Форум, 2008. — 398 с.

10. Долин, В. А. Конвергенция человека и новейших технологий: подход умеренного биоконсерватизма / В. А. Долин // Вестник томского государственного университета. Философия. Социология. Политика. — 2017. — № 38. — С. 95—103.

11. Дыдров, А. А. Построение дискурса о цифровом как феномене информационной современности / А. А. Дыдров, Р. В. Пеннер // Социум и власть. — 2022. — № 3 (93). — С. 114—126.

12. Казеннов, Д. К. Концептуальные основания трансгуманизма : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Специальность 09.00.01. — Саратов, 2011. — 178 с.

13. Квашнина, Д. А. Философские аспекты влияния искусственного интеллекта на социум / Д. А. Квашнина // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. — 2017. — № 37. — С. 57—61.

14. Кутырев, В. А. Бытие или ничто / В. А. Кутырев. — СПб. : Алетей, 2009. — 496 с.

15. Латур, Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии / Б. Латур. — СПб. : Издательство Европейского университета в СПб., 2006.

16. Лебедев, С. А. Многомерный человек: онтология и методология исследования / С. А. Лебедев, Ф. В. Лазарев. — М. : Изд-во МГУ, 2010. — 96 с.

17. Линцбах, Я. Принципы философского языка. Опыт точного языкознания / Я. Линцбах. — Пг. : Новое время, 1916. — 226 с.

18. Ростова, Н. Н. Оппозиция «человек и техника» как проблема современной философии / Н. Н. Ростова // Вопросы философии и психологии. — 2019. — № 6 (1). — С. 50—59.

19. Фукуяма, Ф. Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции / Ф. Фукуяма. — М. : АСТ, 2004. — 352 с.

20. Хайдеггер, М. Вопрос о технике / М. Хайдеггер. — URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/5565> (дата обращения: 18.02.2023).

21. Хайдеггер, М. Отрешенность / М. Хайдеггер. — URL: <http://lib.ru/HEIDEGGER/gelassen.txt> (дата обращения: 18.02.2023).

22. Черниговская, Т. В. Мозг должен тяжело и постоянно трудиться / Т. В. Черниговская. — URL: <https://spb.aif.ru/gazeta/number/36501> (дата обращения: 18.02.2023).

23. Шитиков, М. М. Философия техники: учеб. пособие / М. М. Шитиков. — Екатеринбург : Изд-во УГГГА, 2004. — 99 с.

24. Эпштейн, М. Н. Проективный словарь гуманитарных наук / М. Н. Эпштейн. — М. : Новое литературное обозрение, 2017. — 616 с.

25. Winner, L. Autonomous Technology: Technics-out-of-Control as a Theme in Political Thought. 1977.

References

1. Arshinov V.I., Budanov V.G. (2016) Paradigma slozhnosti i sotsiogumanitarnyye proyeksii konvergentnykh tekhnologiy [Paradigm complexity and socio-humanitarian projections of convergent technologies]. *Voprosy filosofii*, no. 1, pp. 59-70 [in Rus].

2. Arshinov V. I., Budanov V. G. (2021) Setevaya tsivilizatsiya i priroda Bol'shogo antropologicheskogo perekhoda [Network civilization and nature of a large anthropological transition]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment*, no. 1, pp. 220-231 [in Rus].

3. Baryshnikov P.N. (2014) Tipologiya bessmertiya v teoreticheskom pole frantsuzskogo transgumanizma [The typology of immortality in the theoretical field of French transhumanism]. *Filosofskiye problemy informatsionnykh tekhnologiy i kiberprostranstva*, no. 1, pp. 98-127 [in Rus].

4. Bolonkin A.A. (2017) Bessmertnye lyudey i elektronnyaya tsivilizatsiya [Immortality of people and electronic civilization], available at: http://lit.lib.ru/b/bolonkin_a_a/immortalityofpeopleand_electroniccivilization.shtml (accessed 18.02.2023) [in Rus].

5. Bostrom N. (2002) FAQ po transgumanizmu [FAQ in transhumanism], available at: <https://coollib.com/b/326779/read> (accessed 18.02.2023) [in Rus].

6. Vindzh V. (2019) Singulyarnost' [Singularity]. Moscow, AST, 224 p. [in Rus].

7. Vishev I.V. (2008) Sovremennaya nauchnaya revolyutsiya: perekhod ot smertnicheskoy paradigmy k paradigme bessmertnicheskoy [Modern scientific revolution: the transition from the suicide paradigm to the paradigm of immortal]. *Vestnik YUURGU. Ser.: Sotsial'no-gumanitarnyye nauki*, no. 6, pp. 112-116 [in Rus].

8. Gubin V.D. (2001) Problema «zhivogo» cheloveka [The problem of a "living" person]. *Seriya «Myshliteli», Miscellaneous humanitaria philosophiae: Ocherki po filosofii i kulture. Vypusk 5 / K 60-letiyu professora Yuriya Nikiforovicha Solonina Sankt-Peterburg. Sankt-Peterburgskoye filosofskoye obshchestvo*, pp. 40-47 [in Rus].

9. Gubin V.D., Nekrasova Ye.N. (2008) *Filosofskaya antropologiya* [Philosophical anthropology]. Moscow, Forum, 398 p. [in Rus].
10. Dolin V.A. (2017) *Konvergentsiya cheloveka i noveyshikh tekhnologiy: podkhod umerennogo biokonservativizma* [Convergence of man and the latest technologies: the approach of moderate bioconservatism]. *Vestnik tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politika*, no. 38, pp. 95-103 [in Rus].
11. Dydrov A.A., Penner R.V. (2022) *Postroyeniye diskursa o tsifrovom kak fenomene informatsionnoy sovremennosti* [Construction of discourse about digital as a phenomenon of information modernity]. *Socium i vlast'*, no. 3, pp. 114-126 [in Rus].
12. Kazennov D.K. (2011) *Kontseptual'nyye osnovaniya transgumanizma* [Conceptual foundations of transhumanism]. Saratov, 178 p. [in Rus].
13. Kvashnina D.A. (2017) *Filosofskiye aspekty vliyaniya iskusstvennogo intellekta na sotsium* [Philosophical aspects of the influence of artificial intelligence on society]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, no. 37, pp. 57-61 [in Rus].
14. Kutyrev V.A. (2009) *Bytiye ili nichego* [Being or nothing]. SPb.: Izdatel'stvo «Aleteyya», 496 p. [in Rus].
15. Latur B. (2006) *Novogo vremeni ne bylo. Esse po simmetriynoy antropologii* [There was no new time. Essay on symmetry anthropology]. SPb.: Izdatel'stvo Yevropeyskogo universiteta v SPb., 296 p. [in Rus].
16. Lebedev S.A., Lazarev F.V. (2010) *Mnogomernyy chelovek: ontologiya i metodologiya issledovaniya* [Multidimensional person: ontology and research methodology]. Moscow, Izd-vo MGU, 96 p. [in Rus].
17. Lintsbakh Ya. (1916) *Printsipy filosofskogo yazyka. Opyt tochnogo yazykoznaneya* [The principles of the philosophical language. Experience of accurate linguistics]. Pg: *Novoye vremya*, 226 p. [in Rus].
18. Rostova N.N. (2019) *Oppozitsiya «chelovek i tekhnika» kak problema sovremennoy filosofii* [The opposition "man and technology" as a problem of modern philosophy]. *Voprosy filosofii i psikhologii*, 2019, no. 6, pp. 50-59 [in Rus].
19. Fukuyama F. (2004) *Nashe postchlovecheskoye budushcheye. Posledstviya biotekhnologicheskoy revolyutsii* [Our posthuman future. Consequences of the biotechnological revolution]. Moscow, AST, 352 p. [in Rus].
20. Heidegger M. *Vopros o tekhnike* [Question about technology], available at: <https://gt-market.ru/laboratory/expertize/5565> (accessed 18.02.2023) [in Rus].
21. Heidegger M. (1991) *Otreshennost'* [Removal], available at: <http://lib.ru/HEIDEGGER/gelassen.txt> (accessed 18.02.2023) [in Rus].
22. Chernigovskaya T.V. (2017) *Mozg dolzhen tyazhelo i postoyanno trudit'sya* [Brain should hardly and constantly work], available at: <https://spb.aif.ru/gazeta/number/36501> (accessed 18.02.2023) [in Rus].
23. Shitikov M.M. (2004) *Filosofiya tekhniki: ucheb. Posobiye* [Philosophy of Technology: Textbook. manual]. Yekaterinburg, Izd-vo UGGGA, 99 p. [in Rus].
24. Epshteyn M.N. (2017) *Proyektivnyy slovar' gumanitarnykh nauk* [Projective Dictionary of the Humanities]. Moscow, *Novoye literaturnoye obozreniye*, 616 p. [in Rus].
25. Winner L. (1977) *Autonomous Technology: Technics-out-of-Control as a Theme in Political Thought* [in Eng].

Статья поступила в редакцию 19.02.2023

For citing: Solomko, D. V. Techno-technologized world in the light of paradigmatic philosophical and methodological principles / D. V. Solomko // *Socium i vlast'* [Society and Power]. — 2023. — № 2 (96). — P. 16—26. — DOI 10.22394/1996-0522-2023-2-16-26. — EDN IRAHVO.

UDC 101.2

EDN IRAHVO

DOI 10.22394/1996-0522-2023-2-16-26

TECHNO-TECNOLOGIZED WORLD IN THE LIGHT OF PARADIGMATIC PHILOSOPHICAL AND METHODOLOGICAL PRINCIPLES

Dmitry V. Solomko,

South Ural State University,
Chelyabinsk State University,
Associate Professor, Department of Philosophy,
Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor.
Chelyabinsk, Russia.
ORCID: 0000-0002-2318-7643
E-mail: dimiurg85@mail.ru

Abstract

Introduction. The human world is presented as an integrity — an organic unity of many interconnected and interdependent centers (parts, sides, elements): natural and cultural, natural and artificial, animate and inanimate. When any center dominates over others (for example, technical and technological) and / or attempts to realize its claim to the status of a whole, the agreed and optimal ratio in the coexistence and synergistic development of all centers, and, consequently, of the whole, is violated. There arises an ecosystem problem. The purpose of the study is to present and analyze the techno-technologized world in the context of current philosophical and scientific methodological principles: polycentricity, complexity, network-centricity, and ecosystem; to designate their theoretical and practical significance, interdependence; to substantiate the principle of ecosystems as more general and fundamental and to present its effectiveness in preserving the integrity of man, his world and the full value of human being-in-the-world.

Methods. The author uses methods of dialectics, synergetics and systemic approach in the philosophical understanding of the specifics of the modern techno-technological world and a person's existence in it. The author also uses the methods of extrapolation and interpretation, the ideas of B. Latour's actor-network theory, and ecosystem approach.

Scientific novelty of the research. The author projects the key attitudes and concepts of the actual conceptual and paradigm principles on the techno-technological world, and formulates the main advantages and disadvantages. The author substantially justifies that the principle of ecosystem is the most effective in solving the problem of preserving and reproducing the integrity of the human world, the person himself and his being.

Results. The author carries out theoretical and methodological analysis of the techno-technologized world and a person's existence in it. It has been determined that when solving the problem of preserving and reproducing the integrity of a person and his world, the principle of ecosystems is the most effective and preferable. The ecosystem principle implies the synergistic unity of all centers of human existence, their interdependence and interconnection, ensures the priority of the whole for the benefit of each center, expressed in mutual strengthening and expansion of their potential.

Conclusions. The author comes to the conclusion that the application of relevant paradigm principles in studying and analyzing the techno-technological world will make it possible to obtain a more multidimensional and accurate interpretation of the ways and means of achieving a full-fledged human being, with a focus on preserving his identity, originality, subjectivity and integrity.

Keywords:

human existence,
techno-technological world,
polycentricity
complexity paradigm,
network centricity,
coherence,
ecosystem

Для цитирования: Лукин, А. Н. Хронотоп войны начала XXI века: военно-философский аспект / А. Н. Лукин, С. С. Домрачев // Социум и власть. — 2023. — № 2 (96). — С. 27—37. — DOI 10.22394/1996-0522-2023-2-27-37. —/ EDN IWWNLD.

УДК 531.111

EDN IWWNLD

DOI 10.22394/1996-0522-2023-2-27-37

ХРОНОТОП ВОЙНЫ НАЧАЛА XXI ВЕКА: ВОЕННО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Лукин Анатолий Николаевич,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Челябинский филиал, доцент кафедры государственного управления, правового обеспечения государственной и муниципальной службы, кандидат культурологии, доцент. Челябинск, Россия. E-mail: anlukin@mail.ru

Домрачев Сергей Станиславович,

Военный учебно-научный центр военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина», Челябинский филиал профессор кафедры военно-политической работы в войсках (силах), кандидат философских наук, доцент. Челябинск, Россия. E-mail: ssdomrachev@mail.ru

Аннотация:

Введение. Война как социальный феномен во все времена была объектом философской рефлексии, так как её результаты во многом определяют дальнейшее развитие общества, оказывают глубокое влияние на все сферы социальной жизни. В связи с продолжающейся так называемой специальной военной операцией, которую проводит Россия на Украине и которая одновременно является прокси-войной коллективного Запада против нашей страны, идёт уточнение современного философского дискурса войны [14]. Одним из важных аспектов онтологии войны является рассмотрение её хронотопа. Пространственно-временной фактор оказывает значительное влияние на ход и результат боевых действий в современной войне, что делает его исследование весьма актуальным.

Цель. Дать характеристику хронотопа современной войны. Показать влияние пространственно-временного фактора на ход и результат боевых действий.

Методы. Являясь сторонниками реляционной концепции пространства и времени, авторы рассматривают хронотоп войны как её внутреннее атрибутивное свойство. Кроме того, мы опираемся на методологию синергетики, которая позволяет помимо внешнего универсального пространства-времени выделять внутреннее пространство-время открытых сложных неравновесных систем. Мы применили структурно-функциональный анализ для исследования материальных и идеальных объектов, влияющих на характеристики пространства и времени современной войны. Нами также использованы общенаучные методы: абстрагирование, сравнение, описание и объяснение.

Научная новизна. Дана характеристика хронотопа войны начала XXI века, рассмотрены тенденции его изменений. Обосновывается необходимость учёта пространственно-временных изменений при планировании и ведении боевых действий в современной войне.

Результаты. Новые средства ведения боевых действий, а также соответствующие им изменения в тактике, оперативном искусстве и стратегии существенным образом переформатируют хронотоп войны. Пространство современной войны коренным образом трансформируется за счёт того, что противоборство одновременно происходит не только на плоскости, но и в воздухе, в космосе, под водой и даже в социальных сетях. Новые возможности ударных систем меняют представления о таких характеристиках пространства войны как фронт и тыл. То, что ранее считалось глубоким безопасным тылом, в эпоху использования ракет и боевых дронов таковым уже не является. Время войны также меняется. Возрастание скорости полёта боеприпасов, самолётов, ракет повышает динамику сражений, интенсифицирует все процессы на поле боя. Гиперзвуковые системы меняют темпоритм войны, космические спутники, разведывательные дроны и новые технологии позволяют командиру, управляющему сражением, видеть всё происходящее на поле боя в режиме реального времени, независимо от удалённости от объектов. Каждая новая война ведётся в присутствии ей пространственно-временном континууме. Для победы в войне необходимо всё это учитывать.

Выводы. Хронотоп войны в рамках преобладающей в современной философии реляционной концепции пространства и времени меняется в связи с появлением принципиально новых средств ведения боевых действий, обладающих новыми возможностями.

Это требует существенной корректировки управления боем, обеспечения адекватности поведения человека на войне, подготовки войск с учётом характеристик пространственно-временного континуума конкретной войны, понимания со стороны командного состава сути изменений в пространстве и времени современной войны. Старые шаблонные представления о хронотопе войны могут стать причиной дезориентации человека на поле боя. Это требует не только философской рефлексии происходящих пространственно-временных изменений, но и практического учёта новых знаний при подготовке войск, при планировании и ведении боевых действий.

Ключевые слова:
война,
хронотоп,
пространство,
время,
философия войны.

Введение

Война сопровождает человечество на протяжении последних тысячелетий его существования. Однако современная война существенно отличается от войн предыдущих эпох. Возрастающие темпы изменений в технике и технологиях, в образе жизни человека, глобализация процессов в социуме, цифровизация экономики и всех аспектов человеческого бытия существенно меняют характер военных действий. Не удивительно, что страны и армии готовятся ко вчерашним войнам, так как подготовка ведётся на основе обобщения опыта прошлого, который очень быстро по сравнению с прошлыми веками и даже десятилетиями перестаёт быть актуальным. Новые войны требуют переосмысления старого опыта (а иногда и частичного отказа от него), они наполнены новым содержанием, в то время как боевые уставы, как правило, учитывают лишь опыт прошлых сражений, которые в меняющемся мире уже не повторяются. Полководец, если он всего лишь носитель старых знаний о войне, не в состоянии адекватно ориентироваться в пространстве и времени современной войны ввиду иной интенсивности событий, отличного от прежнего соотношения тыла и фронта, возможности с помощью цифровых технологий наблюдать за противником на всей глубине его боевых построений в режиме реального времени и мгновенно принимать решение на его подавление или уничтожение. Даже в древности шаблонность мышления была противопоказана военным стратегам. Интересную аналогию для иллюстрации этой мысли использует Сунь-Цзы, сравнивая войну с водой: «...У войска нет неизменной мощи, у воды нет неизменной формы. Кто умеет в зависимости от противника владеть изменениями и превращениями и одерживать победу, тот называется божеством» [23]. Современная война имеет отличные от прежних войн параметры. Целью нынешних войн стали захват и контроль над всеми видами пространства (физического, ментального и духовного) [11]. В военном противоборстве современной эпохи акценты смещены в сферу интеллекта, ментальности, социальных технологий, идеологической борьбы. Без учёта этого невозможно сейчас эффективно подготовиться и одержать в войне победу. Как отмечает современный философ А. В. Соловьёв: «Философия войны позволяет проникнуть в сущность изменений облика войны, а в ряде случаев предвосхитить направление трансформаций современных войн» [22].

Исследование хронотопа современной войны вызвано желанием осмыслить существенные трансформации, происходящие в военном противоборстве, где иная динамика процессов по сравнению с прошлым, иные по своим характеристикам средства и способы воздействия на противника.

1. Пространство и время в современном философском дискурсе

Для понимания хронотопа современной войны следует определиться с методологическими основаниями его исследования. Сторонниками субстанциональной концепции, в числе которых философы Демокрит, Эпикур, физик И. Ньютон, пространство и время рассматривались как некий абсолютизм, отделённая от материальных систем реальность. Хронотоп, с этой мировоззренческой позиции, представлялся однородным во всей Вселенной. Такое понимание пространства-времени было характерно для механистической картины мира Нового времени. С момента появления специальной и общей теории относительности А. Эйнштейна на первый план выходит реляционная концепция пространства и времени, согласно которой, их следует рассматривать в единстве как внутренний атрибут материальной системы, как отношение элементов внутри неё [27]. Такое понимание хронотопа присуще ряду философов прошлого, например Аристотелю [1] и Г. Лейбницу, который считал бессмысленным представление о пространстве вне отношения тел между собой [13], но именно теория относительности дала этой идее наиболее глубокое теоретическое обоснование. Предметом особых научных дискуссий всегда была асимметрия времени, природу которой частично объясняет рассмотрение неравновесных процессов в изолированной системе, в которой, согласно Р. Клаузиусу и Л. Больцману, возрастает энтропия, приближая систему к равновесию, с присутствием такому состоянию максимуму энтропии [5]. Существенный вклад в понимание времени внесли И. Р. Пригожин и другие представители брюссельской школы. Они обосновали положение о том, что в диссипативных структурах (сложных иерархических открытых системах, постоянно обменивающихся с внешней средой веществом, энергией и информацией и далёких от термодинамического равновесия) необратимость процессов возникает естественным образом. Для нашей работы эвристически ценным является идея И. Р. Пригожина о

том, что следует различать динамическое время и внутреннее время диссипативной системы [18]. Внутреннее время — это время внутри неустойчивой динамической системы. Военный конфликт, в нашем понимании, — это вариант такой системы. Таким образом, для современного философского дискурса пространства и времени характерно различие внешнего (универсального) времени системы, в земных условиях заданного относительно неизменными на протяжении последних миллиардов лет связями между прежде всего Землёй, Солнцем и Луной. Стабильность нашего внешнего пространства и времени как раз и объясняется стабильностью этих космических объектов и взаимосвязей между ними. Если для человека и всего находящегося на нашей планете это время и пространство внешние, то для системы Солнце—Земля—Луна они внутренние. Через миллиарды лет, когда Солнце, по прогнозам учёных, сначала катастрофически расширится, а потом сожмётся и станет карликом, хронотоп в этом месте Вселенной будет переформатирован. Внутреннее время системы может существенно отличаться от внешнего. В биологических и социальных системах свой хронотоп. Разрушение системы означает исчезновение её внутреннего пространства и времени. Правоммерно, в свете изложенного выше, утверждать наличие внешнего и внутреннего пространства и времени военных действий. Более подробно эта мысль будет раскрыта в следующем разделе статьи.

В истории философии были мыслители, которые не считали пространство и время атрибутом реального мира. Аврелий Августин был убеждён, что время существует исключительно в духовном пласте бытия человека, в котором только и происходит разделение на прошлое, настоящее и будущее, считая все проявления времени видами настоящего — настоящее прошлого, настоящее настоящего, настоящее будущего [2]. И. Кант видел в пространстве и времени априорные формы человеческого мышления, которые приводят в порядок данные эмпирического этапа познания [8]. Дж. Беркли и Д. Юм под пространством и временем понимали субъективное свойство человеческого сознания, а А. Бергсон, М. Хайдеггер — внутреннее переживание личности [25]. А. С. Чупров в заслуги М. Хайдеггеру ставит то, что он «...отважился показать бытие как нечто само себя переживаемое посредством человека, выступающим по отношению к “бытию вообще” неким Со-Бытием» [26]. В психологии используется понятие

«субъективное время», под которым понимается отличная от объективного времени длительность, которая отражает в человеческом сознании цепочку состоявшихся, существующих и ожидаемых событий, состояний, переживаний [16]. По взглядам А. Эйнштейна, пространственно-временной континуум, не имеет отдельного бытия, это скорее структурное качество гравитационного поля. Но при этом А. Эйнштейн не отрицал возможности рассмотрения пространства и времени в качестве принципов человеческого мышления, а не внешних условий нашей жизни [27].

Все рассмотренные нами философские взгляды существенным образом повлияли на исследование специфики хронотопа культуры — в этой области проводится много отдельных философских и культурологических исследований [15]. Что подтверждает эвристическую ценность различения внешнего (универсального) пространства и времени и внутреннего хронотопа сложноорганизованной системы, специфика которого обусловлена внутренним строением этой системы.

Таким образом, внутреннее пространство и время сложной иерархической открытой, неравновесной системы, согласно выбранному нами подходу, — это формы координации сосуществующих внутри системы объектов. Хронотоп системы зависит от качества элементов системы и взаимосвязей между ними. Изменение качественного состояния элементов системы и их взаимосвязей неизбежно приводит к соответствующему изменению внутренних пространственно-временных характеристик системы. При этом внешнее универсальное время системы может оставаться неизменным, существенно отличаясь от внутренних характеристик времени и пространства сложноорганизованной, открытой неравновесной системы.

1. Пространственно-временной фактор на войне

Научно-техническая революция в наше время приобрела перманентный характер. Она существенным образом меняет материально-техническую базу вооружённых сил и других структур, участвующих в военном противоборстве держав и коалиций стран. Использование новейших космических и цифровых технологий, разведывательно-ударных комплексов, высокоточного оружия привели к качественным преобразованиям в вооружённой борьбе. Точечные сокру-

шительные удары на всю глубину боевых порядков противника и по его критической инфраструктуре в глубоком тылу, широкое использование разведывательных и ударных беспилотных летательных, надводных и подводных аппаратов, получение информации о любом перемещении сил и средств противника в режиме реального времени благодаря спутникам и дронам, применение «умных» бомб и снарядов (наводящихся на цель через космические спутники) — подобные новинки вооружённой борьбы изменяют саму парадигму войны [12]. Этим обусловлена трансформация внутреннего хронотопа войны, отличного от внешнего универсального пространства и времени. Правильная ориентация человека (от полководца до рядового солдата) на современной войне предполагает необходимость учёта подобного рода изменений.

Человек в своей практике часто вносит изменения в координацию расположенных вокруг него объектов. Сакральное пространство в культуре разных народов задаёт свою иерархию расположенных в нём объектов — алтарь храма не равен иной его части, тем более территории за пределами культового сооружения. Религиозный обряд или ритуал переносит его участников из обычного универсального хронотопа в сакральное пространство и время. Отличие сакрального пространства и времени от универсального физического хронотопа детально описал в своих работах М. Элиаде [28]. Подобно этому, хронотоп войны задаёт свою специфику координации объектов на поле боя. Командир, распределяя цели между подчинёнными, деля их на первоочередные и второстепенные, участвует в форматировании пространства боя. «Свой» в бою существенно отличается от «чужого», ключевая позиция имеет более важное значение, чем другие. Все особенности местности рассматриваются в логике пространства боя. Находясь на этой же местности в мирное время, мы совершенно по-другому ориентируемся на ней. Появление в физическом пространстве активно используемых средств вооружённого насилия переформирует внутреннее пространство боя. Качество боевой техники и вооружения, новые технологии их применения влияют напрямую на хронотоп войны.

Игровое пространство также отличается от внешнего универсального пространства. Например, при игре в футбол специальными линиями обозначены размеры игрового поля, штрафной площади, ворот и т. д. Иногда считанные сантиметры располо-

жения мяча по отношению к линии ворот решают судьбу матча, турнира, размера призовых выплат, будущего команд и игроков. Противоборство команд проходит в соответствии с хронотопом игры. Незнание этих правил делает нас дилетантами в этой области без шансов на победу. Все виды игр имеют отличный друг от друга внутренний хронотоп. Меняя правила, мы можем вносить в него изменения. Так, сокращение лимита времени на заданное количество ходов в шахматах существенно изменяет характер противоборства на шахматной доске. Профессионалы отмечают существенное отличие в стратегии и тактике игры в «быстрые» шахматы и шахматы с обычным лимитом времени. Правила ведения современных боевых действий преимущественно диктуют кроме политических и иных параметров используемые сторонами технические средства. Возможности дальнобойных орудий позволяют их держать дальше от линии соприкосновения войск и делают уязвимыми объекты противника на всю глубину их действия. Появление на поле боя большого количества новых гораздо более дальнобойных ракет или ударных дронов большого радиуса действия, радиолокационных станций контрбатареинной борьбы меняет всю конфигурацию района боевых действий.

Бывший заместитель министра обороны РФ академик РАН А. А. Кокошин в своих экспертных оценках прямо отмечает наметившийся устойчивый тренд в области военных технологий, обуславливающих соответствующие изменения в сфере военного искусства, — систематическое увеличение количества и качества средств и способов ведения войны практически по всем направлениям — от ядерного оружия до нелетальных средств поражения [9].

Ряд экспертов настаивают на том, что современная война наиболее адекватно может быть представлена в качестве системно-целевой модели. Это выражается в попытке создать концепцию сетцентрической войны, что позволяет увидеть синхронное противоборство воюющих сторон в нескольких, отличных друг от друга пространствах: в материальном или физическом, информационном, когнитивном (рассудочном) и социальном. Каждое противостояние наполнено своим специфическим содержанием, отличается целями, решаемыми задачами, средствами и технологиями, но при этом для победы в войне важно достичь эмерджентного эффекта, т. е. обеспечить максимальную синергию (однаправленность действий

различных сил) всех элементов системы [3, с. 30]. Это приводит нас к важному выводу о том, что между разными пространствами, на которых происходит противостояние в войне нет непроходимой грани, они зависимы друг от друга. Так, успешные действия на поле боя на физическом уровне существенно влияют на информационное противостояние и, наоборот, информационные диверсии в той или иной степени обуславливают результат вооружённого противостояния.

Стратегия войн прошлых столетий предполагала прежде всего разгром вооружённых сил врага. По мнению некоторых военных экспертов, в современной войне это иногда не столь важно — достаточно привести их в такое состояние, при котором они не будут иметь возможности вести вооружённую борьбу под натиском информационно-психологических, экономических, политических и иных способов воздействия, осуществляемых в соответствующих им пространствах [20]. Тем не менее мы согласны с А. В. Сержантовым в том, что применение вооружённых сил по-прежнему стоит считать атрибутивным признаком войны, несмотря на коренные изменения в её содержании. Конечно, информационное, экономическое и пр. виды воздействия позволяют наносить противнику урон, сопоставимый с результатами вооружённого насилия, но всё-таки так называемые информационные, психологические, экономические и пр. войны, войнами в полном смысле не являются. Другое дело, что они могут быть использованы в качестве компонентов современной войны. Но вне сочетания с применением вооружённых сил термины «информационная война», «дипломатическая война», «экономическая война», «психологическая война» используются для того, чтобы указать на жёсткость противостояния и возможность нанесения существенного урона противнику [14; 20]. Возможно, со временем научному сообществу будет навязано понимание экономической, информационной и пр. войн как разновидностей войн, элементов её классификации (попытки этого встречаются уже сейчас), но мы не видим в этом эвристической ценности.

Гибридный характер современных международных конфликтов усложняет различение войны и мира. Например, в военное противостояние России и Украины вовлечены члены НАТО и некоторые другие страны — они оказывают Украине помощь предоставлением военной техники, боеприпасов, разведывательных данных, воздействуют на Россию экономическими

санкциями, политическим давлением. Но до тех пор, пока не вовлечены в конфликт их вооружённые силы, есть основания не считать их прямыми участниками войны. Получается, что в информационном, экономическом и политическом пространстве США и её союзники напрямую противостоят России на стороне Украины и только отсутствие их регулярных войск в районе боевых действий (в физическом пространстве) сдерживает перерастание этого конфликта в полномасштабную третью мировую войну.

Сильная сторона военного конфликта может не достичь целей войны, имея превосходство на театре военных действий (в физическом пространстве), если не сможет противостоять противнику и тем, кто его поддерживает на дипломатическом, гуманитарном и экономическом фронте [17]. Таким образом, провалы противника на поле боя могут в некоторой мере компенсироваться успехами в информационном, экономическом и др. пространствах.

Субъективное пространство и время человека на войне

Исходя из нашего понимания пространства и времени как способа координации сосуществующих объектов, а также наличия внешнего (универсального) и внутреннего (уникального) хронотопа у сложноорганизованной открытой неравновесной системы (в качестве которой можно рассматривать войну) рассмотрим положение человека, являющегося участником военных действий.

Эвристически ценно, на наш взгляд, различать объективные и субъективные пространство и время на войне. Субъективное время характеризуется интенсивностью происходящих в жизни человека изменений, наполненностью событиями, характером происходящих процессов. Субъективное пространство отличается пониманием своего места на поле боя среди своих сослуживцев, врагов, военной техники, оружия, территории, занятой войсками (своими и неприятеля) и т. д. Хронотоп на войне субъективно воспринимается как экстремальный, так как в нём присутствует реальная опасность для собственной жизни. Не случайно при исчислении стажа военной службы один год пребывания на войне приравняется нормативными правовыми документами в нашем государстве к трём мирным годам [19].

Субъективное пространство-время участника военных действий коррелирует с объективным внешним хронотопом войны. На

его формирование также влияют мощные информационные потоки, способные нарушить устоявшиеся формы координации человека в окружающем мире, переформатировать его внутренний мир. Человек присутствует своим телом в районе боевых действий, но кроме того пребывает ментально в глобальном информационном пространстве, к которому он получает доступ благодаря современным цифровым технологиям. Неверная координация в информационном поле может быть столь же губительна, как и в материальном измерении на поле боя. Если воин не способен правильно понимать происходящее на поле боя, не различая опасные цели от обычных, возможности своих и чужих средств вооружённой борьбы, средств укрытия и защиты, то это таит для него смертельную угрозу. Столь же непоправимые последствия могут наступить в результате неправильной координации в информационном пространстве.

Информационное пространство в современной войне стало ареной жёсткого противодействия. В прошлые времена информационное воздействие на врага с целью его деморализации, конечно, тоже проводилось. Однако новые технические возможности позволяют теперь тотально воздействовать на противника, как на его военнослужащих, так и на всё население. По оценкам экспертов, войны прошлого включали в себя примерно 80 % насилия и 20 % информационной обработки. Войны нынешней эпохи предполагают 80—90 % пропаганды и только 10—20 % вооружённого насилия. «При этом эффект от информационного воздействия может быть сопоставим с результатами крупномасштабного применения военной силы» [24, с. 37]. Можно, на наш взгляд, ставить под сомнение точность этих цифр, но вряд ли кто осмелится возражать против признания наличия общей тенденции возрастания роли информационного противостояния в современной войне. Доминирование в информационном пространстве в ходе вооружённого конфликта имеет своей целью не только психологическое подавление противника, но и духовную мобилизацию своих войск и населения, а также формирование нужного отношения к своим действиям на международной арене. Для господства в информационном пространстве важно овладеть его ключевыми элементами — средствами производства и трансляции информации, а также ресурсами, позволяющими разрушать информационные потоки, формируемые противником. Подобно тому как важ-

но для удержания инициативы на поле боя занимать командные высоты в физическом пространстве, в информационном хронотопе первостепенное значение приобретает контроль над социальными сетями и популярными СМИ. Здесь также сражаются «армии» профессиональных специалистов, применяется стратегия и тактика присущие информационной войне.

В цифровую эпоху война предполагает нанесение поражения не только армии, но и всему населению, живущему на территории противника, через обеспечение сковывания воли к сопротивлению врагу со стороны военных и мирных граждан. Поэтому стоит признать правоту ведущих военных экспертов нашей страны президента Академии военных наук РФ М. А. Гареева и вице-президента этой академии Н. И. Турко в том, что «современные военные разработки в информационной сфере обладают потенциалом, способным в корне изменить облик войны XXI века» [6, с. 9]. Теперь каждый гражданин воюющей державы становится объектом информационного влияния со стороны противника, готового оказывать комплексное воздействие на массовое общественное сознание, но способного также к эффективной работе с разными референтными группами, проведению масштабных и локальных информационно-психологических диверсий и провокаций, введению людей в заблуждение, в состояние страха и паники. Решающие события, таким образом, могут происходить вдали от линии фронта, обозначенной на картах военных.

Таким образом, современная война в гораздо более значительной степени, чем прежде, превращается в противостояние смыслов. Её гибридный характер предполагает стремление противоборствующих сторон установить жёсткий контроль над ментальным слоем общественного сознания страны-противника, посеять сомнение в справедливости действий своего политического руководства и вооружённых сил, подорвать веру в победу над врагом, посеять панические настроения, расколоть общество [4, с. 170]. Следом за этим информационная политическая и финансовая поддержка оппозиции правящему режиму может способствовать разрушению внутреннего единства социума и даже привести к смене политического режима в стране. Подобные цели ставились и в прошлые века, но тогда не было столь мощных средств ведения информационной войны, что обуславливало акцент на вооружённое насилие как средство ведения войны.

В последнее время всё более часто в научной литературе используется термин «консциентальная война», под которой принято понимать переформатирование общественного сознания страны-противника. Эти цели, в первую очередь, достигаются в информационном пространстве. Они могут сочетаться с вооружённым насилием или использоваться без его применения. Классическим примером применения таких технологий являются «цветные революции», которые происходят в самых разных уголках мира. О технологии подготовки подобного рода государственных переворотов написано много научных трудов [20]. Некоммерческие организации, финансируемые из зарубежных западных источников, способны существенным образом изменить ориентацию своих адептов в социально-культурном пространстве. То, что ранее воспринималось как сакральное, традиционно-значимое и важное становится в новой сетке координат устаревшим, отсталым, вредным. Напротив, на вершину в ценностной иерархии возносятся те идеалы и смыслы, которые будоражат сознание масс, заставляя их разрушать устоявшиеся социальные институты.

Культура постмодерна, отмены, постправды и пр. — это реализованный проект переформатирования хронотопа культуры отдельных социумов с претензией на глобальное доминирование.

Таким образом, современные войны предполагают нанесение поражения противнику не только в физическом пространстве и времени, противоборствующие стороны также нацелены на переформатирование субъективного мира людей. Правильная координация в субъективном пространстве и времени столь же необходима для победы, как адекватная ориентация на поле боя.

Заключение

Высокая динамика в сфере военных технологий обуславливает уникальность хронотопа каждой новой войны. Не случайно даже те офицеры и генералы российской армии, которые имели опыт чеченской и сирийской войн не сразу смогли адекватно ориентироваться в хронотопе специальной военной операции на Украине. Понадобился период адаптации к новым для них реалиям. Как отмечает А. А. Свечин: «Каждая война — частный случай, требующий установления особой логики, особой линии стратегического мышления» [21, с. 170]. Всё

это требует пересмотра подготовки кадров в военных академиях и училищах, где пока, на наш взгляд, слишком много времени и усилий направлено на изучение опыта прошлых войн, освоение алгоритмов успешных действий в прошедших сражениях. Злоупотребление таким подходом приводит к формированию шаблонности мышления, неготовности ориентироваться в уникальном хронотопе конкретной войны.

Специальная военная операция продемонстрировала высокую степень вовлечённости в решении её задач как федеральных, так и региональных органов власти по всей стране. На наш взгляд, есть смысл в том, чтобы вернуться к имевшей место в советское время практике повышения квалификации и профессиональной переподготовки в Военной академии Генерального штаба руководящего звена федеральных и региональных органов исполнительной власти по программе «Национальная безопасность».

Военно-философская мысль должна оперативно реагировать на изменения в военной сфере, обогащая военную науку адекватными современным реалиям методологическими установками.

1. Аристотель *Метафизика* // Аристотель. Сочинения : в 4 т. — Т. 1. — М. : Мысль, 1976. — 550 с.

2. Аврелий, Августин. *Исповедь* / Августин Аврелий. — СПб. : Азбука, 1999. — 604 с.

3. Анненков, В.И. *Сетецентризм: геополитические и военно-политические аспекты современности* / под общ. ред. проф. В. И. Анненкова / В. И. Анненков, С. Н. Баранов, В.Ф. Моисеев, С.С. Хархалуп. — М.: РУСАВИА, 2013. — 496 с.

4. Бартош, А.А. *Смыслы гибридной войны* / А. А. Бартош // Вестник АВН. — 2017. — № 2 (59). — С. 165-172.

5. Больцман, Л. *Избранные труды* / Л. Больцман — М. : Наука, 1984. — 589 с.

6. Гареев, М. А. *Война: современное толкование теории и реалии практики* / М. А. Гареев, Н.И. Турко // Вестник АВН. — 2017. — № 1 (58). — С. 4—10.

7. Дорфман, Л. Я. *Асимметрия и симметрия времени, и их значение в психотерапии* / Л. Я. Дорфман, Р. М. Нагдян // Вестник российского-армянского (славянского) университета: гуманитарные и общественные науки. — 2017. — № 2 (26). — С. 195—212.

8. Кант, И. *Критика чистого разума* / И. Кант — М. : АСТ, 2022. — 784 с.

9. Кокошин, А. А. *Стратегическое ядерное и неядерное сдерживание в обеспечении национальной безопасности России* / А. А. Кокошин. — М. : ЛЕНАНД, 2015. — 128 с.

10. Ксенофонов, В.А., *Война как реальность современного бытия* / В. А. Ксенофонов, Н. Л. Нижнева-Ксенофонтова // Гуманитарные проблемы военного дела. — 2016. — № 4 (9). — С. 5—10.

11. Ксенофонов, В. А. *Познание философии войны — залог безопасности государства* / В. А. Ксенофонов // Научная мысль. — 2019. — Т. 10. — № 4-1 (34). — С. 43—51.

12. Кузьмович, А. В. *Война в современном мировом политическом процессе* / А. В. Кузьмович // Научно-информационный журнал Армия и общество. — 2013. — № 2 (34). — С. 89—93.

13. Лейбниц, Г. В. *Сочинения, в четырёх томах. Серия: Философское наследие. Т. 3* / Г.В. Лейбниц. — М.: Мысль, 1984. — 734 с.

14. Лукин, А.Н. *Философия войны: формирование современного дискурса* / А. Н. Лукин, Ш.Ш. Хайрулин // Социум и власть. — 2022. — № 3 (93). — С. 25—36.

15. Лукин, А. Н. *Хронотоп культуры* / А. Н. Лукин // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. — 2009. — № 4 (20). — С. 38—45.

16. Меньчиков, Г. П. *Время, пространство, хронотоп в социальном и гуманитарном знании* / Г. П. Меньчиков // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. — 2007. — № 1. — С. 3—9.

17. Монастырева, Л. Н. *О современных гибридных войнах* / Л. Н. Монастырева, Л. Н. Романова // Вестник НИЦ ВА РВСН. — 2022. — № 4. — С. 119—123.

18. Пригожин, И. *Философия нестабильности* / И. Пригожин // Вопросы философии. — 1991. — № 6. — С. 46 -57.

19. Сенявская, Е. С. *Время и пространство на войне* / Е. С. Сенявская // Историческая психология и социология истории. — 2010. — Т. 3. — № 1. — С. 5—17.

20. Сержантов, А. В. *Трансформация содержания войны: от прошлого к современному* / А. В. Сержантов // Военная мысль. 2021. — № 1. — С. 45—56.

21. Свечин, А.А. *Стратегия* / А. А. Свечин. — М. : Госвоениздат, 1926. — 400 с.

22. Соловьев, А. В. *Философия войны: единство в многообразии* / А.В. Соловьев // Философские науки. — 2020. — Т. 63. — № 1. — С. 20—39.

23. Сунь-цзы *Трактат о военном искусстве* / Сунь-цзы. — М. : Попурри, 2015. — 140 с.

24. Фадеев, А. С. *Военные конфликты современности, перспективы развития спо-*

собов их ведения. Прямые и не прямые действия в вооружённых конфликтах XXI века / А. С. Фадеев, В. И. Ничипор // Военная мысль. — 2019. — № 9. — С. 33—41.

25. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер. — Харьков : Фолио, 2003. — 503 с.

26. Чупров, А. С. Диалоги на краю онтологической бездны / А. С. Чупров // Социум и власть. — 2019. — № 5 (79). — С. 123—137.

27. Эйнштейн, А. Теория относительности. Избранные работы / А. Эйнштейн — Ижевск : Регулярная и хаотическая динамика, 2000. — 224 с.

28. Элиаде, М. Священное и мирское / М. Элиаде. — М. : Издательство Московского университета, 1994. — 144 с.

References

1. Aristotel' (1976) *Metafizika* [Metaphysics]. *Soch. v 4-kh vols.* Moscow, Mysl'. Vol. 1. 550 p. [in Rus].

2. Avreliy Avgustin (1999) *Ispoved'* [Confession]. St. Petersburg, Izdatel'stvo «Azbuka». 604 p. [in Rus].

3. Annenkov V.I., Baranov S.N., Moiseev V.F. Harkhalup, S.S. (2013) *Setetsentrizm: geopoliticheskiye i voyenno-politicheskiye aspekty sovremennosti* [Network-centrism: geopolitical and military-political aspects of modernity]. Moscow, RUSAVIA. 496 p. [in Rus].

4. Bartosh A.A. (2017) *Smysly gibridnoy voyny* [Meanings of hybrid war]. *Vestnik AVN*. no. 2 (59). pp. 165-172. [in Rus].

5. Boltzmann L. (1984) *Izbrannyye trudy* [Selected writings]. Moscow, Nauka. 589 p. [in Rus].

6. Gareyev M.A., Turko N.I. (2017) *Voyna: sovremennoye tolkovaniye teorii i realii praktiki* [War: modern interpretation of theory and realities of practice]. *Vestnik AVN*. no. 1 (58). pp. 4-10. [in Rus].

7. Dorfman L.YA., Nagdyan R.M. (2017) *Asimmetriya i simmetriya vremeni, i ikh znachenije v psixhoterapii* [Asymmetry and symmetry of time, and their significance in psychotherapy]. *Vestnik Rossiysko-armyanskogo (slavyanskogo) universiteta: gumanitarnyye i obshchestvennyye nauki*. no. 2 (26). pp. 195-212. [in Rus].

8. Kant I. (2022) *Kritika chistogo razuma* [Critique of pure reason]. Moscow, AST, 784 p. [in Rus].

9. Kokoshin A.A. (2015) *Strategicheskoye yadernoye i neyadernoye sderzhivaniye v obespechenii natsional'noy bezopasnosti Rossii* [Strategic nuclear and non-nuclear deterrence in ensuring the national security of Russia]. Moscow, LENAND. 128 p. [in Rus].

10. Ksenofontov V.A., Nizhneva-Ksenofontova N.L. (2016) *Voyna kak real'nost' sovremenogo bytiya* [War as a reality of modern life]. *Gumanitarnyye problemy voyennogo dela*. no. 4 (9). pp. 5-10. [in Rus].

11. Ksenofontov V.A. (2019) *Poznaniye filosofii voyny — zalog bezopasnosti gosudarstva* [Knowledge of the philosophy of war is the key to the security of the state]. *Nauchnaya mysl'*. Vol. 10. no. 4-1 (34). pp. 43-51. [in Rus].

12. Kuz'movich A.V. (2013) *Voyna v sovremennom mirovom politicheskom protsesse* [War in the modern world political process]. *Nauchno-informatsionnyy zhurnal Armiya i obshchestvo*. no. 2 (34). pp. 89-93. [in Rus].

13. Leybnits G. V. (1984) *Sochineniya, v chetyrokh tomakh. Seriya: Filosofskoye nasledije*. Vol. 3. [Compositions]. Moscow, Mysl'. 734 p. [in Rus].

14. Lukin A.N., Khayrulin SH. SH. (2022) *Filosofiya voyny: formirovaniye sovremennogo diskursa* [The philosophy of war: the formation of modern discourse]. *Sotsium i vlast'*. no. 3 (93). pp. 25-36. [in Rus].

15. Lukin A.N. (2009) *Khronotop kul'tury* [Chronotope of culture]. *Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv*. no. 4 (20). pp. 38-45. [in Rus].

16. Men'chikov G.P. (2007) *Vremya, prostranstvo, khronotop v sotsial'nom i gumanitarnom znanii* [Time, space, chronotope in social and humanitarian knowledge]. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. no. 1. pp. 3-9. [in Rus].

17. Monastyreva L.N., Romanova L.N. (2022) *O sovremennykh gibridnykh voynakh* [About modern hybrid wars]. *Vestnik NITS VA RVSU*. no. 4. pp. 119-123. [in Rus].

18. Prigozhin I. (1991) *Filosofiya nestabil'nosti* [Philosophy of instability]. *Voprosy filosofii*. no. 6. pp. 46 -57. [in Rus].

19. Senyavskaya Ye.S. (2010) *Vremya i prostranstvo na voyne* [Time and space at war]. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii*. Vol. 3. no. 1. pp. 5-17. [in Rus].

20. Serzhantov A.V. (2021) *Transformatsiya soderzhaniya voyny: ot proshlogo k sovremennomu* [Transformation of the content of war: from the past to the present]. *Voyennaya mysl'*. no. 1. pp. 45-56. [in Rus].

21. Svechin A.A. (1926) *Strategiya* [Strategy]. Moscow, Gosvoenizdat. 400 p. [in Rus].

22. Solov'yev A.V. (2020) *Filosofiya voyny: yedinstvo v mnogoobrazii* [Philosophy of War: Unity in Diversity]. *Filosofskiy nauki*. Vol. 63. no. 1. pp. 20-39. [in Rus].

23. Sun'-tszy (2015) *Traktat o voyennom iskusstve* [Treatise on the art of war]. Moscow, Popurri. 140 p. [in Rus].

24. Fadeyev A.S., Nichipor V.I. (2019). Voyennyye konflikty sovremennosti, perspektivy razvitiya sposobov ikh vedeniya. Pryamyie i nepryamyie deystviya v vooruzhennykh konfliktakh XXI veka [Military conflicts of our time, prospects for the development of ways to conduct them. Direct and indirect actions in armed conflicts of the XXI century]. *Voyennaya mysl'*. no. 9. pp. 33-41. [in Rus].

25. Khaydegger M. (2003) Bytiye i vremya [Being and time]. Khar'kov, «Folio». 503 p. [in Rus].

26. Chuprov A.S. (2019) Dialogi na krayu ontologicheskoy bezdny [Dialogues on the edge of the ontological abyss]. *Sotsium i vlast'*. no. 5 (79). pp. 123-137. [in Rus].

27. Eynshteyn A. (2000) Teoriya otноситel'nosti. Izbrannyye raboty [Theory of relativity. Selected works]. Izhevsk, Nauchno-izd. tsentr «Regulyarnaya i khaoticheskaya dinamika». 224 p. [in Rus].

28. Eliade M. (1994) Svyashchennoye i mirskoye [Sacred and profane]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 144 p. [in Rus].

Статья поступила в редакцию 05.04.2023

For citing: Lukin, A. N. Chronotopos of the war at the beginning of the XXI century: military-philosophical aspect / A. N. Lukin, S. S. Domrachev // *Socium i vlast'* [Society and Power]. — 2023. — № 2 (96). — P. 27—37. — DOI 10.22394/1996-0522-2023-2-27-37. — EDN IWNULD.

UDC 531.111

EDN IWNULD

DOI 10.22394/1996-0522-2023-2-27-37

CHRONOTOPOS OF THE WAR AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY: MILITARY-PHILOSOPHICAL ASPECT

Anatoly N. Lukin,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk branch, Associate Professor, Department of Public Administration, Legal Support of the State and Municipal Service
Cand. Sc. (Cultural Studies), Associate Professor.
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: anlukin@mail.ru

Sergey S. Domrachev,

Military Educational and Scientific Center of the Air Force "Air Force Academy named after Professor N.E. Zhukovsky and Yu.A. Gagarin", Chelyabinsk branch
Professor of the Department of Military-Political Work in the Armed Forces,
Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor.
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: ssdomrachev@mail.ru

Abstract

Introduction. War as a social phenomenon has always been an object of philosophical reflection, since its results largely determine the further development of society and have a profound impact on all spheres of social life. In connection with the ongoing so-called special military operation which Russia is conducting in Ukraine and which is at the same time a proxy war of the collective West against our country, the modern philosophical discourse of war is clarified. One of the important aspects of the ontology of war is considering its chronotopos. The space-time factor has a significant impact on the course and outcome of hostilities in modern warfare, which makes its study very relevant.

The purpose of the study is to describe the chronotopos of modern warfare, to show the influence of the space-time factor on the course and result of hostilities.

Methods. Being supporters of the relational concept of space and time, the authors consider the chronotopos of war as its internal attributive property. In addition, they rely on the methodology of synergetics, which makes it possible, in addition to the external universal space-time, to single out the internal space-time of open complex non-equilibrium systems. The authors apply structural-functional analysis to study material and ideal objects that influence the characteristics of space and time in modern warfare. They also use general scientific methods: abstraction, comparison, description and explanation.

Scientific novelty of the research. The authors give characteristics of the war chronotopos at the beginning of the 21st century, and consider the tendencies of its changes. The necessity of taking into account spatio-temporal changes in planning and conducting hostilities in modern warfare is substantiated.

Results. New means of warfare, as well as the corresponding changes in tactics, operational art and strategy, will significantly reformat the chronotopos of war. The space of modern warfare is being radically transformed due to the fact that the confrontation simultaneously takes place not only on the plane, but also in the air, in space, under water, and even in social networks. New capabilities of strike systems are changing the perception of such characteristics of the war space as the front and rear. What was previously considered a deep safe rear, in the era of using missiles and combat drones, is no longer such. The time of war is also changing. An increase in the flight speed of ammunition, aircraft, and missiles increases the dynamics

of battles and intensifies all processes on the battlefield. Hypersonic systems are changing the pace of war, space satellites, reconnaissance drones and new technologies make it possible for the commander officer of the battle to see everything that happens on the battlefield in real time, regardless of the distance from objects. Each new war is fought in its own space-time continuum. To win the war, all this must be taken into account.

Conclusions. The chronotopos of war within the framework of the relational concept of space and time prevailing in modern philosophy is changing due to the emergence of fundamentally new means of warfare with new capabilities, which requires a significant adjustment in combat management, ensuring the adequacy of human behavior in war, training troops, taking into account the characteristics of the space-time continuum of a particular war, understanding on the part of the command staff of the essence of changes in the space and time of modern war. Old stereotyped ideas about the chronotopos of war can cause disorientation of a person on the battlefield, which requires not only a philosophical reflection of the ongoing spatio-temporal changes, but also the practical consideration of new knowledge in training troops, in planning and conducting combat operations.

Keywords:
war,
chronotopos,
space,
time,
philosophy of war

Для цитирования: Веселов, Ю. А. Архетипы власти / Ю. А. Веселов // Социум и власть. — 2023. — № 2 (96). — С. 38—47. — DOI 10.22394/1996-0522-2023-2-38-47. — EDN HFZKBA.

УДК 321.01

EDN HFZKBA

DOI 10.22394/1996-0522-2023-2-38-47

АРХЕТИПЫ ВЛАСТИ

Веселов Юрий Александрович,

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, факультет мировой политики, преподаватель. Москва, Россия.
ORCID: 0000-0003-2043-2778
E-mail: veseloff30@gmail.com

Аннотация

Данная статья несёт в себе авторское понимание феноменов, являющихся основой идеологической картины мира разных категорий социальных групп. Автором представлена историческая поэтапность развития основополагающих идей, являющихся сутью социальной идентичности и, следовательно, влияющих на легитимацию власти на протяжении организованной истории человечества и в современности. Такое понимание архетипов в политических науках представлено впервые. Статья выстроена вокруг понятия «архетип» и расширяет его значение до политических и идеологических измерений. Так, с помощью методологии категорий архетипов были выявлены следующие формы, превалирующие в организованной истории человечества: архетипы Солнца, Церкви, Нации и Права. Такие формы могут являться удобной методологией в конфликтологии, политологии, в науке о международных отношениях. Представленный подход открывает новое теоретическое направление в указанных науках.

Ключевые слова:

архетип, легитимация, идеологическая картина мира, религия, церковь, нация, право

Архетипы несут в себе унаследованные коллективные инстинкты, поведенческие программы. Общая логика рассуждений общепризнанного основателя концепции К. Г. Юнга может подразумевать, что он понимал архетипы как унаследованные от предыдущих поколений и закреплённые в схемах элементы коллективного бессознательного, которые отражают в индивидуальном сознании явления и ситуации, типичные для социальной и культурной реальности. Формирование таких схем является результатом накопления в генетической памяти многовекового коллективного опыта в аналогично структурированных взаимодействиях, которые человек получает в течение своей жизни (например, принятие нового члена в сообщество, признание своего места в иерархии, конфликт и так далее) [14, P. 2325—2330].

Целью данной работы является отображение и воспроизведение выстраивания легитимности социально-политической иерархии в истории международных отношений.

Легитимация — важнейший фактор, обеспечивающий жизнеспособность власти. Очевидно, первой исторической формой легитимации власти была ее сакрализация: носители власти рассматривались не столько как субъекты собственной власти, сколько как избранники и проводники высших сил, населяющих трансцендентный мир [2, с. 38—42].

Существование архетипа иерархии способствует установлению социального порядка, в рамках которого создается более или менее открыто выраженная, понимаемая и принимаемая всеми участниками матрица позиционных взаимодействий, где каждая социальная позиция предъясняет ряд требований и предписаний к тому, кто ее занимает [2, с. 38—42].

Идеологическая картина мира — это сложная система, которая, помимо прочего, включает архетипические образы и символы, которые легитимизируют не только статус-кво существующего общественного порядка, но и миропорядок в целом.

Одним из главных требований к системе значимых знаков миропорядка, конституируемого нарративом, является взаимодополняемость этой системы знаков по отношению к ценностному ядру корпоративного сообщества — системе идентификационных и иерархических маркеров, значимых для корпорации.

Таким образом, архетипические программы корпоративизма и иерархии обеспечивают укрепление единства и иден-

тичности социокультурного сообщества, формируя идеологическую картину мира, которая легитимизирует социальный порядок [3, с. 38—42].

Следовательно, архетипы — это внутренние образы, являющиеся стержнями убеждений, идей, провоцирующими действия и поэтому широко используемые для манипуляций общественным мнением. Однако в данной работе «архетип» будет использоваться скорее не в юнгеровском понимании, а в форме несколько приближённой к нему «фундаментальной идеи», затрагивающей тем не менее бессознательные основы мышления индивида и группы.

В соответствии с таким пониманием архетипа, были выделены 4 основных периода смены «фундаментальной идеи» — Архетип Солнца, Архетип Церкви, Архетип Нации, Архетип Права.

Архетип Солнца

*Ты — мощь, ты — сила победы,
ты бессмертный...
Блестящий златом в лучах зари,
восходите вы вместе, Индра и Солнце.*

Древнеиранская формула посвящения в Цари Царей

Первый период существования организованного человечества, по большей части границы которого определены Античностью, можно охарактеризовать как Архетип Солнца. Его главной чертой является обожествление правителя, который совмещает в себе функции политического и религиозного лидера, он прообраз божеств, он нечто больше, чем человек. Такое отношение строилось по схеме «Человек — это смертный бог, а бог — бессмертный человек» [1, с. 1].

Древний мир опирался на божественную царскую власть. Основами этого мира были — героическое действие и созерцание; посредников — обряд и верность; великую опору — закон и касту; и земной символ — Империю [16].

Первичной основой власти царей и вождей, то есть тем, что заставляло других подчиняться им, благоговеть перед ними и почитать их, в Античности служило именно их трансцендентное сверхчеловеческое качество, которое было не просто фигурой речи, но могущественной и вызывающей священный трепет реальностью [8, с. 20]. Правители, правившие в древнем Ассуре около 2000 года до н. э., называли себя Патиси, царями-жрецами. Только около

1500 года, при Ассур-бел-нише-шу, появился королевский титул [19].

Любая власть была основана на духовном владычестве «божественной природы, скрытой под человеческой внешностью». К примеру, согласно индоарийской традиции, верховный правитель — вовсе не «простой смертный», но «великое божество в человеческом облике» [18, с. 4—5].

Египтяне видели в своем фараоне воплощение Ра или Гора. Цари Альбы и Рима олицетворяли Юпитера; ассирийские — Баала; иранские — Бога света; точно так же Тиу, Один и асы были предками северогерманских правителей; греческих царей дорийско-ахейского периода называли $\delta\iota\omicron\tau\rho\epsilon\upsilon\theta\acute{\epsilon}\epsilon\varsigma$ или $\delta\iota\omicron\upsilon\epsilon\nu\epsilon\theta\acute{\epsilon}\epsilon\varsigma$, что указывало на их божественное происхождение [8, с. 20]. Как сообщает Ксенофонт, царь, который согласно своей функции, воспринимался как образ бога света на земле, принадлежал к касте магов и возглавлял ее [4, с. 17].

Царское достоинство часто олицетворялось солнечным символом. В царе видели те же «славу» и «победу», которые были свойственны Солнцу и свету — символам высшей природы, — торжествующим каждое утро над мраком. «Восходит как царь на трон Гора живущих, как отец его Ра (солнце) каждый день»; «Я установил, чтобы ты восходил царем Юга и Севера на трон Гора вечно, подобно солнцу» — в таких выражениях описывает это царская египетская традиция [17, р. 11].

В древнеримских описаниях Бог Солнца вручает Императору державу — эмблему всемирного господства. Император Аврелиан активно продвигал культ Sol Invictus, «Непокоренного Солнца», Бога Солнца. Он превратил культ Солнца в официальную религию поздней Римской империи наряду с традиционными римскими культами. Император Аврелиан утверждал, что он великий лидер, не обязательно как сам Бог Солнца, но назначенный им. Однако эта солнечная «слава» или «победа», связанная с царственностью, не сводилась к простому символу, но была метафизической реальностью, отождествляемой с действенной нечеловеческой силой, которой владел правитель как таковой, являясь не только политическим центром государства, но и его идейным смыслом, «фундаментальной идеей». Такая «фундаментальная идея» не является исключительно европейским пониманием — согласно дальневосточной традиции, царь, «сын неба» — тьянь-цзы — то есть тот, кто родился не как обычный смертный, обладает «небесным мандатом»: «Люди совершенные

по широте и глубине своей добродетели подобны земле; по её высоте и блеску подобны небу; по своей протяженности и длительности подобны безграничному времени и пространству. Тот, кто пребывает в этом духовном совершенстве, не выставляет себя напоказ, но, однако, подобно земле раскрывает себя в своих благодеяниях; он не движется, но, однако, подобно небу, осуществляет различные превращения; не действует, но, однако, подобно времени и пространству, приводит свои труды к совершенному завершению». Но лишь такой человек «достоин владеть высшей властью и повелевать людьми» [13, р. 1]. Укорененный в подобной силе или «добродетели», верховный правитель, ван, в Древнем Китае обладал высшей функцией центра, третьей власти между небом и землей. Считалось, что от его поведения скрыто зависят процветание или бедствия его царства и моральные качества его народа [8, с. 23].

Цари, «черпающие свою древнюю власть от высшего бога и получившие победу из его рук», являются «маяками мира в бурю» [1, р. 10—16]. Эта персонификация власти уже давно является ключевым элементом политической жизни, особенно в России, где всё ещё являются сильными для восприятия персонификации власти.

Любой закон, объективно считающийся таковым, должен был иметь «божественный» характер: если его признавали таковым, тем самым признавая и его происхождение из нечеловеческой традиции, то авторитет этого закона был непререкаем, он расценивался как нечто непоколебимое, непреклонное и неизменное, не допускающее обсуждения; любое нарушение закона представляло собой не столько преступление против общества, сколько, прежде всего, имело характер богохульства, святотатства (ασέβεια) — действия, предопределяющего духовную судьбу самого виновника и тех, с кем он был социально связан. Вплоть до Средневековья мятеж против власти и имперского закона считали религиозной ересью, а мятежников — еретиками, врагами собственной природы, восставшими против закона своего естества [10, р. 89—90].

«Фундаментальная идея» Архетипа Солнца выражается не только в персонификации власти, отношения к властителю как отцу (отсюда фото/видео вождей, лидеров с детьми, что напоминает известную статую Императора Августа и прижавшегося к его ноге ребёнка-народа, показывающие патерналистскую заботу власти о народе).

Архетип Солнца — это, в целом, государственная бюрократическая иерархия, обладающая монопольным правом на осуществление насилия. Само слово «государство» (лат. status, от греч. ἵσταναι «оставаться»), если даже эмпирически и ведёт свое происхождение от той формы общественной жизни кочевых племен, которая складывалась у них на постоянной стоянке, тем не менее может отражать и высший смысл, свойственный порядку, нацеленному на иерархическое соучастие в духовной «устойчивости», в противоположность временному, неустойчивому, изменчивому, хаотическому и партикуляристскому характеру, анархии и хаосу [11, р. 38].

Однако ошибочно полагать, что данный Архетип является только персонификацией власти, созданием культа личности. Эта идея делает культом личность в целом, человек является центром идеи, построенной на меритократии, утилитаризме и частичном дарвинизме. В искусстве, например, Архетип Солнца выражается в восхвалении Человека, по образу микеланджеловского «Давида», «Мыслителя» Родена, картины Ж. Д. Энгра «Наполеон на императорском троне» и другими работами, отражающими героизацию и легендаризацию отдельно взятой личности.

Архетип Солнца — один из наиболее укоренившихся в подсознании. Однако сейчас следование ему выражается не только в любовании рассветами и Масленицей. Архетип Солнца — укоренившаяся политическая традиция, её господство не ограничивается лишь Античным периодом, так как эта «фундаментальная идея» является фундаментом для последующих.

Архетип Церкви

*Я Господь, и нет иного; нет Бога
кроме Меня;
Я препоясал тебя, хотя ты не знал Меня,
дабы узнали от восхода солнца
и от запада,
что нет кроме Меня; Я Господь,
и нет иного.*

Книга пророка Исайи, 45, 5-6

Согласно академическому «Новому словотолкователю» Николая Яновского (1803 год), в начале XIX века слово «архетип» употреблялось только в одном выражении: архетип света, то есть идея, в соответствии с которой Бог создал мир [9, стб. 233].

Казалось бы, взаимосвязь предыдущего типа с ныне разбираемым выражена наибо-

лее ярко, так как Архетип Церкви, буквально, является надстройкой над Архетипом Солнца. В данном случае под «Церковью» понимается всё разнообразие мировых религий, а не только европейско-христианское мировоззрение. Наложение на Архетип Солнца, в первую очередь, выразилось в формировании конкретной идеи абсолютной, всеобъемлющей идеи божественной власти и в политико-социальном плане стало даже некоторой эволюцией этой идеи, так как намного повысило степень фанатизма у последователей культа, что стало, безусловно, более высоким уровнем преданности, более крепкой связывающей сетью и более быстрым способом мобилизации. Религиозная составляющая человеческой идентичности проявила себя как намного более глобальная, интерэтническая и агрессивная, чем просто поклонение обоженствованному правителю.

Если разбирать детально, то у Архетипа Солнца и Архетипа Церкви довольно схожие способы легитимации властных иерархических отношений. Например, Архетип Солнца фигурирует в христианстве в качестве божественного атрибута — христианская иконография использует символ божественного Солнца, изображая его в виде ореола вокруг головы, который явно воспроизводит значение египетского урея и короны, испускающей свет солнечной царственности. Тем не менее, между двумя «фундаментальными идеями» есть одно существенное различие — Архетип Солнца создавал идеальный образ (образ идеи в равной степени) в конкретном лидере, сочетавшем в одних руках всю власть своей Империи — он — источник закона, власти, благодати, центр вселенной и главный почитаемый объект-субъект. В Архетипе Церкви власть разделилась на мирскую светскую и духовную идейную. Это разделение нивелировало роль государства и возвеличивало роль отдельно взятой религиозной общины. При этом в результате определённого исторического развития, снова дало легитимацию властных иерархических отношений — светский правитель должен был получить «одобрение» от представителя влиятельной религиозной общины и только тогда его власть становилась правомочной и законной.

Из стандартного европейского Архетипа Церкви выбивается самый явный гибрид двух «фундаментальных идей» (вернее было бы обозначить, что это не гибрид, а скорее «переходная форма») — Византийская Империя. Это государство, созданное Константином в ходе особой приснившейся

ему божественной санкции («Nos vincere» — «Сим победиши») понимается как образ небесного царства, созданного по воле Бога и предопределенного Им. Земной владыка — βασιλεύς αυτοκράτωρ (василевс-автократор) — являет собой образ Владыки вселенной; как таковой, он может быть только одним и другого такого не существует. Он властвует как над мирским царством, так и над духовным, и его формальное право универсально: оно распространяется и на те народы, которые в действительности имеют независимое правление, не подчиненное реальной имперской власти — правление, которое является «варварским» и «несправедливым», поскольку основано исключительно на натуралистических предпосылках [20]. Византийский автократор подчинял себе религиозную христианскую общину, Вселенский патриарх назначался автократором, снимался с должности им же, помимо этого автократор-император председательствовал на Вселенских соборах, формирующих универсальную церковную доктрину. Этот достаточно уникальный гибрид, с падением Константинополя, идейно переехал в Третий Рим (провозглашение которого, безусловно, является тем же способом легитимации, сочетающим обе «фундаментальные идеи»). Наиболее ярко в российской истории эта «византийскость» проявилась в имперский период, когда Пётр I упразднил должность патриарха и утвердил вместо этого государственный подотчетный только лишь Императору орган — церковный Синод. На данный момент Архетип Церкви как никогда актуален и испытывает кризис в силу церковного раскола на Украине.

Напоминает византийский гибрид также и церковная ситуация в Великобритании, когда Генрих VIII, желая усилить свою личную власть (в соответствии с Архетипом Солнца), создал свою англиканскую церковь и возглавил её.

Как во времена Средневековья, так и в современный исторический период, Архетип Церкви не просто стал «фундаментальной идеей» мировосприятия, «самости», идентичности, но и преобразовал следующие учению страны в особые цивилизационные группы [7]. В рамках каждой цивилизационной группы Архетип Церкви занимает особое место в легитимации власти и порядке жизни каждого индивида. Так, в исламских странах это самый сильный из существующих архетипов, диктующий правила жизни и порядок государственного устройства.

Архетип Церкви является «фундаментальной идеей» и в построении государств — США изначально строились пилигримами, вдохновлёнными созданием «града на холме», нового идеального государства, лишённого недостатков европейских стран, из которых эти мигранты и бежали [12, р. 171]. Цитируя Евангелие от Матфея (5:14), в котором Иисус предупреждает, что «город на холме не может утаиться», Уинтроп предупреждал своих собратьев-пуритан, что их новое сообщество будет «подобно городу на холме, глазам всех людей на нас».

Архетип Церкви всегда проявлял себя во время конфликтов: широко известны фразы «С нами Бог», «Gott mit uns» и так далее, которые проявлялись уже при преобладании следующего архетипа. При этом знаменательно то, что во время больших исторических потрясений атеистический СССР реанимировал институт Патриархии и добавил к коммунистическим и националистическим (патриотическим) лозунгам и религиозные, добавив к государственным наградам религиозные, такие как Орден Александра Невского и другие.

Архетип Нации

Нация — это сообщество людей, которые через единую судьбу обретают единый характер.

Отто Бауэр

Общие «этнические» контуры играют важную роль в наделении современных наций идентичностями и эмоциональной нагрузкой [3, с. 139]. Возникновение национализма было обусловлено десекуляризацией политики, отходу от религиозной составляющей легитимации власти и усилению власти светской. Оказалось, что достижения науки, результаты развития общественной мысли, «Эпохи Просвещения» снимают ореолы божественности. Для ряда стран, в которых эти мысли получили наибольшее развитие, необходимо было найти иной «скрепляющий фактор». Этот фактор был найден в другой «фундаментальной идее», сутью которой является единство сообщества, которое строится не на основе общих верований и предрассудков, а общем языке, культурном коде, физиолого-биологических сходствах во внешности индивидов одного социума. Архетип Церкви, таким образом, стал лишь составляющим элементом Архетипа Нации, так как являлся одним из основных культурных пластов. Падение некоторых монархических режимов отчасти

было обусловлено вызовом власти и легитимности правителей со стороны народа. Важное место в развитии национализма занимало представление (и в конечном итоге оно стало само собой разумеющимся и превратилось в глубокое убеждение) о том, что политическая власть может быть легитимной только тогда, когда она отражает волю или, по крайней мере, отвечает интересам народа [3, с. 144].

На протяжении большей части европейской истории споры о законном правительстве касались вопросов божественного или естественного права, вопросов наследования, в основном связанных с происхождением, и споров об ограничениях, которые должны быть наложены на монархов. Вопрос о национальной идентичности либо вообще не возникал, либо имел второстепенное значение. Безусловно, приводимая периодизация не имеет чётких обусловленных границ. Так, апеллирование к народу происходит со времён первых Республик, в том числе Римской республики, во время существования которой все политические деяния свершались от имени «Сената и народа Рима». Однако стоит ещё раз подчеркнуть, что настоящая работа уточняет параллельное существование многих «фундаментальных идей» одновременно, но сосредотачивается на более-менее детальном расписании каждой из них.

В своём значении «нация» и происходящий от этого слова феномен «национализм» являются лишь отображениями соединяющей идентичности народа, этнической группы, выражающейся в политической форме единства [15]. Современное понимание нации появилось во второй половине XVIII века в её определении «политико-гражданской нации», что относилось бы ко всем гражданам, живущим в своём собственном суверенном государстве. Таким образом, «нация» является синонимом к слову «гражданственность».

Наряду с Архетипом Церкви, Архетип Нации является одним из самых распространённых и ключевых «фундаментальных идей» как исторически, так и политически, являясь не только способом легитимации, но и генератором международных конфликтов. Наибольшая часть международных конфликтов построена либо на Архетипе Церкви, либо на Архетипе Нации, либо, как правило, на их сочетаниях. Архетип Нации также унаследовал многое и от Архетипа Солнца, и главным образом это выражается в создании национального эпоса.

Так или иначе, Архетип Нации стал «фундаментальной идеей» гражданского самосознания, способом легитимации власти, существующей по решению и выбору нации-народа, а также и способом мобилизации, в силу того, что межнациональные конфликты проявляют себя не реже, чем межконфессиональные. В обычном своём проявлении Архетип Нации проявляется в среднестатистическом патриотизме, уважению национальной Конституции и прочих основных законов, развитию национальных проектов (программ), национальной безопасности (так как национальная безопасность приравнена к безопасности каждого индивида, каждого гражданина), и в равной степени в национальных интересах по обеспечению благосостояния нации, хотя бы потому, что благосостояние нации приравнено к благосостоянию каждого гражданина. «Фундаментальная идея» Нации, таким образом, способствует порядку, благополучию и стабильности, также как и Архетип Церкви даёт понятную и во многом психологически приемлемую картину мира, смысл жизни. Однако как Архетип Церкви довольно просто формирует религиозный фанатизм и радикализм, так Архетип Нации с помощью шовинизма и «ура-патриотизма» формирует свои более крайние формы, печально известные примеры которых потерпели геополитическое поражение в середине XX века и поэтому были обозначены как человеконенавистнические и неприемлемые.

Как Архетип Церкви стал логичным соседствующим типом для Архетипа Солнца, так и следующий тип занимает близкую позицию к Архетипу Нации, являясь, тем самым, крайним антагонизмом для Архетипа Солнца.

Архетип Права

Все люди по своей природе равны, и каждый человек имеет право на свою естественную свободу, не подвергаясь воле или власти любого другого человека. Будучи равными и независимыми, никто не должен причинять вреда другому в его жизни, здоровье, свободе или имуществе.

Джон Локк

Казалось бы, Архетип Права неразрывно связан с Архетипом Нации, почему же тогда потребовалось выделять его как особую «фундаментальную идею»? Все перечисленные идеи, включая данную, можно разделить на две категории — индивидуа-

листичную и коллективистскую, где Архетип Церкви и Архетип Нации — коллективистские архетипы, а Архетип Солнца и Архетип Права — индивидуалистичные. Архетип Церкви имеет ориентиром паству, служащую божественной Идее, Архетип Нации превозносит конкретный человеческий социум, построенный на определённых признаках, Архетип Солнца обожествляет не Идею, а конкретную личность, возможно даже небольшую социальную страту, но во главе угла ставит не социум, а отдельную обожествлённую личность, что делает Архетип Солнца самой иерархичной «фундаментальной идеей» «не для всех». Архетип Права превозносит каждого отдельного индивидуума и является самым индивидуалистским и наименее иерархичным среди всех «фундаментальных идей».

Казалось бы, также, что Право — это синоним «закона», а «закон» в своём своеобразном виде господствует в каждом из перечисленных «фундаментальных идей» — для Архетипов Солнца и Церкви — божественный трансцендентный закон, для Архетипов Нации и Права — это естественный закон о правах человека и гражданина. Однако и среди этих идей есть существенное различие, обуславливающее их разделение — Архетип Нации сосредотачивается на конкретном политическом, культурном, этническом социуме, защищает скорее права своих граждан, а не права «чужеземцев», а в случае конфликта Архетип Нации требует жертв среди граждан ради «великой идеи», выживаемости Нации как таковой или достижению поставленной внешнеполитической цели, соответствующей национальным интересам.

Архетип Права космополитичен, это идеализм, построенный на безразличии к различиям между человеческими группами, господство Фемиды, казалось бы, не делающей предпочтений. Так называемая «естественность» прав человека является очевидным обожествлением, аналогом построения легитимности идеи за счёт неотъемлемости и утвердительности, что идея единственно верная и правильная только потому, что иначе быть не может.

Тем не менее не во всех случаях Архетип Права является универсальным. Помимо очевидных демократических и либеральных идеологий, являющихся гибридами Архетипа Нации и Архетипа Права, именно к Архетипу Права относится социализм и коммунизм. При всём настаивании на материалистичности этих учений, их сущность является такой же теорией и идеей, кем-то

сконструированной в качестве объяснения функционирования человеческого общества и пожеланий на то, как это общество может функционировать. Социалистические, коммунистические учения не сосредотачивались изначально на универсальном человечестве, но на интернационально угнетаемых обширных человеческих стратах, что сделало эти идеи наравне столь же обширными и популярными, как и конфессиональные. Именно поэтому отчасти требуется выделять Архетип Права как отдельную «фундаментальную идею», так как забота о положении каждого человека на планете является общей, а не националистической идеей.

Каждый последующий Архетип относится к предыдущим как к устаревшим. Отсюда отчасти каждый из них черпает свою собственную легитимацию. Для Архетипа Права национальное деление не является более актуальным, а только лишь мешает развитию человечества, свободе перемещения и человеческому выбору. Роль государства имеет значение для Архетипа Солнца, для Архетипа Нации, но не имеет существенного значения для Архетипа Церкви и имеет лишь частичное значение для Архетипа Права, но лишь до той степени, пока государственный аппарат эффективно защищает права человека. В ином случае, государство как институт может быть заменено международной организацией, важность решений которой может или даже должно быть выше, чем важность национальных законов.

Перечисленные «фундаментальные идеи», по своей сути, являются основами функционирования человечества на протяжении истории, способами легитимации власти и мотивами, которые пробуждают в массах иерархические отношения власти. В зависимости от каждого конкретного режима и даже каждого конкретного индивида, эти архетипы будут различаться в совершенно свободных вариациях, но, кажется, что на данном этапе развития человечества как такого не может быть не больше и не меньше «фундаментальных идей». Краткая наглядная «карта» фундаментальных идей представлена ниже (см. рисунок).

Обряд как форма легитимации

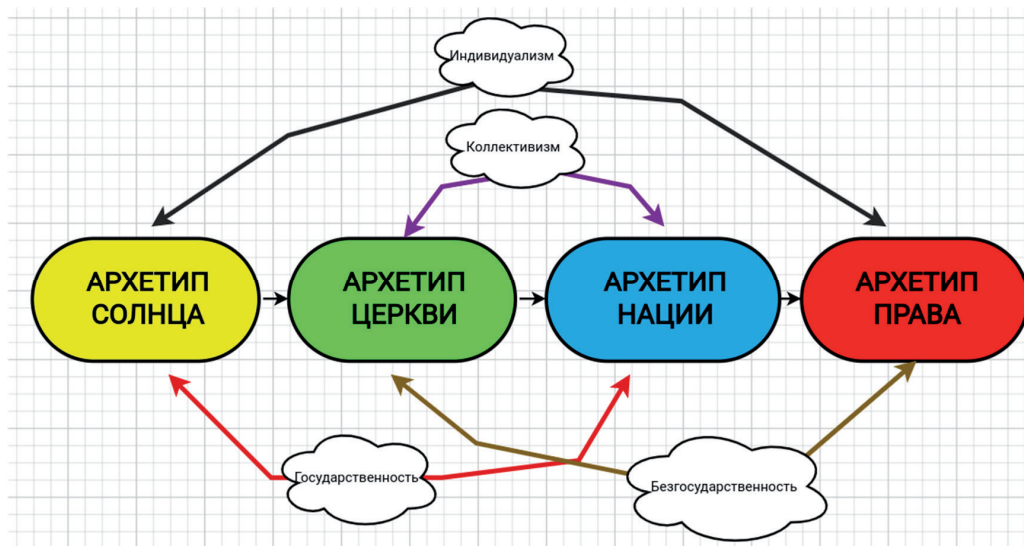
Неслучайно в данной работе использован термин «обряд» — установленный церемониальный акт, совокупность действий, смысл которых имеет символическое значение [6]. Использование термина, ко-

торый, в большинстве случаев, относится к религиозным или древним придворным практикам в отношении «фундаментальных идей» является наиболее подходящим. Как архетипы являются выражениями коллективного бессознательного, так и обряды являются практическим выражением признания легитимности доминирующего архетипа.

Для Архетипа Солнца, пожалуй, для человека существует наибольшая свобода в осуществлении обрядов во многом из-за вариативности культур, что могут существовать мировоззренчески в рамках данной «фундаментальной идеи». Но прежде всего для этого Архетипа существует уважение к социальной иерархии и власти, уважение, перерастающее в подобострастие. Вместе с этим уважением в Архетипе Солнца пользуется лишь сильная героическая личность, таким образом, героизация является мерилем легитимности.

Во времена господства Архетипа Церкви несогласные с основополагающими религиозными догматами клеймились как вероотступники и еретики, «выдавливались» из системы и массово умерщвлялись, межконфессиональные конфликты являлись структурными и главенствующими, так как верующие боролись за исключительность своего мировоззрения. Этот Архетип обозначен прежде всего исполнением конкретных духовных практик, определёнными правилами молитвы, поклонения и устройства быта. Одежда, соблюдение постов, регулярное посещение религиозных учреждений и показательное справление религиозных торжеств являлись, а где-то и являются обязательными обрядами для подтверждения своего членства в религиозном сообществе. Как монарх должен был быть коронован и помазан на царство, так и настоящий христианин как минимум по воскресеньям обязан посещать религиозные учреждения, совершать различные таинства, иметь дома «символ веры» и только этим доказывать свою истинную принадлежность к единственно возможному и законному социуму.

Осуществление обрядов во времена господства Архетипа Нации наиболее затруднено, так как это во многом обусловлено лингвистическими и физиологическими особенностями индивида и группы, в которой происходит его жизненный процесс. Ношение национальной одежды (под этим подразумевается скорее не народная одежда в провинциальном стиле, а в целом

«Карта» Архетипов власти

стиль и мода, принятая и воспринимаемая в каждой отдельной стране). И если одежда в последнее время, в условиях глобализации, не является более национальной спецификой (за исключением, правда, по большей части, некоторых арабских и африканских стран), то, в первую очередь, язык и, во вторую очередь, типичные черты представителя определённой этнической группы и, в третью очередь, доминирующая конфессия являются основополагающими «обрядами» принадлежности. Для граждан Великобритании, например, в 2022 году было достаточно только лингвистического критерия для выбора своего премьер-министра Риши Сунака, этнического пенджабца и индуистского вероисповедания. Это определённо доказывает, что в современной Великобритании сейчас господствует не Архетип Нации, а Архетип Права.

Наиболее интересным кажется проведение обрядов в «мире» (под «миром» здесь подразумевается определённое политическое, идеологическое и культурное пространство, практически как в понятии «мир-система») Архетипа Права. Данная «фундаментальная идея», установив себя как единственно верная, требует от существующих в рамках её системы индивидов публично выражения согласия со всеми своими постулатами, что делает её наравне с Архетипом Церкви двумя наиболее тоталитарными основами функционирования человеческого общества, несмотря на то что, по сути, все четыре Архетипа являются тоталитарными идеями. Любой

государственный документ в современное время не может существовать без открытого выражения приверженности правам человека, так как отчасти из этого черпает свою легитимность не только по выражению воли и защиты граждан конкретной страны, но и по защите прав любого представителя человечества в принципе, ноги которого стоят на этой земле. Усомнение или пренебрежение отдельными правами человека, включая новейшие добавления, касающиеся свободы идентичности и реформ института семьи являются прямыми мотивами для так называемой «отмены» этого индивида, общества, партии, культуры или государства [5].

1. Гераклит. Фрагменты / Гераклит // Book on Demand Ltd., 2019. — 102 с.

2. Грицков, Ю. В. Архетипические составляющие легитимности власти / Ю. В. Грицков, Д. В. Львов // Социум и власть. — 2017. — № 1 (63). — С. 38-42.

3. Калхун, К. Национализм / К. Калхун / пер. А. Смирнова. М.: Территория будущего, 2006. — 288 с.

4. Ксенофонт. Киропедия / Ксенофонт // под ред. В. Г. Борухович, Э. Д. Фролов. — М.: Наука, 1976. — 347 с.

5. Новосёлов, Э. А. «Культура отмены» как инструмент политического давления / Э. А. Новосёлов // Культура и природа политической власти: теория и практика: сборник научных трудов / под общ. ред.

А. А. Керимова. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2022. — С. 220—226.

6. Чистов, К. В. Обряд / К. В. Чистов // Большая советская энциклопедия : [в 30 т.] / гл. ред. А. М. Прохоров. — 3-е изд. — М. : Советская энциклопедия, 1969-1978.

7. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. — М. : АСТ, 2003. — 603 с.

8. Эвола, Ю. Восстание против современного мира / Ю. Эвола. — М. : Прометей, 2016. — 323 с.

9. Яновский, Н. М. Архитип / Н. М. Яновский // Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. — СПб. : Имп. академия наук, 1803. — Т. I. От А до I. — Стб. 233. — IV. — 868 с.

10. Agostini, D. The Bundahišn: The Zoroastrian Book of Creation / D. Agostini, S. Thrope, S. Shaked, G. Strousma. — Oxford University Press, 2020. — 264 p.

11. Berl, H. Die Heraufkunfl des fünften Kastes / H. Berl. — Karlsruhe, 1931. — 490 p.

12. Bremer F. J., John Winthrop: America's Forgotten Founding Father / F. J. Bremer. — Oxford University Press, 2005, — 520 p.

13. Ezra, P. trans., Chung Yung: The Unwobbling Pivot / P. Ezra. — New York, 1969. — 288 p.

14. Gritskov, Y. V. Interaction of In-Group Archetypes and Hierarchy while Forming in-Group Community / Y. V. Gritskov, D. V. Lvov. // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences, 2015. № 11. — Pp. 2325—2330.

15. James, P. Nation Formation: Towards a Theory of Abstract Community / P. James. — London : Sage Publications, 1996. — 264 p.

16. Mead, G.R.S. Corpus Hermeticum / G.R.S. Mead. — IAP. 2008. — 112 p.

17. Moret, A. Le rituell du culte divin en Egypte / A. Moret. — Paris, 1902. — 318 p.

18. Olivelle, P. The Law Code of Manu / P. Olivelle. — New York : Oxford University Press, 2004. — 316 p.

19. Schumpeter, J. A. Imperialism and social classes. Fairfield / J. A. Schumpeter, Sweezy, M. Paul (ed.). — New Jersey : Augustus M. Kelley, 1989. — 177 p.

20. Treitinger, Die ost-römische Kaiser und Reichsidee / Treitinger. — Jena, 1938. — 562 p.

References

1. Geraklit (2019). Fragmenty [Heraclitus, Fragments], Book on Demand Ltd. 102 p. [in Rus].

2. Grickov Ju. V., L'vov D. V. (2017) Arhetipicheskie sostavljajushhie legitimnosti vlasti. [Archetypal components of the legitimacy of power]. *Socium i vlast'*, no 1 (63), pp. 38-42 [in Rus].

3. Kalhun K. (2006) Nacionalizm [Nationalism] / per. A. Smirnova. Moscow, Izdatel'skij dom «Territorija budushhego». (Serija «Universitetskaja biblioteka Aleksandra Pogorel'skogo»), 288 p. [in Rus].

4. Ksenofont (1976). Kiropedija [Kiropedia] / pod red. Boruhovich V.G., Frolov Je.D. Izdatel'stvo «Nauka», Moscow, 347 p. [in Rus].

5. Novosjolov Je. A. (2022) «Kul'tura otmeny» kak instrument politicheskogo davlenija [“Cancellation culture” as an instrument of political pressure]. *Kul'tura i priroda politicheskoy vlasti: teorija i praktika: sbornik nauchnyh trudov* / pod obshej redakciej A. A. Kerimova. Ekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. pp. 220-226 [in Rus].

6. Chistov, K. V. (1978) Obrjad [Rite]. *Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija: [v 30 t.]* / gl. red. A. M. Prohorov. 3-e izd. Moscow, Sovetskaja jenciklopedija [in Rus].

7. Hantington S. (2003) Stolknovenie civilizacij. [Clash of Civilizations]. Moscow, AST, 603 p. [in Rus].

8. Jevola Ju. (2016) Vosstanie protiv sovremennogo mira [Revolt against the modern world]. Moscow, Prometej, 323 p. [in Rus].

9. Janovskij N. M. (1803) Arhitip [Archetype]. *Novyj slovotolkovatel', raspolozhennyj po alfavitu*. Saint Petersburg, Imp. akademija nauk. T. I. Ot A do I. Stb. 233. IV, 868 p. [in Rus].

10. Agostini D., Thrope, S., Shaked, S., Strousma, G. (2020) The Bundahišn: The Zoroastrian Book of Creation. Oxford University Press, 264 p. [in Eng].

11. Berl H. (1931) Die Heraufkunfl des fünften Kastes, Karlsruhe, 490 p. [in Ger].

12. Bremer F. J. (2005) John Winthrop: America's Forgotten Founding Father, Oxford University Press, 520 p. [in Eng].

13. Ezra P. (1969) trans., Chung Yung: The Unwobbling Pivot. New York, 288 p. [in Eng].

14. Gritskov Y.V. (2015) Interaction of In-Group Archetypes and Hierarchy while Forming in-Group Community // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences, no. 11, pp. [in Eng].

15. James P. (1996) Nation Formation: Towards a Theory of Abstract Community. London, Sage Publications, 264 p. [in Eng].

16. Mead G.R.S. (2008) Corpus Hermeticum. IAP, 112 p. [in Eng].

17. Moret A. (1902) Le rituel du culte divin en Egypte, Paris, 318 p. [in Fr].

18. Olivelle P. (2004) The Law Code of Manu. New York, Oxford University Press, 316 p. [in Eng].

19. Schumpeter J. A. Sweezy, Paul M. (ed.). (1989) Imperialism and social classes. Fairfield, New Jersey, Augustus M. Kelley, 177 p. [in Eng].

20. Treitinger (1938) Die ost-römische Kaiser und Reichsidee, Jena, 562 p. [in Ger].

Статья поступила в редакцию 30.03.2023

For citing: Veselov, Yu. A. Archetypes of power / Yu. A. Veselov // *Socium i vlast'* [Society and Power]. — 2023. — № 2 (96). — P. 28—47. — DOI 10.22394/1996-0522-2023-2-00-00. — EDN HFZKBA.

UDC 321.01

EDN HFZKBA

DOI 10.22394/1996-0522-2023-2-00-00

ARCHETYPES OF POWER

Yuriy A. Veselov,

Lomonosov Moscow State University (MSU)

Faculty of World Politics,

Lecturer,

Moscow, Russia.

ORCID: 0000-0003-2043-2778

Email: veseloff30@gmail.com

Abstract

The article is focused on the author's understanding of the phenomena that are the basis of the ideological picture of the world of different social group categories. The author presents the historical stage-by-stage development of the fundamental ideas that are the essence of social identity and, consequently, influence the legitimization of power throughout the organized history of mankind and in modern times. This understanding of archetypes in political science is presented for the first time. The article is built around the concept of "archetype" and expands its meaning to political and ideological dimensions. Thus, using the methodology of categories of archetypes, the following forms prevailing in the organized history of mankind were identified: archetypes of the Sun, Church, Nation and Law. Such forms can be a convenient methodology in conflictology, political science, and the science of international relations. The presented approach opens a new theoretical direction in these sciences.

Keywords:

archetype,
legitimization,
ideological picture of the world,
religion,
church,
nation,
law

Для цитирования: Подольский, В. А.
 Два подхода к социальной политике
 в немецкой консервативной политической фи-
 лософии конца XX века /
 В. А. Подольский // Социум и власть. — 2023. —
 № 2 (96). — С. 48—58. —
 DOI 10.22394/1996-0522-2023-2-48-58. —
 EDN APLMCA.

УДК 32.091

EDN APLMCA

DOI 10.22394/1996-0522-2023-2-48-58

ДВА ПОДХОДА К СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ В НЕМЕЦКОЙ КОНСЕРВАТИВНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ КОНЦА XX ВЕКА

Подольский Вадим Андреевич,

Институт философии РАН,
 научный сотрудник сектора истории политиче-
 ской философии,
 кандидат политических наук.
 Москва, Россия.
 E-mail: deomniscibili@yandex.ru

Аннотация

Введение. В консервативной политической философии в Германии в конце XX века сложилось два основных подхода к социальной политике. Первый, патерналистский и корпоративистский подход, продолжал линию, устоявшуюся в XIX веке, и предполагавшую активное участие государства в регулировании социальной поддержки. Второй, рыночный, перенимал американские идеи второй половины XX века и предлагал ограничение масштабов социального государства для экономии ресурсов и во избежание негативного влияния на рынок труда.

Цель. Проанализировать аргументы двух направлений немецкого консерватизма конца XX века, их философское происхождение и их значение для политики.

Методы. Статья опирается на сравнительно-исторический подход, анализ институтов и правовых документов и герменевтический метод для изучения политико-административного и идеологического контекста развития немецкого консерватизма в конце XX века.

Научная новизна исследования. Статья фокусирует внимание на интеллектуальном наследии немецких теоретиков, в то время как основное внимание отечественных и зарубежных исследователей консервативной политической философии конца XX века привлекали американские и британские авторы.

Результаты. Ключевые аргументы патерналистского подхода к социальной проблематике включают в себя указание на ответственность элит за благосостояние населения и сильное государства как средство компенсации неравенства в обществе. Доводы рыночного подхода основаны на обращении к идеям гражданской добродетели и защите собственности как ключевым силам, обеспечивающим общественный мир и благополучие.

Выводы. На практике возобладал подход, предлагавший сохранение и расширение социального государства, и благоприятная экономическая конъюнктура, как и институционально-идеологическая инерция, способствовали воплощению решений в рамках этой парадигмы. Но идеи рыночного подхода не потеряли свою актуальность, поскольку нагрузка на социальное государство возрастает из-за старения населения.

Ключевые слова:

социальная политика,
 консерватизм,
 история Германии,
 Г.-К. Кальтенбруннер,
 Г. Рормозер

Введение

Во второй половине XX века термин «консерватизм» в Германии имел негативную коннотацию в академической и политической средах из-за ассоциации с «консервативной революцией» начала XX века и той ролью, которую она сыграла в становлении тоталитарной идеологии. Но спрос на консервативную политическую философию был высок и в контексте противостояния с Советским союзом и коммунистической идеологией, и в спорах с леворадикальными мыслителями и группами, которые получили популярность в 1960-е. Последние десятилетия XX века создали новое измерение, разделившее уже саму консервативную философию. Если с 1940-х до 1970-х рост экономики сопровождался в Европе развитием социального государства, то кризис 1970-х приостановил эту тенденцию. Многие политики и исследователи стали обращать внимание на чрезмерную нагрузку на экономику, создаваемую социальными обязательствами. В Британии и США недовольство результатами социальных программ и государственного вмешательства в экономику привело к появлению неоконсерватизма. Распространилось представление, что частная инициатива сможет лучше справляться с теми вызовами, которые возникали в контексте социальной проблематики, поскольку государственная бюрократия не заинтересована ни в конкуренции, ни в повышении эффективности, ни в качестве предоставляемых услуг, а зависимость граждан от получения помощи снижает их мотивацию к труду. Рыночный подход к социальной политике предлагал приучать население к опоре на собственные силы, к предусмотрительности, трудолюбию, независимости, самоорганизации и указывал на положительный опыт времён промышленной революции. Этот подход был характерен для США и Британии, но встречался и на континенте, в том числе в Германии. Но сохранялся и патерналистский подход, который указывал, что социальные программы должны воспитывать чувство ответственности в элитах и солидарность в получателях помощи, согласно сложившимся со Средних веков традициям.

В качестве представителя патерналистского подхода может быть упомянут философ австрийского происхождения Герд-Кlaus Кальтенбруннер (1939—2011), который с 1962 года проживал в Германии и участвовал в немецком политико-философском дискурсе. Немецкий философ Гюнтер Рормозер (1927—2008) выражал идеи, близкие к

рыночному подходу. Для стран с развитой социальной политикой, в том числе и России, анализ данных подходов представляет большой интерес, поскольку из-за старения населения в XXI веке нагрузка на социальное государство лишь возросла, но из-за политических и культурных факторов сокращение социальной поддержки представляется недопустимым.

Рыночная доктрина была основополагающим элементом в немецкой политике середины XX века. В то же время существенную роль играл и консервативный элемент, связанный с опорой на католическую и лютеранскую церкви. Выразителем консервативной политической философии стала партия «Христианско-демократический союз» при канцлере Германии Конраде Аденауэре. Партия с самого начала своей деятельности уделяла большое внимание социальному обеспечению населения. По мнению Г. Рормозера, смысл такого подхода состоял в том, чтобы сохранить общественный мир, обеспечить доверие и лояльность демократическому и правовому государству [5, с. 131].

Поначалу партия использовала американский подход, говоря о защите частной собственности. Программа IV съезда «Христианско-демократического союза» в 1953 году предполагала, что источником благосостояния будет не государство, а сами граждане [4, с. 15—16]. Согласно идее канцлера Германии Людвиг Эрхарда, принцип «благосостояния для всех» следовало воплощать, создавая всем гражданам равные возможности для участия в экономическом прогрессе. Идея социального рыночного хозяйства включала в себя создание и защиту свободной конкурентной рыночной системы, ограничение роли государства в экономике и антикартельное законодательство, поощрение частной предпринимательской инициативы, выравнивание социального неравенства. Каждый гражданин должен был стать собственником, проявлять дисциплину и нести ответственность, а государственную экономическую политику следовало проводить в интересах общего блага [10]. Социальная политика в стране в середине XX века выстраивалась в рамках католической социальной доктрины. [4, с. 19].

В середине XX века в Германии именно католическая и лютеранская церкви и благотворительные организации были ключевыми силами в разработке и реализации мер социальной защиты, и многие учреждения функционируют как благотворительные до сих пор [18, р. 230]. В законах

о социальной поддержке 1961 года помощь уже называлась правом, в то время как в предыдущих законах указывалась обязанность участников страховых фондов делать отчисления [18, р. 164—165]. Основные инструменты социальной политики в Германии — пенсионное страхование, медицинское страхование, пособия — были созданы ещё в конце XIX — начале XX века. Также на раннем этапе сложился принцип саморегулирования поставщиков социальных услуг, таких, как фонды, медицинские учреждения. Но с 1950-х расходы на социальное государство в Западной Германии начали расти, в частности из-за необходимости конкурировать с Восточной Германией. Изменилась роль пенсионных программ — вместо пособий они стали выполнять функцию замещения зарплаты [18, р. 203]. Роль федеральных субсидий в выплате пенсий снизилась с 50 % до 20 % благодаря экономическому росту [1, с. 97—98] и увеличению ставки взносов в фонды пенсионного страхования. Взносы работника и работодателя были выравнены, ранее работник платил $\frac{2}{3}$ взносов, а работодатель — $\frac{1}{3}$ пенсионное страхование постепенно стало распространяться на все профессии. В 1960-е и 1970-е более, чем в 10 раз возросли расходы на здравоохранение [11, р. 198—211]. Были увеличены с 50 до 90 % зарплаты, выплаты по больничным [18, р. 210], было введено пособие на детей [14, р. 198]. Бесплатным стало образование в высших учебных заведениях [14, р. 204].

В 80-е и 90-е годы был предпринят ряд мер по снижению расходов социального государства и расширению рыночных элементов — появилось право выбора страховой кассы, которая раньше была обусловлена регионом или профессией. Были введены доплаты за некоторые медицинские услуги, лекарства и пребывание в больнице [11, р. 214—216]. Были изменены правила выхода на пенсию, чтобы мотивировать граждан работать как можно дольше — при досрочном выходе пенсионные выплаты снижались [16, р. 129]. Но в основном нагрузка социального государства на бюджетные системы только возрастала — в 90-е было введено право на место в детском саду [18, р. 175], введены налоговые льготы и расширены пособия для семей с детьми [14, р. 198]. Существенный объем средств был потрачен на синхронизацию пенсионных систем Восточной и Западной Германии [16, р. 135]. Также была создана страховка для финансирования долгосрочного ухода за пожилыми, инвалидами и больными, который ранее оплачивался за счёт пособий [14, р. 201].

Методы и материалы

Анализ институтов и нормативно-правовых актов показывает направление государственной политики, которое осмыслили представители немецкой политической философии. Для соотнесения идей изучаемых авторов и политико-философского контекста используется сравнительно-исторический подход. Для выявления отношения авторов к социальной политике используется герменевтический подход, анализируется их мышление об истории, о структуре и функционировании общества. Наиболее важные работы Гюнтера Рормозера, посвященные социальной проблематике — «Кризис либерализма» [5] и «Новый консерватизм: вызов для России» [6], изданные Институтом философии РАН в 1996 году. Герд-Клаус Кальтенбруннер выступил в качестве редактора сборника «Реконструкция консерватизма» (1972), в котором была опубликована его статья «Сложный консерватизм» [13, с. 19—54]. Число книг и статей, посвящённых интеллектуальному наследию Г.-К. Кальтенбрунера, сравнительно невелико и в основном представлено главами в сборниках. Новейшая из книг — это «Хранители концепций» (2023) Мартины Штебер из Лейпцигского университета, которая посвящена сравнению немецкого и британского консерватизма конца XX века [17], также М. Штебер принадлежит опубликованная на русском языке обзорная статья по немецкому консерватизму конца XX века [9]. Среди отечественных статей могут быть упомянуты труды Флоры Ким, посвященные философии Г.-К. Кальтенбрунера [2; 3]. Консервативные идеи Гюнтера Рормозера обычно оценивались в рамках анализа развития немецкой политической философии конца XX века [20]. История социальной политики в Германии исследована гораздо лучше и представлена многочисленными трудами немецких [18] и отечественных [1] авторов.

Результаты

Итак, фактически в Германии во второй половине XX века сосуществовало два варианта консерватизма — один следовал в русле немецкой традиции, второй продолжал идеи британского и американского консерватизма [9, с. 200]. Патерналистско-корпоративистская версия консерватизма видела в эффективности административных механизмов средство обеспечения социальной стабильности и нивелирования тех последствий рыночной экономической дифферен-

циации в обществе, которые создавали риски. Рыночный подход апеллировал к роли государства как гаранта функционирования экономики и критиковал перераспределение, как и в случае с британским и американским консерватизмом второй половины XX века.

Социальная философия Г.-К. Кальтенбруннера

Развитие социального государства и конкуренция с социализмом в Германии второй половины XX века формировали противоречивые установки. Некоторые мыслители и политики видели в социальных расходах гарантию устойчивости общества, а некоторые считали их вредными для морали и экономики. К числу первых относился Г.-К. Кальтенбруннер. Он начинал с симпатий к левым учениям, но постепенно перешёл к консервативным взглядам. Г.-К. Кальтенбруннер реагировал на распространение леворадикальных настроений в 1960-е. По его мнению, леворадикальные движения воплощали якобинство и предлагали идеи, оторванные от реального общества, а настоящую демократию представлял консерватизм благодаря пониманию человеческой природы и фундаментальных условий социальной стабильности. Г.-К. Кальтенбруннер был убеждён, что время либерализма прошло и мир должен вернуться к консервативным смыслам [19, р. 159]. По Г.-К. Кальтенбруннеру, консерватизм более не борется против эмансипационных последствий Просвещения, но сохраняет и защищает степень достигнутой эмансипации: права человека, верховенство права, свободу совести. Э. Бёрка, отмечает Г.-К. Кальтенбруннер, называли либералом, потому что он был консервативен. Новые консерваторы консервативны, поскольку они либеральны. Консерватизм — это осознание того, что результаты освобождения не самоочевидны, что их необходимо защищать от новых форм ограничения и дегуманизации. Эти вызовы, по мнению Г.-К. Кальтенбруннера, исходят не столько от государства, сколько от автократии технологически-индустриального развития, которое должно быть поставлено под контроль, как в своё время абсолютизм государей [13, с. 51]. Из-за множества непредвиденных изменений во всех сферах жизни, серьёзности рисков, вероятности разрушений, роста неравенства требуется долгосрочное планирование, координация, интеграция и стабилизация общества рациональной ад-

министрацией, которая осознавала бы свою ограниченность законами, прецедентами, дееспособной судебной властью [13, с. 49]. Только сильное государство, по мнению Г.-К. Кальтенбруннера, может примирять и контролировать конфликтующие социальные интересы и воздействовать на экологические проблемы. Г.-К. Кальтенбруннер одним из первых среди консерваторов стал активно высказываться в поддержку природоохранных мероприятий [19, р. 160], перечисляя такие консервативные добродетели, как идея сохранения и следование всеобщим принципам [13, с. 49-51].

Для Г.-К. Кальтенбруннера мышление в рамках левой парадигмы означало стремление к диалектическому мышлению [17, р. 244]. Прогресс и его ограничение — два важнейших принципа, пишет Г.-К. Кальтенбруннер. Без ограничения изменений невозможно никакое постоянство, без прогресса всё гниет или каменеет [13, с. 44]. Рассуждая о прогрессе, консерватор спрашивает, до какого предела будет двигаться прогресс, каковы его издержки и что будет утрачено [13, с. 53]. Вред окружающей среде от развития индустриального общества свидетельствовал о том, что идея прогресса как однозначного блага принадлежала восемнадцатому веку и устарела. Г.-К. Кальтенбруннер видел в реакции единственно возможный прогресс в коренным образом изменившемся мире [17, р. 246]. Лучшие времена в мире всегда наступают, когда прогресс и реакция находятся в равновесии. Нравственный долг наиболее культурных людей Г.-К. Кальтенбруннер видит в том, чтобы содействовать прогрессу в дни варварства и сохранению в дни, когда происходит разрушение старины [13, с. 44].

Г.-К. Кальтенбруннер был убежден, что элита играла важную роль в предотвращении духовного и социального распада мира. Поэтому он приписывал «элитный» статус отшельникам, мистикам, аскетам, монахам, мыслителям и писателям [12, р. 151]. Он рассуждал о носителях консерватизма в русле антидемократической немецкой традиции. По его мнению, партии не могли быть представителями консервативных идей, но консерваторы должны были создавать консервативные ячейки, дисциплинированные и организационно связанные, чтобы проникать в «молчаливое большинство». Их начинания дополняли бы гражданские инициативы [17, р. 252—251]. Г.-К. Кальтенбруннер приближался к платоновской идее философов-правителей, которую развивали Аль-Фараби, Маймонид и Лео Штраусс [15, р.

276—277]. В этой парадигме минимальное обеспечение благ для населения — условие устойчивости положения элит [8, с. 104]. Г.-К. Кальтенбруннер указывает, что равенство — это социальное понятие, идеологическое представление и проявляется лишь в ограниченных сферах. Природе неизвестно равенство, и задача общества — учитывать наличествующее неравенство, связанное с естественными предпосылками и уникальным опытом [7, с. 59].

Вследствие своего опыта рефлексии в рамках левой идеологии, Г.-К. Кальтенбруннер проявлял внимание к социальной проблематике. Он использовал фразу «стоять справа, думать слева» австрийского католического консерватора Эрнста Карла Винтера, совмещающая элементы консерватизма и марксизма [17, р. 244]. Рассуждения Г.-К. Кальтенбруннера повторяли идеи немецкого философа Франца Баадера о всеобщей христианской солидарности, с которой он связывал истоки социального консерватизма. Г.-К. Кальтенбруннер указывал на параллели между консервативными и марксистскими идеями в XIX веке [17, р. 249]. Он пишет, что консерватор согласен с К. Марксом в том, что люди должны быть обеспечены материально, чтобы не только заботиться о завтрашнем дне, но и посвящать себя добрым делам и надеждам, жить достойно и с пользой. По мнению Г.-К. Кальтенбруннера, сохранение традиций и устойчивая благодарность со стороны населения возможны в таких условиях, когда даже самый скромный современник получает часть от унаследованного обществом богатства, и тем самым приобретает интерес сохранять его [13, с. 54]. Следуя за Адамом Мюллером и его идеологией целостности, Г.-К. Кальтенбруннер выстраивал свои размышления об общественном единстве [2, с. 76—77]. Он подчеркивал, что современный консерватор не только призывает сохранять, но и достигать того, что следует сохранить [13, с. 54], и знает, что не только многое изменилось, но и что нужно изменить многое [7, с. 70]. Г.-К. Кальтенбруннер ссылается на идею Герберта Маркузе о том, что во второй половине XX века консервативное мышление сформировалось не у паразитарных классов, но у производящих, поскольку у них появилось что-то, кроме их цепей, что они могли потерять. Следовательно, они стали основной консервативной силой [13, с. 50].

Г.-К. Кальтенбруннер считал исходной идеей консервативной политической философии реалистическую антропологию. Он призывал отвечать на вопросы о сути,

потребностях, возможностях и границах человека, об отношении человека к другим людям и к природе. Консерватизм, по мнению Г.-К. Кальтенбруннера, учит становиться и быть человеком [3, с. 44]. Консерватор предпочитает опыт интеллектуальным построениям, поддерживает традиции, привязан к привычному и скептически к инновациям [13, с. 35]. Г.-К. Кальтенбруннер пишет, что консерватор не доверяет планам преобразования мира, даже если они опираются на человеколюбие и обещают рай на земле [13, с. 53]. Консерватор убежден, что ни в государстве, ни в обществе не могут быть воплощены гармония и совершенство, и что и индивид, и коллектив всегда будут сталкиваться с необходимостью выбирать из двух зол [3 с. 45]. Бисмарк, напоминая Г.-К. Кальтенбруннер, говорил, что создать поток времени и управлять им невозможно, можно лишь плыть по нему, проявляя достаточно умения, чтобы не разбиться. Консерватор исходит из конкретных предпосылок и склонен скорее недооценивать, чем переоценивать способности человека [13, с. 35].

Г.-К. Кальтенбруннер в своих рассуждениях приводит три аргумента, опыта, гуманности и глубины, как ориентиры для консервативного мышления. Опыт показывает смертность и ограниченность людей. Гуманность означает недоверие к утилитаристской идее наибольшего счастья для наибольшего числа людей. Консерватор, по мнению Г.-К. Кальтенбруннера, должен стремиться не столько к обеспечению оптимального качества жизни, сколько смягчать наиболее острые нужды и тяготы. Г.-К. Кальтенбруннер критикует радикальную позицию, которая утверждает, что беды мира происходят по вине конкретных лиц или групп. Саму идею, что устранение врагов гарантирует общее счастье, Г.-К. Кальтенбруннер считает неприемлемой для консерватизма. По мнению Г.-К. Кальтенбруннера, консерватизм предупреждает, что способность человека приспособливаться имеет свои пределы, поэтому должны защищаться свобода и индивидуальность человека. Аргумент глубины отсылает к принципам творческой деятельности: консерватор должен не только сохранять верность вечным принципам, но и искать их новое подтверждение, смотреть в будущее [3, с. 48-50]. Г.-К. Кальтенбруннер изложил шесть основополагающих принципов консерватизма в статье «Консерватор в "постлиберальную эпоху"» (1973): наследие, стабильность, порядок, авторитет государства, пессимизм и свобода [2, с. 76].

В неоконсерватизме конца XX века свобода понималась как необходимое условие для инициативы, творчества, прогресса, как защита от произвола [7, с. 58]. Г.-К. Кальтенбруннер говорил о росте неуправляемости, недоброжелательности ко всякой власти и считал, что необходимо усиление государственного авторитета. По его мнению, идея отмирания государства была утопична: на деле она привела бы к возникновению тоталитарных форм и исчезновению западной политической культуры [7, с. 56]. Тоталитаризм настроен на радикальную ликвидацию потенциальных носителей консервативного отношения, именно поэтому тоталитарные режимы организуют показательные суды и чистки над теми, кто может сохранить историю. Левиафан, указывает Г.-К. Кальтенбруннер, увеличивает свой радикализм до точки саморазрушения — конец света становится подразумеваемым и желанным [13, с. 41—44]. Человечество, полностью подавившее консервативный элемент, не только пало бы жертвой утопической лжи, но и впало бы в варварство [13, с. 48—49]. Консерватор знает, что всё человеческое достоинство связано с воспоминанием и сохранением, именно поэтому так важна история [13, с. 53]. Принцип консерватизма — не позволять себе разорвать нить истории и традиции [13, с. 44].

Социальная философия Г. Рормозера

Идея истории как основы консервативного мышления также была ключевой в социальной и политической философии Гюнтера Рормозера. Он писал об проблеме борьбы с авторитетом истории, укоренившейся в философии со времен Р. Декарта. Логика модерна считала, что для обеспечения автономии индивид должен быть освобожден от тех ограничений, которыми его связывала история. Г. Рормозер пишет, что восстановить значение истории пытался Гердер, описывая уникальность народного духа в противовес уравнивающему универсализму Просвещения. Следствие логики модерна, пишет Г. Рормозер, состоит в том, что она ведёт к новому варварству, поскольку единственной целью человека, лишённого всякой идентичности и связи с историей, назначается удовлетворение потребностей [5, с. 143—148]. Индустриальное общество поглотило историческое сознание, мораль и природу [6, с. 209]. Идея эпохи Просвещения — преодолеть негативные факты истории, материальную нужду и несвободу — была перенята и либерализмом, и социализмом. Г. Рормозер

показывает, что существо спора между либеральным и социалистическим подходами сводилось к методам, а не цели [5, с. 59]. Он указывает, что социалистическая идея создания «Нового человека» — это секуляризованная христианская мысль. Мобилизующая сила социализма была именно в его квазирелигиозной составляющей, пишет Г. Рормозер [5, с. 19—20]. Социализм пытался создать нового человека, который имел бы новые потребности, не был бы эгоистичен, а стремился бы к защите общих интересов. Общие интересы выражало бы государство, а именно политбюро партии, направляемое философией марксизма-ленинизма [5, с. 19—20]. Г. Рормозер отмечает, что человеческая природа содержит некоторое консервативное ядро, и поэтому возможности по изменению человека весьма ограничены [6, с. 107].

Без христианского понимания личности, победа демократии и равенства будет означать упразднение свободы [5, с. 225]. Г. Гегель напоминал, что французская революция принесла такое определение свободы, которое вело к террору. Те, кто не соответствовал критериям добродетели, сформулированным властью, подлежал уничтожению [5, с. 61]. Г. Рормозер считал, что социалистическое представление о справедливости как уравнивании всех в обществе разрушало человека, поскольку уничтожало мотивацию проявлять инициативу, достигать чего-либо, брать на себя ответственность [5, с. 216]. Основной принцип рынка, указывает Г. Рормозер, это конкуренция, когда правильное решение приносит собственнику прибыль, а неверное — убыток. При социализме ответственность за ошибки не несёт никто [5, с. 68]. Социализм, убеждён Г. Рормозер, проиграл, поскольку государство поглотило общество [5, с. 72].

Поскольку справедливость понимается разными группами в разное время по-разному, К. Маркс предлагал не решение социального вопроса, но считал, что надо обеспечить такие условия, когда социальный вопрос не будет возникать. Для этого богатство общества должно быть настолько большим, чтобы хватило всем. Фон Хайек рассуждал иначе, но приходил к похожему умозаключению относительно судьбы рынка. Он указывал, что перераспределение благ с помощью социального государства потребовало бы введения государством таких ограничений рыночной свободы, что уничтожило бы рынок, благодаря которому создавались ресурсы для перераспределения [5, с. 133—134]. Но сама идея создать

с помощью науки и техники такое количество материальной продукции, которое позволило бы удовлетворить все потребности всех людей, объединяла социализм и либерализм [5, с. 133—134]. Практика показала, что социализм был менее эффективным путём [5, с. 67]: капиталистическая Германия ближе всех других стран подошла к удовлетворению спроса на материальные блага [5, с. 26].

Либерализм, рассуждает Г. Рормозер, вступает в сложные отношения с государством. С одной стороны, либерализму необходимо сильное, дееспособное государство. Без государства не может функционировать рынок из-за тенденции к монополизации, которая уничтожает принцип свободной торговли и, следовательно, сам рынок [5, с. 138]. Либерализм не может преодолевать серьёзные кризисы, когда институты не работают, когда не соблюдаются законы [6, с. 107]. С другой стороны, либерализм вытесняет государство, поскольку предполагает, что отношения в обществе при либерализме постепенно перейдут от господства к соглашениям, и вместо власти останутся только функции и процедуры, указанные в договорах [6, с. 65]. Г. Рормозер приводит аргументацию Платона, Аристотеля и Гегеля, указывая, что государство необходимо, поскольку воспитывает гражданские добродетели [5, с. 96]. Он считает, что сила правового государства зависит от того, насколько каждый гражданин мыслит в правовых категориях, и, следовательно, сила правового государства определяется историей, культурой, религией [6, с. 47]. Справедливость, по мнению Г. Рормозера, это не предмет политического предписания, но результат самореализации человека. Добродетель, по Платону и Сократу, и приверженность демократии, это не столько принцип организации, сколько культура, воплощение правового сознания, которое, в свою очередь, должно быть результатом надлежащего воспитания [5, с. 164—165]. Необходимо нравственное государство, которое защитит общество от разложения, а основа для сохранения нравственности, по Гегелю — это христианская община [5, с. 65]. Если люди не видят смысла в жизни, они начинают саморазрушение. От саморазрушения человека может удержать только религия [5, с. 195—196]. Материальное неравенство перестает быть проблемой, если люди ожидают уравнивающей всех справедливости от Творца [5, с. 214]. Именно из христианства в европейской мысли выросло понимание свободы, уверен Г. Рормозер [6, с. 203]. Ссылаясь на Гегеля, Г. Рормозер увязыва-

ет свободу и собственность как ключевые консервативные принципы. Пространство свободы, согласно Гегелю, создает частная собственность [6, с. 46]. По мнению Г. Рормозера, собственность и семья — основания консерватизма. Те, у кого нет семьи, оказываются в положении пролетариата по Марксу, то есть им нечего терять и, уточняет Г. Рормозер, у них нет интереса сохранять мир [6, с. 115]. Г. Рормозер убеждён, что семья спасает общество от распада, связанного с дисфункциями социального государства [5, с. 260]. Он также указывает на значение нравственной составляющей в обеспечении социальной защиты — по его мнению, сочувствие, милосердие и мораль имеют большее значение, чем бюрократический компонент [5, с. 139—140].

Рост социального государства привёл к конфликту между принципами правового и социального государства, рассуждает Г. Рормозер, идея равенства разрушает идею свободы [5, с. 82]. Рынок основан на индивидуальных решениях и ответственности. Социальное государство — на принципе коллективной солидарности. По мнению Г. Рормозера, социальное государство из-за избыточного регулирования и перераспределения оказывает отрицательное влияние на экономику. Во-первых, господство бюрократии заняло то место, которое занимало господство капиталистов. Социальное государство ограничивает свободу выбора для индивида, предлагая типовые варианты, которые могут не учитывать уникальные обстоятельства каждого работника. Бюрократия имеет собственный интерес, переплетающийся с политическим [5, с. 136—139]. Для того, чтобы получить власть в государстве, достаточно провозгласить какую-то проблему социальной, а затем организовать перераспределение ресурсов для её решения, пишет Г. Рормозер [5, с. 132]. Такой подход превращает политику в процесс перераспределения и устраняет гражданскую добродетель, поскольку причащает граждан только требовать, а не отдавать [6, с. 80]. Во-вторых, социальные программы создают такую нагрузку на предпринимателей, что им становится более выгодно создавать рабочие места в других государствах, от чего падает конкурентоспособность. Г. Рормозер призывал к реформированию социальной поддержки, снижению роли государства [5, с. 138—139]. Он считал, что налоговая система Германии носит конфискационный характер, а путем к благосостоянию было создание условий для частной инициативы, то есть снижение налогового бремени

[5, с. 71]. Он указывал, что по демографическим показателям сохранение социального государства в Германии без изменений невозможно, оно всё больше финансируется в кредит, за счёт будущих поколений [5, с. 26].

Идея полного удовлетворения материальных потребностей оказалась недостижимой, пишет Г. Рормозер [5, с. 92]. Более того, попытка нарастить производство благ до такого уровня, чтобы все люди потребляли столько же, сколько и жители индустриальных государств, создает колоссальное давление на окружающую среду [6, с. 217]. Социальное государство, по мнению Г. Рормозера, более не подходит для выполнения функции объединяющей государство силы [5, с. 141]. Его место должно занять обращение к истории, восстановление религии и национального сознания [6, с. 160]. Идея конца истории, характерная и для либерализма, и для социализма, пришла из просвещенческих попыток освободить человека от истории. Г. Рормозер указывает на несостоятельность этой идеи. Во-первых, после провала социалистического эксперимента началось восстановление исторической памяти через обращение к национальному сознанию [5, с. 149]. Г. Рормозер ссылается на К. Шмитта и Ж. Ж. Руссо, указывая, что для демократии требуется гомогенность [6, с. 98]. Гетерогенность как основа общества подрывает его дееспособность, поскольку устраняет смысл служения. Именно народ сохраняет историю, уверен Г. Рормозер [5, с. 145]. Во-вторых, либерализм основан на критике и не имеет субстанции [6, с. 64], поэтому нужен синтез либерализма и консерватизма, чтобы сохранять те свободы, которые приобрела Европа [5, с. 13]. По мнению Г. Рормозера, консерватизм как политическая философия не только не устарел, но необходим для контроля над ходом развития общества и государства [6, с. 98]. Именно консерваторы, напоминает Г. Рормозер, от О. фон Бисмарка до К. Адэнауэра, были архитекторами всех ключевых немецких социальных программ [6, с. 216], а саму идею социального государства создала немецкая философская традиция: автором термина был Лоренц фон Штейн, следовавший за логикой Гегеля [5, с. 81].

Заключение

Политическая философия Г.-К. Кальтенбруннера и Г. Рормозера имеет ряд общих идей и отличий. Объединяет авторов типичный для немецкой политической философии подход через проблематизацию коллектив-

ных аспектов социальных отношений, а не через интересы атомарного индивида, как в британской и американской традициях. Оба автора крайне осторожны в формулировании конкретных рецептов социальной политики. Г.-К. Кальтенбруннер говорил о том, что социальное неравенство — это данность, которую нельзя устранить, но необходимо учитывать в управлении, и что социальная политика должна быть направлена на обеспечение прожиточного минимума. Г. Рормозер обращал внимание на вызовы, которое создавало социальное государство, на рост государственного долга и передачу проблем будущим поколениям. Основой правильной социальной политики Г. Рормозер считал милосердие. Оба автора видели в социальном государстве необходимое условие для функционирования демократии: люди должны не только иметь права, но и возможность их реализовать. Если Г.-К. Кальтенбруннер говорит о том, что социальная безопасность необходима для культурной и интеллектуальной жизни человека, то Г. Рормозер указывает разработку социальной политики в качестве задачи для консерватизма. Г.-К. Кальтенбруннер видит больше силы в институтах, а Г. Рормозер — в морали. Г.-К. Кальтенбруннер поэтому защищает идею сильного государства, а Г. Рормозер отдает приоритет семье и частной инициативе. Если Г.-К. Кальтенбруннер, следуя за Платоном и Лео Штрауссом, полагает, что группы интеллектуалов имеют ключевое значение для направления общественной политики, то Г. Рормозер, апеллируя к Г. Гегелю, считает ключевой силой общину. Г.-К. Кальтенбруннер начинал строить свои рассуждения из предпосылок, заимствованных из социального католицизма XIX—XX века, но в основном оперирует нерелигиозными доводами. Г. Рормозер выражал поддержку лютеранству, хотя его аргументация опирается на внеконфессиональные христианские ценности. Оба автора апеллировали к важности истории, как средства поддержания солидарности и как источнику стабилизирующих общество традиций, и скептически относились к утопиям, говорили об ограниченности человеческой природы. Оба указывали на ключевую роль общественного единства, но исходили из разных предпосылок — Г.-К. Кальтенбруннер, вслед за романтиками XIX века, опирался на идею целостности, а Г. Рормозер апеллировал к идеям Ж.-Ж. Руссо и К. Шмитта о функциональности демократии. Оба считали, что либерализм исчерпал себя, а консерватизм должен стать той

силой, которая позволит защитить важнейшие достижения либерализма — правовое государство, свободу слова, рыночные механизмы. Оба автора подчеркивали важность защиты окружающей среды, причём Г. Рормозер связывал проблемы социального государства и экологии: по его мнению, попытки использовать перераспределение и индустриальную экономику, чтобы весь мир приблизился по своему потреблению к наиболее богатым странам, означали нанесение непоправимого вреда природе, и потому были недопустимы.

Попытки перестроить логику социального государства в Германии в 80-е и 90-е носили ограниченный характер, и система не приблизилась к американскому варианту. Вопреки пожеланиям Г. Рормозера, значение рыночного элемента не возросло в немецкой системе социальной поддержки. Возобладала система, которую поддерживал Г.-К. Кальтенбруннер, повторяя фразу «Стоять справа, думать слева». Институциональная инерция стала тем консервативным фактором, который содействовал сохранению основной архитектуры в неизменном виде. Несмотря на критическое отношение Г. Рормозера к немецкому социальному государству, оно во многом реализует консервативный принцип гражданской добродетели, поскольку социальная поддержка по-прежнему опирается на страховую принцип и логику солидарности, когда получатели пособий тоже осуществляют страховые отчисления в фонды, и ответственности, представленной большой ролью самоуправления. Также оно сохраняет элементы католической социальной доктрины, поскольку многие учреждения функционируют как благотворительные. Для России представляет ценность не только изучение особенностей функционирования немецкой системы социальной поддержки, но и анализ консервативных взглядов на социальную политику. Идеи Г. Рормозера важны для определения границ социального государства, а рассуждения Г.-К. Кальтенбруннера — для обоснования ответственности государства и элит за благосостояние граждан.

1. Зимаков, А. В. Пенсионная система ФРГ: эволюция или революция? / А. В. Зимаков // Современная Европа. — 2016. — № 4 (70). — С. 94—103.

2. Ким, Ф. С. «Просвещённый консерватизм» Г.-К. Кальтенбруннера и „gesellschaft

für ganzheitsforschung“ / Ф. С. Ким // Грамота. — 2017. — № 7(81). — С. 75—78.

3. Ким, Ф. С. Героический пессимизм просвещенного консерватора: Герд-Клаус Кальтенбруннер / Ф. С. Ким // Гуманитарные и социальные науки. — 2011. — № 4. — С. 43—52.

4. Левченко, М. В. Конрад Аденауэр и германский консерватизм 50-60 гг. XX века : дис. ... канд. ист. наук / М. В. Левченко. — Казань : Казанский государственный университет, 2004. — 203 с.

5. Рормозер, Г. Кризис либерализма / Г. Рормозер. — Москва : Институт философии РАН, 1996. — 292 с.

6. Рормозер, Г., Френкин А. А. Новый консерватизм: вызов для России / Г. Рормозер, А. А. Френкин. — Москва : Институт философии РАН, 1996. — 237 с.

7. Современный консерватизм / К. С. Гаджиев, С. П. Перегудов, В. А. Скороходов и др. — М. : Наука, 1992. — 264 с.

8. Шамшурин, В. И. «Концепция Фрасимаха» и социально-политический опыт консерватизма / В. И. Шамшурин // Социологические исследования. — 1994. — № 5. — С. 103—110.

9. Штебер, М. «1968» как год консерваторов, или разделение мнений. Либеральный консерватизм и «новые правые» / М. Штебер // Исторические исследования. Журнал Исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. — 2016. — № 5. — С. 194—207.

10. Эрхард, Л. Благосостояние для всех / Л. Эрхард. — Москва : Дело, 2001. — 332 с.

11. Companje, K. P. Two centuries of solidarity. German, Belgian and Dutch social health insurance 1770—2008 / K. P. Companje, R. H. M. Hendriks, K. F. E. Veraghtert, B. E. M. Widdershoven. — Amsterdam : Aksant, 2009. — 393 p.

12. Giubilei, F. The history of European conservative thought / F. Giubilei. — Washington : Regnery Gateway, 2019. — 256 p.

13. Kaltenbrunner, G. K. Der schwierige Konservatismus / G. K. Kaltenbrunner // Rekonstruktion des Konservatismus / Hrsg. G.K. Kaltenbrunner. — Freiburg im Breisgau : Rombach, 1972. — S. 19—54.

14. Kaufmann, F. X. Variations of the Welfare State: Great Britain, Sweden, France and Germany between Capitalism and Socialism / F. X. Kaufmann. — Berlin : Springer, 2013. — 260 p.

15. Leo Strauss on Maimonides. The Complete Writings. Ed. by Green K. H. — Chicago : Chicago university press, 2003. — 654 p.

16. Schludi, M. The Reform of Bismarckian Pension Systems. A Comparison of Pension

Politics in Austria, France, Germany, Italy and Sweden / M. Schludi. — Amsterdam : Amsterdam University Press, 2005. — 311 p.

17. Steber, M. The Guardians of Concepts. Political Languages of Conservatism in Britain and West Germany, 1945-1980 / M. Steber. — New-York : Berghahn Books, 2023. — 553 p.

18. Stolleis, M. History of Social Law in Germany / M. Stolleis. — Berlin: Springer, 2013. — 264 p.

19. Suvanto, P. Conservatism from the French Revolution to the 1990s. / P. Suvanto / Transl. from Finnish by R. Fletcher. — Basingstoke : Palgrave Macmillan, 1997. — 224 p.

20. Woods, R. Germany's New Right as Culture and Politics / R. Woods. — Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2007. — 193 p.

References

1. Zimakov A.V. (2016) Pensionnaya sistema FRG: evolyutsiya ili revolyutsiya? [FRG pension system: evolution or revolution]. *Sovremennaya Yevropa*, no. 4 (70), pp. 94-103 [in Rus].

2. Kim F.S. (2017) «Prosveshchenny konservativizm» G.-K. Kaltenbrunnera i „gesellschaft für ganzheitsforschung“ [“Enlightened conservatism” of G.-K. Kaltenbrunner and „gesellschaft für ganzheitsforschung“]. *Gramota*, no. 7(81), pp. 75-78 [in Rus].

3. Kim F.S. (2011) Geroicheskiy pessimizm prosveshchennogo konservatora: Gerd-Klaus Kaltenbrunner [Heroic pessimism of the enlightened conservative: Gerd-Klaus Kaltenbrunner]. *Gumanitarnyye i sotsialnyye nauki*, no. 4, pp. 43-52 [in Rus].

4. Levchenko M.V. (2004) Konrad Adenauer i germanskiy konservativizm 50-60 gg. XX veka [Konrad Adenauer and the German conservatism of the 50-60's of the 20th century]. Thesis. Kazan, 203 p. [in Rus].

5. Rormozer G. (1996) Krizis liberalizma [Crisis of the liberalism]. Moscow, Institut filosofii RAN, 292 p. [in Rus].

6. Rormozer G., Frenkin A.A. (1996) Novyy konservativizm: vyzov dlya Rossii [New conservatism: a challenge for Russia]. Moscow, Institut filosofii RAN, 237 p. [in Rus].

7. Sovremennyy konservativizm [Contemporary conservatism] (1992) / K.S. Gadzhiev, SP. Peregodov, V.A. Skorokhodov et al. Moscow, Nauka, 264 p. [in Rus].

8. Shamshurin V.I. (1994) «Kontseptsiya Frasinakha» i sotsialno-politicheskiy opyt

konservativizma [“Thrasymachus concept” and social-political experience of conservatism]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, no. 5, pp. 103-110 [in Rus].

9. Shteber M. (2016) «1968» kak god konservatorov, ili razdeleniye mneniy. Liberalny konservativizm i «novyye pravyye» [“1968” as the year of the conservatives, or division of opinions. Liberal conservatism and the New Right] *Istoricheskiye issledovaniya. Zhurnal Istoricheskogo fakulteta MGU imeni M.V. Lomonosova*, no. 5, pp. 194-207 [in Rus].

10. Erkhart L. (2001) Blagosostoyaniye dlya vsekh [Welfare for all]. Moscow, Delo, 332 p. [in Rus].

11. Companje K.P., Hendriks R.H.M., Veraghtert K.F.E., Widdershoven B.E.M. (2009) Two centuries of solidarity. German, Belgian and Dutch social health insurance 1770-2008. Amsterdam, Aksant, 393 p. [in Eng].

12. Giubilei F. (2019) The history of European conservative thought. Washington, Regnery Gateway, 256 p. [in Eng].

13. Kaltenbrunner G.K. (1972) Der schwierige Konservativismus // Rekonstruktion des Konservativismus / Hrsg. G.K. Kaltenbrunner. Freiburg im Breisgau, Rombach, S. 19-54 [in Ger].

14. Kaufmann F.X. (2013) Variations of the Welfare State: Great Britain, Sweden, France and Germany between Capitalism and Socialism. Berlin, Springer, 260 p. [in Eng].

15. Leo Strauss on Maimonides (2003) The Complete Writings. Ed. by Green K.H. Chicago, Chicago university press, 654 p. [in Eng].

16. Schludi M. (2005) The Reform of Bismarckian Pension Systems. A Comparison of Pension Politics in Austria, France, Germany, Italy and Sweden. Amsterdam, Amsterdam University Press, 311 p. [in Eng].

17. Steber M. (2023) The Guardians of Concepts. Political Languages of Conservatism in Britain and West Germany, 1945-1980. New-York, Berghahn Books, 553 p. [in Eng].

18. Stolleis M. (2013) History of Social Law in Germany. Berlin, Springer, 264 p. [in Eng].

19. Suvanto P. (1997) Conservatism from the French Revolution to the 1990s. / Transl. from Finnish by R. Fletcher. Basingstoke, Palgrave Macmillan, 224 p. [in Eng].

20. Woods R. (2007) Germany's New Right as Culture and Politics. Basingstoke, Palgrave Macmillan, 193 p. [in Eng].

Статья поступила в редакцию 04.04.2023

For citing: Podolsky, V. A. Two approaches to social policy in the German conservative political philosophy of the late XX century / V. A. Podolsky // *Socium i vlast'* [Society and Power]. — 2023. — № 2 (96). — P. 48—58. — DOI 10.22394/1996-0522-2023-2-48-58. — EDN APLMCA.

UDC 32.091

EDN APLMCA

DOI 10.22394/1996-0522-2023-2-48-58

TWO APPROACHES TO SOCIAL POLICY IN THE GERMAN CONSERVATIVE POLITICAL PHILOSOPHY OF THE LATE XX CENTURY

Vadim A. Podolsky,

Institute of Philosophy RAS,
Research Fellow, Department of the History
of Political Philosophy,
Cand. Sc. (Political Sciences).
Moscow, Russia.
E-mail: deomniscibili@yandex.ru

Abstract

Introduction. In conservative political philosophy in Germany at the end of the 20th century, there developed two main approaches to social policy. The first one, paternalistic and corporatist approach continued the line that had been established in the 19th century and assumed the active participation of the state in regulating social support. The second, the market one, adopted American ideas of the second half of the 20th century and proposed limiting the scope of the welfare state in order to save resources and avoid a negative impact on the labor market.

The purpose of the study is to analyze the arguments of the two directions of German conservatism at the end of the 20th century, their philosophical origin and their significance for politics.

Methods. The article is based on the comparative historical approach, analysis of institutions and legal documents, and the hermeneutic method for studying the political, administrative and ideological context of the development of German conservatism at the end of the 20th century.

Scientific novelty of the research. The article focuses on the intellectual heritage of German theorists, while the main attention of domestic and foreign researchers of conservative political philosophy of the late 20th century was attracted by American and British authors.

Results. The key arguments of the paternalistic approach to social issues include pointing out the responsibility of elites for the well-being of the population and a strong state as a means of compensating for inequality in society. The arguments of the market approach are based on the appeal to the ideas of civic virtue and the protection of property as key forces that ensure social peace and well-being.

Conclusions. In practice, the approach that offered the preservation and expansion of the welfare state prevailed, and favorable economic conditions, as well as institutional and ideological inertia, contributed to implementing solutions within the framework of this paradigm. But the ideas of the market approach have not lost their relevance, since the burden on the welfare state increases due to the aging of the population.

Keywords:
social politics,
conservatism,
history of Germany,
G.-K. Kaltenbrunner,
G. Rohrmoser

Для цитирования: Меленькина, С. А.
Оценка взаимосвязи экономического
потенциала и благосостояния населения на при-
мере индустриальных регионов РФ /
С. А. Меленькина, А. О. Ужегов //
Социум и власть. — 2023. —
№ 2 (96). — С. 59—74. —
DOI 10.22394/1996-0522-2023-2-59-74. —
EDN CTLOBI.

УДК 332

EDN CTLOBI

DOI 10.22394/1996-0522-2023-2-59-74

ОЦЕНКА ВЗАИМОСВЯЗИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА И БЛАГОСОСТОЯНИЯ НАСЕЛЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ ИНДУСТРИАЛЬНЫХ РЕГИОНОВ РФ

Меленькина Светлана Анатольевна,

Челябинский филиал
Института экономики УрО РАН,
старший научный сотрудник,
кандидат экономических наук.
Челябинск, Россия.
ORCID: 0000-0002-4149-2975
E-mail: melenkina.sa@uiec.ru

Ужегов Артём Олегович,

Челябинский филиал
Института экономики УрО РАН,
младший научный сотрудник.
Челябинск, Россия.
ORCID: 0000-0002-3244-2036
E-mail: uzhegov.ao@uiec.ru

Аннотация

Введение. Изучение экономического потенциала индустриальных регионов является важной задачей в современной экономической науке. Индустриальные регионы играют ключевую роль в экономике страны, так как они являются основными центрами производства и услуг, создают рабочие места и способствуют развитию других отраслей экономики. Одним из главных инструментов анализа экономического потенциала индустриальных регионов является оценка их возможностей для привлечения инвестиций, развития производства, улучшения качества жизни и благосостояния населения.

Это позволяет выявить проблемные области в экономике региона и разработать меры по их устранению.

Цель. Исследование посвящено выявлению взаимосвязи экономического потенциала и благосостояния населения на примере индустриальных регионов РФ.

Методы. Основными методами исследования, используемыми авторами, явились обзор и контент-анализ научных подходов в данной предметной области, сбор и обработка статистической информации, дополнение методик оценки экономического потенциала и уровня благосостояния населения, расчет соответствующих интегральных показателей, межрегиональные сравнения и ранжирование территорий по выбранным критериям.

Научная новизна исследования. В рамках настоящего исследования предложена методика отбора индустриальных регионов, дополнен инструментарий оценки уровня экономического потенциала индустриального региона, предложен метод отбора показателей для оценки уровня благосостояния населения индустриального региона.

Результаты. По результатам исследования выявлено наличие слабой взаимосвязи между экономическим потенциалом и благосостоянием населения индустриальных регионов. Проведение описанных в статье расчетов на регулярной основе может стать ключевым фактором обеспечения эффективного мониторинга социально-экономической ситуации на отдельных территориях.

Выводы. Данное исследование имеет важное значение для понимания того, какие факторы оказывают наибольшее влияние на благосостояние жителей регионов и какие меры необходимо принимать для повышения уровня экономического развития региона и социальной защищенности населения. Результаты данного исследования могут быть использованы для разработки эффективных стратегий развития регионов и повышения качества жизни людей.

Ключевые слова:

индустриальный регион,
экономический потенциал,
благосостояние населения

Введение

Изучение экономического потенциала индустриальных регионов является важной задачей, которая позволяет выявить возможности для развития экономики региона и улучшения качества жизни населения.

Однако необходимо отметить, что анализ экономического потенциала индустриальных регионов является сложным процессом, требующим использования различных методов и инструментов. Например, для оценки потенциала региона можно использовать методы статистического анализа, экспертные оценки и моделирование экономических процессов.

Исследование взаимосвязи между экономическим потенциалом региона и благосостоянием его населения на современном этапе актуализировано наличием дифференциации в уровне экономического развития территорий страны и социального неравенства населения. В отдельных регионах фиксируется высокий уровень безработицы, относительно низкие значения средней заработной платы и недостаточный доступ к медицинским услугам и образованию. В то же время другие регионы имеют высокий уровень экономического развития и благосостояния населения.

Изучение факторов, которые влияют на благосостояние населения, поможет выявить причины этого неравенства и разработать стратегии для улучшения экономической и социальной ситуации в менее развитых регионах. Кроме того, данное исследование может быть полезно для принятия решений о распределении бюджетных средств и инвестиций между регионами, что способствует более равномерному развитию страны в целом.

Современная экономическая наука активно изучает взаимосвязь между экономическим потенциалом региона и благосостоянием его населения. В рамках данного исследования рассматриваются различные экономические и социальные показатели, которые влияют на уровень благосостояния жителей индустриальных регионов РФ.

Индустриальные регионы РФ представляют особый интерес для исследования данной проблематики, так как они являются наиболее развитыми и экономически значимыми. В рамках настоящей работы проводится анализ взаимосвязи между экономическим потенциалом и благосостоянием населения в индустриальных регионах РФ с использованием различных экономических и социальных показателей.

Одним из ключевых факторов, определяющих благосостояние населения, является уровень экономического развития региона. Это связано с возможностью создания новых рабочих мест и повышением заработной платы. Однако высокий уровень экономического развития не всегда гарантирует высокий уровень благосостояния населения. Существенное значение имеют также социальные показатели, такие как уровень занятости, доступность медицинских услуг и образования, а также уровень жизни. В рамках определения возможностей и вероятных перспектив регионального развития авторами статьи предлагается исследовать экономический потенциал на примере индустриальных регионов.

Вопросы определения экономического потенциала региона рассматриваются в работах следующих авторов: М. Н. Кондратьевой [15], О. Н. Капустина [12], А. А. Волкова [6], С. В. Яковлевой [26], И. В. Смольяновой [22], Е. В. Щербаковой [25].

В научной литературе преобладает толкование понятия «потенциал» как совокупность имеющихся ресурсов и перспективных возможностей их использования.

Так, например, А. Ф. Музафаров в своем исследовании определяет региональный потенциал как возможности, которые предоставляет ресурсная система исторически и институционально выделенной территории страны для создания благ и удовлетворения растущих потребностей населения [18].

Е. В. Козина и С. В. Гостева отмечают, что экономический потенциал региона представляет собой совокупность ресурсов, доступных или возможных для мобилизации с целью максимально эффективного использования в производстве конкурентоспособной продукции и услуг, удовлетворения потребностей населения, обеспечения экономического благополучия государства и сохранения для будущих поколений [14].

В своей диссертационной работе Е. А. Илларионова определила понятие «экономический потенциал региона» как совокупность ресурсов, которые могут быть использованы для развития территории в интересах населения, бизнеса и государства [11]. Это означает, что наличие экономического потенциала региона зависит от наличия ресурсов, а его реализация — от умения региональных властей принимать эффективные управленческие решения. Автор отмечает, что раскрытие экономического потенциала региона является ключевым фактором для устойчивого развития субъекта федерации.

В научном исследовании авторы придерживаются взгляда В. В. Печаткина, который определяет экономический потенциал региона как совокупность имеющихся и потенциальных ресурсов, необходимых для развития, с учетом максимальной эффективности их использования для производства конкурентоспособных товаров и удовлетворения потребностей текущих и будущих поколений [21].

Таким образом, экономический потенциал региона определяет конкретные условия социально-экономического развития территории, а высокий его уровень создает возможности как для экономического роста, так и для роста уровня благосостояния населения. В то же время можно рассматривать благосостояние населения региона как фундамент потребительской активности, поддерживающий функционирование рыночного механизма.

К изучению понятия благосостояния, а также к разработке методик его оценки обращались многие отечественные и зарубежные ученые. Данные вопросы широко освещаются и исследуются в научной литературе, однако авторы придерживаются различных подходов.

Так, С. А. Узакова и А. А. Камиева в своей статье отмечают, что одним и определяющих аспектов общественного благосостояния являются ресурсы, характеризующиеся на макроуровне валовым внутренним продуктом в расчете на душу населения [23].

Труд А. В. Булгакова посвящен «систематизации экономической мысли в области благосостояния населения», автор уделяет особое внимание «проблемам государственного регулирования благосостояния» [4].

В. И. Антипов и соавторы также затрагивают вопросы государственного участия в управлении аспектами благосостояния и предлагают изменение системы налогов и сборов в стране для повышения благосостояния населения [1].

В статье Э. Р. Ермаковой и И. Е. Иляковой исследуются причины социально-экономического неравенства в отечественной и зарубежной экономике [9].

Благосостояние, являясь сложным многомерным понятием, требует тщательного исследования с точки зрения поиска возможностей создания необходимых социально-экономических условий для его устойчивого роста.

Г. Г. Карачурина, Р. М. Садыков, Э. К. Халикова исследуют благосостояние в увязке с ВРП региона, его социально-экономическим развитием [13].

Е. А. Фрезоргер увязывает современную парадигму экономического роста и уровня благосостояния населения [24].

Недостаточность исследований в области взаимосвязи экономического потенциала региона и благосостояния населения и одновременный высокий научный интерес к этим вопросам актуализировали тематику данной работы. С позиций авторов настоящей статьи наибольший потенциал в рамках современной экономической парадигмы развития свойственен российским регионам индустриального типа.

Методы и материалы

Информационной базой данного исследования послужили статистические данные ФСГС Росстат. Исследование проводилось за период 2012—2020 гг.

Основными методами исследования, используемыми авторами, явились обзор и контент-анализ научных подходов в данной предметной области, сбор и обработка статистической информации, дополнение методик оценки экономического потенциала и уровня благосостояния населения, расчет соответствующих интегральных показателей, межрегиональные сравнения и ранжирование территорий по выбранным критериям.

Территориальный аспект развития индустриальных регионов исследуется в научных работах следующих авторов: Ю. Г. Лавриковой, В. В. Акбердиной, А. В. Суворовой [16], Ю. Г. Мысляковой, С. Н. Котляровой, Н. А. Матушкиной [19; 20].

Сектор обрабатывающих производств является ключевым для индустриальных регионов России и должен обладать высокой конкурентоспособностью, так как он создает большую добавленную стоимость и имеет значительный мультипликационный эффект, способствуя развитию экономики регионов и страны в целом [8].

Важным является вопрос о критериях отнесения регионов к индустриальному типу. По этому поводу мнения исследователей различаются, в то же время различные подходы, как правило, сводятся к определению доли приоритетных отраслей в ВРП, объеме промышленного производства [8].

В рамках настоящего исследования проводились оценки уровня экономического потенциала и уровня благосостояния регионов, отобранных по критериям отнесения к индустриальному типу.

На первом этапе обратимся к методике оценки уровня экономического потенциала региона.

В настоящее время широко используются интегральные методы оценки различных объектов и явлений, в том числе определяющие экономический потенциал региона. С помощью интегральной оценки социально-экономического развития можно объединить различные данные в несколько комплексных показателей, что позволяет создавать различные системы рейтингования, проводить сравнительный анализ и выявлять ключевые проблемы регионального развития. Этот подход основан на расчете обобщающих индикаторов экономического состояния и уровня жизни населения, которые характеризуют основные территориальные подсистемы. Одним из распространенных методов оценки и анализа экономического потенциала регионов является разбиение его на составляющие части [10].

Такие авторы, как М. Н. Кондратьева, Т. Н. Рогова, Е. В. Баландина, описывают экономический потенциал региона как сложную и многомерную характеристику, которая включает в себя множество элементов и требует использования имеющихся и резервных ресурсов для достижения развития [15]. Авторы отмечают, что знание об экономическом потенциале региона позволяет выявить точки роста и дополнительные источники для устойчивого экономического развития. В работе предложена методика определения рейтинга регионов по уровню использования экономического потенциала, который представлен как сумма инвестиционных, хозяйственных, финансовых, рыночных, трудовых и инновационных показателей.

Для оценки СЭП авторами А. Ю. Вавиловой, А. В. Летчиковым, и М. А. Соколовой определен ряд показателей, которые отражают экономический потенциал региона [5]. Эти показатели включают в себя абсолютные и относительные показатели количества и качества наличных и используемых ресурсов региона, а также относительные показатели, которые сравнивают среднедушевые показатели СЭП региона с аналогичными показателями в целом по выбранной группе регионов.

Согласно авторам исследования [27], экономический потенциал региона представляет собой способность отраслей экономики данной территории производить товары и услуги, которые могут повысить качество жизни населения при эффективном управлении ресурсами. Конкурентоспособность региона зависит от его экономического потенциала, который состоит из нескольких структурных элементов: ресурсно-сырьево-

го, производственного, финансового, потребительского и трудового.

В своем исследовании Л. В. Мазур анализирует три различные методики для расчета экономического потенциала: первая основана на определении средневзвешенной рейтингов показателей с помощью аддитивной функции, вторая — на расчете средневзвешенной нормированных показателей, а третья — на определении среднегеометрической нормированных показателей [17].

Н. В. Глушак, О. В. Глушак, М. А. Муравьева, и О. Г. Назарова для оценки экономического потенциала региона предлагают использовать интегральный показатель, который определяется как корень шестой степени из произведения всех основных потенциалов, таких как природный, производственный, трудовой, финансовый, инвестиционный, инновационный и инфраструктурный [7]. Авторы считают, что этот подход необходим, потому что экономический потенциал региона представляет собой комплекс взаимосвязанных элементов, а не просто сумму их составляющих. Одним из преимуществ данного интегрального показателя является его способность охватывать все основные потенциалы в структуре экономического потенциала.

Учитывая данные подходы и развивая методический инструментарий оценки экономического потенциала, авторы разработали методику оценки ЭП применительно к индустриальным регионам РФ.

Методика проводимого авторами исследования включает следующие методы и инструменты анализа экономического потенциала региона:

- 1) определение составляющих экономического потенциала, включающих: а) хозяйственную (совокупная способность региона достигать поставленных целей по созданию максимального объема промышленного производства, при существующем материально-техническом уровне и пользовании имеющихся ресурсов); б) промышленную (наличие производственных мощностей, развитость отраслей промышленности и их конкурентоспособность на рынке); в) инвестиционную (наличие инвестиционных ресурсов, инвестиционный климат и готовность к инвестированию со стороны бизнеса и государства), г) инновационную (наличие научно-технического потенциала, разработку новых технологий и инновационных продуктов, а также готовность к их внедрению на рынок); д) финансовую (наличие финансовых ресурсов, финансовую стабильность и готовность к финансированию

проектов и программ развития) составляющие (рис. 1):

2) разработка системы показателей (на основе выделенных составляющих), характеризующих экономический потенциал индустриальных регионов.

3) применение индексного метода оценки экономического потенциала индустриальных регионов.

Значение частного показателя по составляющим экономического потенциала определяется по формуле (1)

$$Xi = \frac{I_{region}}{I_{country}}, \quad (1)$$

где X_i — значение частного показателя в i -м регионе;

I_{region} — значение региона в соответствующем показателе;

$I_{country}$ — суммарное значение соответствующего показателя в РФ.

Итоговый индекс определяется как сумма частных показателей по формуле (2)

$$EPI = \sum Econ_i + \sum Ind_i + \sum Inv_i + \sum Inno_i + \sum Fin_i, \quad (2)$$

где EPI — итоговый индекс экономического потенциала i -го региона;

$\sum Econ_i$ — суммарное значение хозяйственной составляющей в i -м регионе;

$\sum Ind_i$ — суммарное значение промышленной составляющей в i -м регионе;

$\sum Inv_i$ — суммарное значение инвестиционной составляющей в i -м регионе;

$\sum Inno_i$ — суммарное значение инновационной составляющей в i -м регионе;

$\sum Fin_i$ — суммарное значение финансовой составляющей в i -м регионе.

На втором этапе исследования сосредоточим внимание на методике оценки уровня благосостояния региона.

Благосостояние населения может быть оценено по различным показателям, таким как уровень доходов, уровень занятости, доступность медицинской помощи и образования, уровень жизни и т. д.

Один из основных показателей благосостояния населения — уровень доходов. Согласно официальной статистике, в 2020 г. средний доход на душу населения в России составил 33 853 руб. в месяц. Однако необходимо учитывать, что данный показатель может сильно отличаться в зависимости от региона проживания и профессиональной деятельности.

Еще одним важным показателем благосостояния населения является уровень

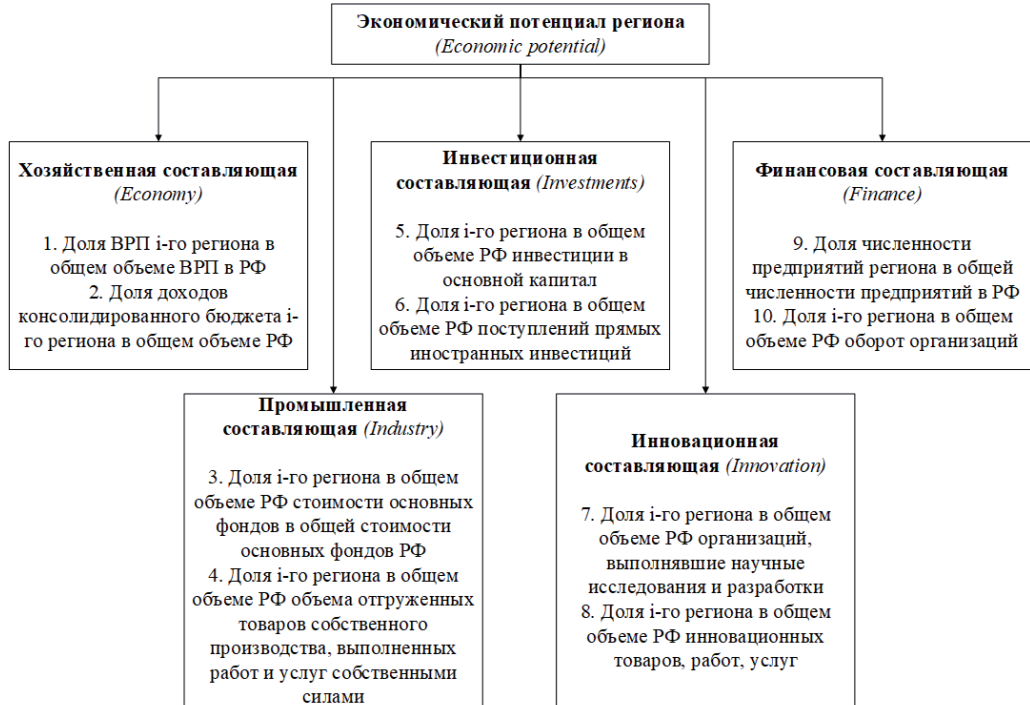

Рис. 1. Составляющие экономического потенциала индустриального региона¹

¹ Составлено авторами.

занятости. По данным Росстата, в 2020 году уровень занятости составил 70,1 %. Однако необходимо отметить, что данный показатель может быть искажен из-за большого количества людей, работающих в неофициальной сфере.

Доступность медицинской помощи и образования также является важным показателем благосостояния населения. В России существует система бесплатной медицинской помощи и образования, однако качество этих услуг может сильно отличаться в зависимости от региона и уровня доходов населения.

Уровень жизни — еще один важный показатель благосостояния населения. В России данный показатель оценивается по индексу человеческого развития (ИЧР), который включает в себя такие показатели, как продолжительность жизни, уровень образования и уровень доходов. По данным ООН, в 2020 году Россия занимала 52 место по ИЧР.

Вопросы методологии и методического инструментария оценки благосостояния населения исследуются в работах различных исследователей. Авторы предлагают к использованию разноплановые подходы и способы. Подробные исследования проводятся в работах В. В. Булгакова, О. В. Артемовой, Г. Г. Карачуриной и многих других [2; 4; 13].

Придерживаясь методики, описанной в [2], и в целях развития инструментария, дополним подход отбором показателей для оценки уровня благосостояния населения региона.

Для проверки гипотезы настоящего исследования о наличии взаимосвязи экономического потенциала и уровня благосостояния населения полигон исследования был ограничен индустриальными регионами России, период исследования: 2012—2020 гг. Оценка уровня благосостояния населения проводилась по алгоритму, включающему следующие этапы:

1. Определение благосостояния как системы условий, взаимосвязанных с уровнем экономического развития общества.
2. Выбор и отбор статистических показателей для оценки уровня благосостояния населения определенной территории (индустриального региона).
3. Расчет интегрального показателя уровня благосостояния населения индустриального региона.
4. Сопоставление результатов расчетов интегральных показателей экономического потенциала и благосостояния

населения индустриальных регионов с целью подтверждения/опровержения гипотезы настоящего исследования.

Благосостояние населения определяется в первую очередь сложившимися на определенной территории социально-экономическими условиями, которые создают потенциальные возможности в удовлетворении материальных и духовных потребностей людей. Аккумулируя исследованные в литературе принципы оценки благосостояния, можно выделить основные количественные показатели: доходы и расходы населения, социальные стандарты, имущественные права и другие.

Статистическими показателями доходов населения являются показатели денежных и трудовых доходов. Денежные доходы включают в себя все виды доходов, получаемых населением в денежной форме: заработную плату, пенсии, стипендии, доходы от предпринимательской деятельности, сдачи в аренду имущества и т. д. Трудовые доходы отражают доходы, получаемые населением за трудовую деятельность.

Показатель потребительских расходов населения является базовым показателем благосостояния во многих отечественных и зарубежных исследованиях [28], поскольку демонстрирует конечное потребление, а значит, непосредственное использование потенциала материальных возможностей населения. Показатель потребительских расходов населения является важным индикатором экономического роста, так как рост потребительских расходов свидетельствует о повышении уровня жизни населения и улучшении экономической ситуации в регионе.

Социальные стандарты с одной стороны позволяют оценить те же материальные возможности граждан, с другой — выступают важным инструментом анализа проводимой социальной политики. Оценка социальных стандартов позволяет определить, насколько граждане могут обеспечить себе необходимые материальные блага и услуги. Это позволяет выявить проблемные области и направить усилия на улучшение качества жизни людей. Однако социальные стандарты также отражают социальную политику общества. Если они недостаточны или не соответствуют реальным потребностям граждан, это может свидетельствовать о неэффективности государственной политики в области социальной защиты и развития.

Реализация материальных возможностей населения происходит в процессе потребления и непосредственного приобретения благ. Наличие в собственности благ длительного пользования позволяет проводить качественный сравнительный анализ имущественного благополучия населения различных регионов. Это связано с тем, что блага длительного пользования, такие как недвижимость, автомобили и другие крупные предметы быта, являются значимыми показателями уровня жизни населения. Кроме того, наличие таких благ может говорить о стабильности экономической ситуации в регионе и уровне доходов населения.

Высокий уровень жизни населения региона, создание благоприятных условий для роста благосостояния населения потенциально привлекает население в конкретный регион, что отражается в показателях механического движения населения (миграционных потоках). То есть высокий уровень миграционного прироста может свидетельствовать в том числе и о высоком уровне благосостояния населения. Однако это не всегда так. Высокий уровень миграционного прироста может быть вызван не только благополучием, но и другими факторами, такими как конфликты, бедность, гражданские войны и т. д. Кроме того, миграция может быть временной и не означать стабильного экономического роста.

Отбор показателей для дальнейшего использования в расчете индекса благосостояния населения региона проводился на основе наличия корреляционной связи с показателем валового регионального продукта, как основного показателя экономического роста региона. Для этого были выбраны следующие статистические показатели: среднедушевые денежные доходы населения (руб. в мес.), среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций (руб. в мес.), потребительские расходы в среднем на душу населения (руб. в мес.), величина прожиточного минимума, установленная в субъектах Российской Федерации (за IV квартал; в среднем на душу населения; руб. в мес.), число собственных легковых автомобилей на 1000 человек населения (на конец года; штук), коэффициенты миграционного прироста на 10 000 человек населения.

Для приведения отобранных для расчета показателей к сопоставимому виду была проведена процедура нормирования по формуле (3) с использованием данных всех 85 регионов РФ:

$$\bar{x}_i = \frac{x_i - x_{min}}{\Delta x_i}, \quad (3)$$

где x_i — фактическое значение показателя; x_{min} — минимальное значение показателя; Δx_i — интервал значений показателей.

Интегральный индекс благосостояния рассчитывался исходя из предположения о том, что значимость показателей является равной, по следующей формуле (4)

$$I_{welfare} = (w_1 + w_2 + w_3 + w_4)/4, \quad (4)$$

где $I_{welfare}$ — интегральный индекс благосостояния населения индустриального региона;

w_1 — нормированное значение показателя среднедушевых денежных доходов населения;

w_2 — нормированное значение показателя среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций;

w_3 — нормированное значение показателя потребительских расходов населения;

w_4 — нормированное значение показателя величины прожиточного минимума, установленной в субъектах РФ.

Результаты и обсуждение

В данной работе критерием отнесения регионов к индустриальным является доля обрабатывающих производств в отраслевой структуре валовой добавленной стоимости более 30 % в 2020 г.

Таким образом, выбраны следующие регионы: Красноярский край (доля обрабатывающих производств в ВРП — 40,7 %), Тульская область (39,9 %), Калужская область (39,3 %), Новгородская область (36,7 %), Липецкая область (36,3 %), Владимирская область (34,3 %), Вологодская область (33,9 %), Свердловская область (31,7%), Челябинская область (30,4 %), Омская область (30,4 %) — всего десять регионов.

В данном контексте изучение экономического потенциала индустриальных регионов является актуальным, поскольку эти регионы являются главными центрами производства и предоставления услуг в экономике страны. Они создают рабочие места и способствуют развитию других отраслей экономики. Изучение экономического потенциала позволяет оценить возможности региона для привлечения инвестиций, развития производства и улучшения качества жизни населения. Кроме того, анализ экономического потенциала позволяет выявить проблемные области в экономике региона и разработать меры по их устранению.

Исследование экономического потенциала индустриальных регионов является важным компонентом планирования и управления экономикой региона и страны в целом.

Анализируя данные, представленные на рис. 2, отметим, что наибольший вклад в общий объем ВРП РФ в 2020 г. — демонстрирует Красноярский край (2,90 %). Наименьший вклад за весь период у Новгородской области (0,30 %). Суммарный вклад индустриальных регионов в ВРП РФ составляет 11,71 %. Из представленных данных, видно, что наибольшее значение объема промышленности (обрабатывающие производства) приходится на Свердловскую область (4,30 %). Затем располагается Красноярский край (3,51 %). В целом на индустриальные регионы приходится 20,58 % всего объема промышленности по виду экономической

деятельности — обрабатывающие производства. Наибольший вклад в общий объем инвестиций в РФ наблюдается в Красноярском крае (2,38 %), при этом наименьший вклад у Новгородской области (0,21 %). В целом вклад индустриальных регионов в инвестиции в основной капитал составил 10,62 %.

1. Оценка экономического потенциала индустриальных регионов

Для расчета интегральных индексов экономического потенциала индустриальных регионов авторы исследования использовали формулу 1 и 2. Результаты представлены в табл. 1.

В контексте вертикального анализа, отметим, что в течение всего исследуемого

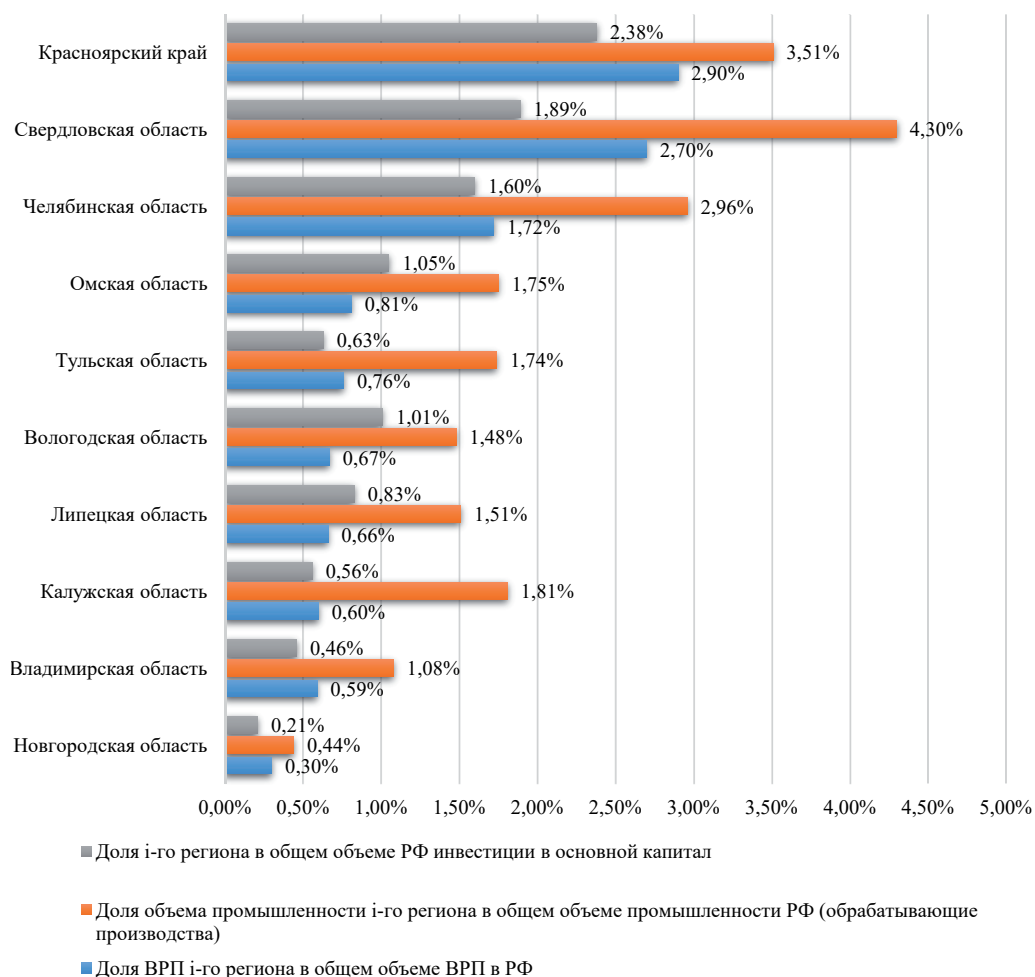

Рис. 2. Доли индустриальных регионов в основных экономических показателях, 2020 г.¹

¹ Диаграмма составлена авторами по данным ФГС Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2021.pdf (дата обращения: 25.04.2023)

Таблица 1

**Значения интегральных индексов экономического потенциала
индустриальных регионов^{1*}**

Регионы	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	Динамика
Свердловская область	0,312	0,285	0,285	0,286	0,287	0,293	0,296	0,286	0,288	
Красноярский край	0,186	0,237	0,189	0,206	0,226	0,218	0,230	0,238	0,273	
Челябинская область	0,187	0,178	0,177	0,178	0,177	0,189	0,183	0,174	0,165	
Омская область	0,091	0,090	0,090	0,085	0,080	0,080	0,082	0,079	0,102	
Тульская область	0,077	0,074	0,077	0,085	0,085	0,090	0,091	0,085	0,096	
Вологодская область	0,100	0,076	0,101	0,104	0,124	0,089	0,091	0,104	0,082	
Липецкая область	0,076	0,075	0,080	0,086	0,091	0,091	0,091	0,079	0,080	
Калужская область	0,078	0,073	0,072	0,072	0,071	0,079	0,080	0,077	0,077	
Владимирская область	0,061	0,058	0,060	0,060	0,058	0,060	0,054	0,060	0,062	
Новгородская область	0,033	0,031	0,031	0,034	0,035	0,033	0,030	0,029	0,032	
Среднее значение	0,120	0,118	0,116	0,120	0,123	0,122	0,123	0,121	0,125	104 %

* В качестве визуализации данных использованы цветовые шкалы: зелёный цвет — более высокое значение, красный цвет — более низкое.

¹ Рассчитано авторами по данным ФГС Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2021.pdf (дата обращения: 25.04.2023)

периода Свердловская область была лидером по показателю экономического потенциала, в то время как наименьшее значение этого показателя было зафиксировано в Новгородской области. Максимальное значение экономического потенциала было достигнуто в Свердловской области в 2012 году и составляло 0,312, в то время как минимальное значение было зафиксировано в Новгородской области в 2018 году.

В рамках горизонтального анализа можно отметить, что половина регионов показывает положительные темпы роста экономического потенциала в 2020 году по сравнению с 2012 г. Эти регионы включают Красноярский край (146%), Омскую (112%), Тульскую (125%), Липецкую (104%) и Владимирскую области (102%). В то же время, остальные регионы испытывают снижение экономического потенциала в 2020 году по сравнению с 2012 годом. Темпы роста среднего значения экономического потенциала индустриальных регионов в 2020 году по сравнению с 2012 годом являются положительными и составляют 104 %.

2. Оценка благосостояния населения индустриальных регионов

Благосостояние населения является одним из важнейших показателей социально-

экономического развития государства. В России, как и во многих других странах, изучение благосостояния населения является актуальной проблемой.

Результаты расчета коэффициентов корреляции выбранных показателей и ВРП индустриальных регионов за период 2012—2020 гг. представлены в табл. 2. В таблице приведены следующие обозначения: KK_1 — коэффициент корреляции среднедушевых денежных доходов населения (руб. в мес.) и ВРП (в текущих рыночных ценах; млн руб.); KK_2 — коэффициент корреляции среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций (руб. в мес.) и ВРП (в текущих рыночных ценах; млн руб.); KK_3 — коэффициент корреляции потребительских расходов в среднем на душу населения (руб. в мес.) и ВРП (в текущих рыночных ценах; млн руб.); KK_4 — коэффициент корреляции величины прожиточного минимума, установленной в субъектах Российской Федерации (за IV квартал; в среднем на душу населения; руб. в мес.) и ВРП (в текущих рыночных ценах; млн руб.); KK_5 — коэффициент корреляции числа собственных легковых автомобилей на 1000 человек населения (на конец года; штук) и ВРП (в текущих рыночных ценах; млн руб.); KK_6 — коэффициент корреляции коэффициента миграционного прироста

Таблица 2

Значения коэффициентов корреляции показателей с ВРП¹

Регионы	КК ₁	КК ₂	КК ₃	КК ₄	КК ₅	КК ₆
Свердловская область	0,9573	0,9669	0,9015	0,9211	0,9768	-0,2737
Красноярский край	0,9831	0,9879	0,9319	0,9606	0,3921	-0,5848
Челябинская область	0,8783	0,9684	0,6767	0,9400	0,7741	-0,6990
Омская область	0,9373	0,9554	0,9479	0,9600	0,4747	-0,8431
Тульская область	0,9687	0,9744	0,9810	0,9836	0,9521	-0,2357
Вологодская область	0,9586	0,9287	0,9611	0,9554	0,8938	-0,6865
Липецкая область	0,9719	0,9471	0,9655	0,9743	0,9478	-0,3217
Калужская область	0,9291	0,9785	0,9500	0,9312	0,7067	-0,1224
Владимирская область	0,9480	0,9805	0,9601	0,9510	0,8886	0,1797
Новгородская область	0,9489	0,9610	0,9583	0,1202	0,9654	0,9907

¹ Рассчитано авторами по данным ФСГС Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2021.pdf (дата обращения: 25.04.2023)

на 10 000 человек населения и ВРП (в текущих рыночных ценах; млн руб.).

По результатам расчетов два показателя из выбранных шести показали отсутствие тесной связи с показателем ВРП: число собственных легковых автомобилей на 1000 человек населения и коэффициенты миграционного прироста на 10 000 человек населения — значения коэффициентов корреляции составило меньше 0,8 по модулю. Таким образом, были отобраны четыре показателя для расчета интегрального индекса благосостояния. Отобранные показатели являются однонаправленными и не требуют преобразования.

Результаты расчетов интегрального индекса благосостояния населения с использованием формулы 4 за 2012—2020 гг. по

индустриальным регионам представлены в табл. 3.

Анализируя результаты расчетов, можно констатировать, что Свердловская область является лидером по показателю уровня благосостояния населения среди индустриальных регионов. Наибольшее значение зафиксировано в 2012 г. на уровне 0,321. Регионами-аутсайдерами по данному показателю являются Новгородская область: наименьшее значение отмечено в 2019 г. (0,135) и Вологодская область (минимальные значения зафиксированы в 2017 и 2018 гг.).

Динамика показателя по регионам разнонаправленная, однако прослеживается общая понижательная тенденция за период 2012—2019 гг. и небольшой подъём

Таблица 3

Значения индекса благосостояния индустриальных регионов РФ²

Регионы	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	Динамика
Свердловская область	0,321	0,306	0,298	0,285	0,289	0,278	0,269	0,272	0,259	
Красноярский край	0,253	0,251	0,241	0,228	0,239	0,236	0,235	0,241	0,242	
Челябинская область	0,204	0,201	0,190	0,167	0,161	0,147	0,142	0,145	0,159	
Омская область	0,220	0,205	0,212	0,189	0,181	0,176	0,169	0,167	0,174	
Тульская область	0,183	0,175	0,180	0,184	0,200	0,197	0,186	0,188	0,195	
Вологодская область	0,168	0,154	0,156	0,147	0,154	0,143	0,143	0,148	0,167	
Липецкая область	0,214	0,191	0,192	0,200	0,211	0,208	0,196	0,197	0,200	
Калужская область	0,214	0,203	0,211	0,205	0,209	0,199	0,190	0,203	0,221	
Владимирская область	0,194	0,175	0,177	0,175	0,175	0,173	0,166	0,175	0,181	
Новгородская область	0,183	0,169	0,178	0,175	0,171	0,161	0,137	0,135	0,145	

² Рассчитано авторами по данным ФСГС Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2021.pdf (дата обращения: 25.04.2023)

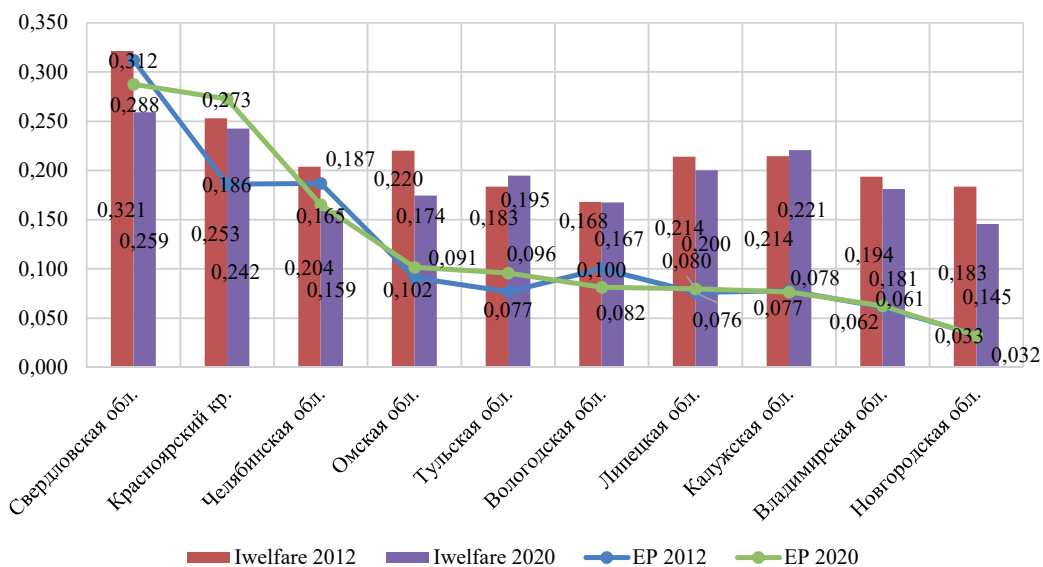

Рис. 3. Динамика интегральных индексов экономического потенциала и благосостояния населения индустриальных регионов РФ за 2012–2020 гг.¹

¹ Рассчитано авторами по данным ФГС Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2021.pdf (дата обращения: 25.04.2023)

значений в 2020 г. по сравнению с 2019 г. в большинстве анализируемых регионов.

Наглядное отображение результатов расчетов интегральных индексов экономического потенциала и благосостояния населения индустриальных регионов РФ за 2012—2020 гг. позволяет проанализировать общие направления изменений. В 2020 г. по сравнению с 2012 г. в 5 регионах из 10 уровень экономического потенциала увеличился — наиболее значительный рост отмечается в Красноярском крае, Омской и Тульской областях. Однако из этих регионов только в Тульской области произошло увеличение уровня благосостояния населения. В Красноярском крае и Омской области при росте экономического потенциала региона наблюдается снижение благосостояния населения. Это может свидетельствовать о недоиспользовании возможностей региона, проведении неэффективной социальной политики местными властями.

Для проверки гипотезы настоящего исследования были оценены степени корреляционных связей между рассчитанными индексами экономического потенциала и благосостояния населения. По данным трех регионов из десяти (Тульской, Владимирской и Новгородской областей), между природными показателями имеется средняя статистическая взаимосвязь; по трем регионам (Свердловская, Омская и Липецкая

области) отмечена слабая корреляционная связь и полученные результаты по четырем регионам (Красноярский край, Челябинская, Вологодская и Калужская области) свидетельствуют об отсутствии статистической взаимосвязи.

Заключение

Полученные результаты позволяют считать, что гипотеза исследования подтверждена частично: между экономическим потенциалом и благосостоянием населения индустриальных регионов имеется слабая взаимосвязь. По результатам оценки в пяти из десяти индустриальных регионах за исследуемый период отмечается рост экономического потенциала. Одновременное с данным ростом увеличение уровня благосостояния произошло только в одном регионе — Тульской области. В двух регионах наблюдается дисбаланс траекторий динамики оцениваемых индексов: рост экономического потенциала регионов сопровождается снижением благосостояния населения. Это может свидетельствовать о недостаточном использовании ресурсного потенциала региона, а также о неэффективности социальной политики, реализуемой местными органами власти. Однако предложенные в настоящей статье методики отбора индустриальных регионов, оценки уровня

экономического потенциала индустриального, метод отбора показателей для оценки уровня благосостояния населения индустриального региона могут быть использованы в различного рода региональных мониторингах и исследованиях, посвященных социально-экономическому развитию, экономическому росту и качеству жизни населения. Данные методики базируются на доступных открытых данных государственной статистики, что снижает возможные методологические сложности при их практическом применении.

Таким образом, внедрение систематического мониторинга социально-экономической ситуации является необходимым шагом для обеспечения стабильного и устойчивого развития отдельных территорий. Этот инструмент позволит эффективно реагировать на изменения в социально-экономической ситуации и принимать необходимые меры для обеспечения благополучия населения во всех регионах.

Благодарности

Статья подготовлена в соответствии с планом НИР для ФГБУН Института экономики УрО РАН на 2021—2023 гг.

1. Антипов, В. И. Влияние мер, направленных на повышение благосостояния населения России, на макроэкономическую динамику / В. И. Антипов, Г. Г. Малинецкий, Н. А. Митин // Препринты ИПМ им. М. В. Келдыша. — 2022. — № 42. — С. 1—18. — DOI 10.20948/prepr-2022-42.

2. Артемова, О. В. Благосостояние как мера обеспеченности благами населения / О. В. Артемова, А. Н. Савченко, С. А. Мельникова // Вестник Томского государственного университета. Экономика. — 2022. — № 59. — С. 58—77. — DOI 10.17223/19988648/59/4.

3. Булгаков, А. В. Эволюция концепций благосостояния населения / А. В. Булгаков // Евразийское пространство: экономика, право, общество. — 2022. — № 6. — С. 10-13.

4. Булгаков, В. В. Методологические аспекты анализа благосостояния населения / В. В. Булгаков // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. — 2020. — № 2(81). — С. 26-29.

5. Вавилова, А. Ю. Эконометрическая модель рейтинговой оценки регионов Приволжского федерального округа на основе социально-экономического потенциала / А. Ю. Вавилова, А. В. Летчиков, М. А. Соко-

лова // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». — 2006. — № 2. — С. 31—43.

6. Волков, А. А. Определение приоритетов развития региона на основе экономико-математического моделирования его экономического потенциала / А. А. Волков, А. Г. Зайцев, Е. В. Такмакова // Региональная экономика: теория и практика. — 2015. — № 37 (412). — С. 34—43.

7. Глушак, Н. В. Методика оценки экономического потенциала региона / Н. В. Глушак, О. В. Глушак, М. А. Муравьева, О. Г. Назарова // Вестник БГУ. — 2015. — № 3. — С. 264-269.

8. Егорова, А. А. Механизм «тройной спирали» как инструмент повышения качества жизни населения индустриальных регионов / А. А. Егорова, А. О. Ужегов // Вестник Челябинского государственного университета. — 2022. — № 11 (469). — Экономические науки. — Вып. 78. — С. 69—80.

9. Ермакова, Э. Р. Распределение доходов и благосостояния в странах Европейского союза и России: сравнительный анализ / Э. Р. Ермакова, И. Е. Илякова // Финансы: теория и практика. — 2022. — Т. 26. — № 1. — С. 24-40. — DOI 10.26794/2587-5671-2022-26-1-24-40.

10. Жоглина, Е. В. Методические подходы к оценке экономического потенциала региона / Е. В. Жоглина // Пространство экономики. — 2008. — №1-2. — С. 128—130.

11. Илларионова, Е. А. Экономический потенциал региона содержание, оценка, предпосылки сбалансированного развития : специальность 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности)» : автореф. дис. ... канд. экон. наук / Илларионова Елена Александровна. — Курск, — 2015. — 22 с.

12. Капустин, О. Н. Определение механизма управления социально-экономическим потенциалом региона / О. Н. Капустин // Научные труды Вольного экономического общества России. — 2013. — С. 213—220.

13. Карачурина, Г. Г. Оценка социально-экономического благосостояния населения российского региона / Г. Г. Карачурина, Р. М. Садыков, Э. К. Халикова // Региональная экономика: теория и практика. — 2020. — Т. 18. — № 10(481). — С. 1910-1925. — DOI 10.24891/re.18.10.1910.

14. Козина, Е. В. Проблемы определения и оценки экономического потенциала региона / Е. В. Козина, С. В. Гостева // Вестник евразийской науки. — 2016. — № 5 (36). — С. 31.

15. Кондратьева, М. Н. Сравнительная оценка и определение экономического потенциала региона / М. Н. Кондратьева, Т. Н. Рогова, Е. В. Баландина // Региональная экономика: теория и практика. — 2017. — №2 (437). — С. 266—281. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnaya-otsenka-i-opredelenie-ekonomicheskogo-potentsiala-regiona> (дата обращения: 30.03.2023).

16. Лаврикова, Ю. Г. Согласование приоритетов научно-технологического и пространственного развития индустриальных регионов / Ю. Г. Лаврикова, В. В. Акбердина, А. В. Суворова // Экономика региона. — № 4. — 2019. — С. 1022-1035.

17. Мазур, Л. В. Модель разработки региональной антикризисной программы на основе оценки экономического потенциала / Л. В. Мазур // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. — 2011. — № 3-1. — С. 32—39.

18. Музафаров, А. Ф. Ретроспективное исследование подходов к определению понятий «регион» и «региональный потенциал» / А. Ф. Музафаров // ВЭПС. — 2019. — № 4. — С. 45—50.

19. Мыслякова, Ю. Г. Моделирование «Пространства кодов» территориально-наследия индустриального региона / Ю. Г. Мыслякова // Вопросы управления. — 2019. — № 6 (61). — С. 178—191.

20. Мыслякова, Ю. Г. Генетический подход к оценке инфраструктурной связанности индустриального региона / Ю. Г. Мыслякова, С. Н. Котлярова, Н. А. Матушкина // Экономика региона. — 2021. — №3. — С. 784—798.

21. Печаткин, В. В. К вопросу оценки экономического потенциала регионов / В. В. Печаткин // Воспроизводственный потенциал региона: Материалы III Междунар. науч.-практ. конф., 24—26 мая 2007 г. — Ч. I. — Уфа. — 2007. — 261 с.

22. Смольянова, И. В. Социально-экономический потенциал как фактор развития региона: сущность и оценка / И. В. Смольянова // Инновации и инвестиции. — 2022. — № 3. — С. 201-206.

23. Узакова, С. А. Благополучие как социально-экономическая категория и практики его измерения в Казахстане / С. А. Узакова, А. А. Камиева // Устойчивое инновационное развитие: проектирование и управление. — 2020. — Т. 16. — № 2 (47). — С. 65—78.

24. Фрезоргер, Е. А. Экономический рост и благополучие: обновление концепции национального богатства / Е. А. Фрезоргер // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. — 2004. — № 3. — С. 80—84.

25. Щербакова, Е. В. Иерархическая структура экономического потенциала региона / Е. В. Щербакова // Регионология. — 2018. — №3 (104). — С. 422-437.

26. Яковлева, С. В. Определение качественных характеристик социально-экономического потенциала региона и его комплексная оценка на основе метода анализа иерархий / С. В. Яковлева // УЭКС. — 2011. — № 35. — С. 76.

27. Яроцкая, Е. В. Методический подход к оценке уровня использования экономического потенциала региона (на примере Кемеровской области) / Е. В. Яроцкая, О. Д. Хаблак // Вестник науки Сибири. — 2013. — № 4 (10). — С. 162—169.

28. Osberg Lars, Sharpe Andrew How should we measure the «economic» aspects of well-being? // Review of Income and Wealth. Series 51, Number 2, June 2005. Pp. 311-336 DOI:10.2753/0577-5132530402 URL: https://www.academia.edu/27955559/How_Should_We_Measure_the_Economic_Aspects_of_Well-Being (дата обращения: 24.04.2023).

References

1. Antipov V. I. (2022) Vliyanie mer, napravlennyh na povyshenie blagosostoyaniya naseleniya Rossii, na makroekonomicheskuyu dinamiku [The impact of measures aimed at improving the welfare of the population of Russia on macroeconomic dynamics]. Preprints of the IPM named after M.V. Keldysh. no. 42, pp. 1-18 DOI: 10.20948/prepr-2022-42. [in Rus].

2. Artemova O. V. (2022) Blagosostoyaniye kak mera obespechennosti blagami naseleniya [Welfare as a measure of provision with the benefits of the population] *Bulletin of Tomsk State University. Economy*, no. 59, pp. 58-77 DOI: 10.17223/19988648/59/4. [in Rus].

3. Bulgakov A. V. (2022) Evolyuciya koncepcij blagosostoyaniya naseleniya [Evolution of concepts of welfare of the population] *Eurasian space: economics, law, society*, no. 6, pp. 10-13. [in Rus].

4. Bulgakov V. V. (2020) Metodologicheskie aspekty analiza blagosostoyaniya naseleniya [Methodological aspects of the analysis of welfare of the population] *Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University*, no. 2(81), pp. 26-29. [in Rus].

5. Vavilova A. YU. (2006) Ekonomicheskaya model' rejtingovoj ocenki regionov Privolzhskogo federal'nogo okruga na osnove social'no-ekonomicheskogo potentsiala [Economic model of rating assessment of the Volga Federal District regions based on socio-economic potential] *Bulletin of the Udmurt Univer-*

sity. *The series "Economics and Law"*, no. 2, pp. 31-43. [in Rus].

6. Volkov A. A. (2015) Opredelenie prioritetov razvitiya regiona na osnove ekonomiko-matematicheskogo modelirovaniya ego ekonomicheskogo potentsiala [Determining the priorities of the development of the region on the basis of economic and mathematical modeling of its economic potential] *Regional economy: theory and practice*, no37 (412), pp. 34-43. [in Rus].

7. Glushak N. V. (2015) Metodika ocenki ekonomicheskogo potentsiala regiona [Methodology for assessing the economic potential of the region] *Bulletin of BSU*, no. 3, pp. 264-269. [in Rus].

8. Egorova A. A. (2022) Mekhanizm «trojnoj spirali» kak instrument povysheniya kachestva zhizni naseleniya industrial'nyh regionov [The mechanism of the "triple helix" as a tool for improving the quality of life of the population of industrial regions] *Bulletin of Chelyabinsk State University*, no 11 (469), *Economic sciences*, issue 78, pp. 69-80. [in Rus].

9. Ermakova E. R. (2022) Raspredelenie dohodov i blagosostoyaniya v stranah Evropejskogo soyuza i Rossii: sravnitel'nyj analiz [Distribution of income and welfare in the countries of the European Union and Russia: comparative analysis] *Finance: theory and practice*, vol. 26, no. 1, pp. 24-40 DOI: 10.26794/2587-5671-2022-26-1-24-40. [in Rus].

10. ZHoglina E. V. (2008) Metodicheskie podhody k ocenke ekonomicheskogo potentsiala regiona [Methodological approaches to assessing the economic potential of the region] *Space of Economics*, no.1-2, pp. 128-130. [in Rus].

11. Illarionova E. A. (2015) Ekonomicheskij potentsial regiona sodержanie, ocenka, predposylki sbalansirovannogo razvitiya: spetsial'nost' 08.00.05 «Ekonomika i upravlenie narodnym hozyajstvom (po otraslyam i sferam deyatel'nosti)»: avtoref. diss ... kand. ekon. nauk [Economic potential of the region content, assessment, prerequisites for balanced development : specialty 08.00.05 "Economics and management of the national economy (by branches and spheres of activity)": Abstract-diss ... Candidate of Economic Sciences] Kursk, 22 pp. [in Rus].

12. Kapustin O. N. (2013) Opredelenie mekhanizma upravleniya social'no-ekonomicheskim potentsialom regiona [Definition of the mechanism for managing the socio-economic potential of the region] *Scientific works of the Free Economic Society of Russia*, pp. 213-220. [in Rus].

13. Karachurina G. G. (2020) Ocenka social'no-ekonomicheskogo blagosostoyaniya

naseleniya rossijskogo regiona [Assessment of socio-economic well-being of the population of the Russian region] *Regional economy: theory and practice*, vol. 18, no. 10(481), pp. 1910-1925. DOI: 10.24891/re.18.10.1910. [in Rus].

14. Kozina E. V. (2016) Problemy opredeleniya i ocenki ekonomicheskogo potentsiala regiona [Problems of determining and assessing the economic potential of the region] *Bulletin of Eurasian Science*, no. 5 (36), p. 31. [in Rus].

15. Kondrat'eva M. N. (2017) Sravnitel'naya ocenka i opredelenie ekonomicheskogo potentsiala regiona [Comparative assessment and determination of the economic potential of the region] *Regional economy: theory and practice*, no. 2 (437), pp. 266-281. [in Rus].

16. Lavrikova YU. G. (2019) Soglasovanie prioritetov nauchno-tekhnologicheskogo i prostranstvennogo razvitiya industrial'nyh regionov [Coordination of priorities of scientific, technological and spatial development of industrial regions] *The economy of the region*, no. 4, pp. 1022-1035. [in Rus].

17. Mazur L. V. (2011) Model' razrabotki regional'noj antikrizisnoj programmy na osnove ocenki ekonomicheskogo potentsiala [A model for developing a regional anti-crisis program based on an assessment of economic potential] *Izvestiya TuSU. Economic and legal sciences*, no. 3-1, pp. 32-39. [in Rus].

18. Muzafarov A. F. (2019) Retrospektivnoe issledovanie podhodov k opredeleniyu ponyatij «region» i «regional'nyj potentsial» [A retrospective study of approaches to the definition of the concepts "region" and "regional potential"] *Bulletin of Economics, Law and Sociology*, no. 4, pp. 45-50. [in Rus].

19. Myslyakova YU. G. (2019) Modelirovanie «Prostranstva kodov» territorial'nogo naslediya industrial'nogo regiona [Modeling of the "Code space" of the territorial heritage of an industrial region] *Management issues*, no. 6 (61), pp. 178-191.

20. Myslyakova YU. G. (2021) Geneticheskij podhod k ocenke infrastruktornoj svyazannosti industrial'nogo regiona [A genetic approach to assessing the infrastructural connectivity of an industrial region] *The economy of the region*. no. 3, pp. 784-798. [in Rus].

21. Pechatkin V. V. (2007) K voprosu ocenki ekonomicheskogo potentsiala regionov [On the issue of the genetic heritage of the regions] *State Heir of the region: Materials of the III International Scientific and Practical Conference*, May 24-26, Ch. I. Ufa. 261 p. [in Rus].

22. Smol'yanova I. V. (2022) Social'no-ekonomicheskij potentsial kak faktor razvitiya regiona: sushchnost' i ocenka [Socio-economic potential as a factor of regional development:

essence and assessment] *Innovation and investment*, no. 3, pp. 201-206. [in Rus].

23. Uzakova S. A. (2020) Blagosostoyanie kak social'no-ekonomicheskaya kategoriya i praktiki ego izmereniya v Kazahstane [Welfare as a socio-economic category and practices of its measurement in Kazakhstan] *Sustainable innovative development: design and management*. vol. 16, no. 2(47), pp. 65-78. [in Rus].

24. Frezorger E. A. (2004) Ekonomicheskij rost i blagosostoyanie: obnovlenie koncepcii nacional'nogo bogatstva [Economic growth and welfare: updating the concept of national wealth] *Bulletin of Omsk University. Series: Economics*, no. 3, pp. 80-84. [in Rus].

25. SHCHerbakova E. V. (2018) Ierarhicheskaya struktura ekonomicheskogo potenciala regiona [Hierarchical structure of the economic potential of the region] *Regionology*, no. 3 (104), pp. 422-437. [in Rus].

26. YAkovleva S. V. (2011) Opredelenie kachestvennyh harakteristik social'no-ekonomicheskogo potenciala regiona i ego kom-

pleksnaya ocenka na osnove metoda analiza ierarhij [Determination of the qualitative characteristics of the socio-economic potential of the region and its comprehensive assessment based on the method of hierarchy analysis] *Management of economic systems*, no. 35, p. 76. [in Rus].

27. YArOCKaya E. V. (2013) Metodicheskij podhod k ocenke urovnya ispol'zovaniya ekonomicheskogo potenciala regiona (na primere Kemerovskoj oblasti) [Methodological approach to assessing the level of use of the economic potential of the region (on the example of the Kemerovo region)] *Bulletin of Siberian Science*, no. 4, (10), pp. 162-169. [in Rus].

28. Osberg Lars, Sharpe Andrew (2005) How should we measure the «economic» aspects of well-being? // *Review of Income and Wealth*, Series 51, no. 2, pp. 311-336 DOI:10.2753/0577-5132530402 URL: https://www.academia.edu/27955559/How_Should_We_Measure_the_Economic_Aspects_of_Well_Being [in Eng].

Статья поступила в редакцию 23.04.2023

For citing: Melenkina, S. A. Evaluating the relationship between economic potential and welfare of the population as exemplified by industrial regions of the Russian Federation / S. A. Melenkina, A. O. Uzhegov // *Socium i vlast'* [Society and Power]. — 2023. — № 2 (96). — P. 59—74. — DOI 10.22394/1996-0522-2023-2-59-74. — EDN CTLOBI.

UDC 332

EDN CTLOBI

DOI 10.22394/1996-0522-2023-2-59-74

EVALUATING THE RELATIONSHIP BETWEEN ECONOMIC POTENTIAL AND WELFARE OF THE POPULATION AS EXEMPLIFIED BY INDUSTRIAL REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Svetlana A. Melenkina,

Chelyabinsk Branch of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Senior Researcher,
Cand. Sc. (Economics).
Chelyabinsk, Russia.
ORCID: 0000-0002-4149-2975
E-mail: melenkina.sa@uiec.ru

Artem O. Uzhegov,

Chelyabinsk Branch of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Junior Researcher.
Chelyabinsk, Russia.
ORCID: 0000-0002-3244-2036
E-mail: uzhegov.ao@uiec.ru

Abstract

Introduction. The study of the economic potential of industrial regions is an important task in modern economics. Industrial regions play a key role in the country's economy, as they are the main centers of production and services, create jobs and contribute to the development of other sectors of the economy. One of the main tools for analyzing

the economic potential of industrial regions is to assess their opportunities to attract investment, develop production, improve the quality of life and well-being of the population. This makes it possible to identify problem areas in the region's economy and develop measures to eliminate them.

The purpose of the study. The study is devoted to identifying the relationship between the economic potential and the welfare of the population as exemplified by industrial regions of the Russian Federation.

Methods. The main research methods used by the authors are the review and content analysis of scientific approaches in this subject area, collecting and processing statistical information, supplementing methods for assessing the economic potential and well-being of the population, calculating relevant integral indicators, interregional comparisons and ranking territories according to selected criteria.

Scientific novelty of the research. Within the framework of the study, the authors propose a methodology for selecting industrial regions, supplement tools for assessing the level of economic potential of an industrial region, and propose a method for selecting indicators for assessing the level of well-being of the population of an industrial region.

Results. According to the results of the study, there is a weak relationship between the economic potential and the well-being of the population of industrial regions. Carrying out the calculations described in the article on a regular basis can become a key factor in ensuring effective monitoring of the socio-economic situation in certain territories.

Conclusions. The study is important for understanding which factors have the greatest impact on the well-being of the residents of the regions and what measures need to be taken to improve the level of economic development of the region and social protection of the population. The results of the study can be used to develop effective strategies for the development of regions and improving the life quality of people.

Keywords:
industrial region,
economic potential,
welfare of the population

Для цитирования: Доронина, С. Г.
 Преподавание философии детям:
 неудобные вопросы
 и их очевидные последствия / С. Г. Доронина //
 Социум и власть. — 2023. —
 № 2 (96). — С. 75—85. —
 DOI 10.22394/1996-0522-2023-2-75-85. —
 EDN IYMRUQ.

УДК 101.1:101.8+371.3:371.214

EDN IYMRUQ

DOI 10.22394/1996-0522-2023-2-75-85

ПРЕПОДАВАНИЕ ФИЛОСОФИИ ДЕТЯМ: НЕУДОБНЫЕ ВОПРОСЫ И ИХ ОЧЕВИДНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Доронина Светлана Геннадиевна,
 Институт философии
 Национальной академии наук Беларуси,
 научный сотрудник,
 Минск, Беларусь.
 ORCID: 0000-0002-0536-7587
 E-mail: svetadoris@mail.ru

Аннотация

В статье проведен анализ основных мировых проблем и перспектив развития преподавания философии детям, обоснована актуальность внедрения философских практик, ее методов обучения в систему образования. Осуществлена теоретическая реконструкция основных положений, проблем и перспектив развития движения «Философия для детей» (р4с), представляющего особый интерес в связи с его наибольшей информативностью при освещении современного состояния преподавания философии детям.

Введение. Современные исследования вопросов преподавания философии детям приобретают большое значение по причине их актуальности в решении целого спектра современных образовательных проблем. Поиск новых приоритетных направлений преподавания философии детям преследует цель найти оптимальные способы коррекции современной системы образования путем демонстрации

обоснования эффективности использования методов и подходов р4с.

Цель. Эксплицировать основные проблемы и перспективы, а также актуальность преподавания философии детям в современных условиях развития общества.

Методы. В работе использованы как общенаучные методы анализа и синтеза, так и методы компаративного анализа и теоретической реконструкции.

Научная новизна исследования. В статье осуществлена теоретическая реконструкция и проведен анализ основных проблем преподавания философии детям, обоснована актуальность внедрения идей и методов р4с в систему до- и школьного образования с целью компенсировать недостатки информационных подходов обучения и формирования у детей востребованных навыков и умений.

Результаты. Обоснована актуальность применения идей и методов р4с в до- и школьном обучении, продемонстрированы преимущества ее подходов в решении ряда образовательных и воспитательных проблем, эффективность использования философского инструментария в развитии и обучении детей.

Выводы. Акцентуации на теме преподавания философии детям позволили установить ряд закономерных вопросов педагогического, методологического, этического, политического и др. характера, от решения которых зависит выбор приоритетных направлений развития и преобразования современной системы образования, решение актуальных проблем, без коррекции которых большая часть детей может лишиться значительного культурного и интеллектуального опыта.

Ключевые слова:

преподавание философии,
 воспитательно-образовательные практики,
 философия для детей,
 социально-культурное развитие,
 феномен детства

Введение

Первое масштабное исследование, посвященное проблемам преподавания философии детям (ЮНЕСКО, 1953 г.), в качестве основных своих задач поставило продемонстрировать первостепенную роль философии в решении основных современных научных, социально-культурных и образовательных проблем. Современные исследования вопросов преподавания философии детям продолжают эту дискуссию и приобретают еще большее значение по причине их актуальности в решении целого спектра вопросов глобального характера, имеющих отношение к перспективам развития детей и молодежи.

В настоящий момент широко обсуждаемые проблемы преподавания философии детям напрямую связаны с ревизией философского знания, переоценкой его роли в обучении и воспитании подрастающего поколения и развиваются преимущественно в трех темпоральных измерениях. Во-первых, происходит стремительное переосмысление значимости философии, ее методов в обучении и социальных практиках, исходя из критического анализа предыдущего опыта. Во-вторых, проводится систематизация знания в области преподавания философии детям, исследуются современные тенденции и направления развития философско-образовательных практик, имеющих как локальный контекст, так и глобальное значение. В-третьих, можно зафиксировать усиленные попытки по выявлению оптимальных траекторий и перспектив развития философско-педагогической деятельности с учетом актуальных запросов и сложившихся образовательных и социальных проблем.

Поиск новых приоритетных направлений преподавания философии детям преимущественно связан с решением проблемы постоянно увеличивающегося разрыва между средним и высшим уровнями образования [18, р. 47—93]; необходимостью развития практико-ориентированных методов и подходов в обучении, трансформацией традиционной системы образования в сторону рефлексивной парадигмы обучения [13; 15; 19]; исследованием способностей и склонностей детей к такому виду мыслительной деятельности, как философствование [4], и его влияния на развитие ребенка и др.

Попытки обосновать необходимость использования философского знания и его методов в обучении и воспитании детей автоматически выдвигают на первый план рассмотрение следующих связанных меж-

ду собой аспектов исследования [1; 9; 10]: а) определение психологических, философско-педагогических, культурно-исторических и социологических особенностей развития детей; б) поиск оптимальных методов обучения с учетом социально-культурной специфики; в) культивирование необходимых профессиональных навыков и компетенций у специалистов, преподающих философию детям; г) выявление научно обоснованных фактов, подтверждающих эффективность философских практик с детьми; д) определение особенностей преподавания в зависимости от ступени обучения, причем в современных условиях глобализации все большее значение приобретает определение локальных контекстов инноваций, их идеологической и национальной специфики.

Исследовательские работы и образовательные программы, разработанные в рамках всемирно известного движения «Философия для детей», являются наиболее информативными при освещении этих и других вопросов, а также диагностировании современных мировых проблем и перспектив преподавания философии, поэтому представляют особый интерес.

Обсуждение и результаты

В начале 1970-х годов философия для детей получила статус масштабного междисциплинарного движения, содержащего ряд инноваций в области педагогики, образования, философии, этики и других направлениях. Кроме того, она инициировала широкие дискуссии вокруг моральных, педагогических и философских проблем, тесно связанных с эпистемологией детства, переосмыслением роли философского знания и оказавших большое влияние на образовательную политику многих стран [16].

В настоящий момент существует несколько подходов и базовых теорий р4с, предопределяющих различие в понимании целей и методов преподавания философии. Один из очевидных пунктов, с которым согласны абсолютно все направления, заключается в осознании настоятельной необходимости пересмотра сложившихся в рамках информационной образовательной парадигмы подходов обучения и переоценки феномена детства [21].

Некоторые современные авторы [23] критически оценивают такие попытки и обвиняют последователей движения в идеализации детства, указывают на ряд противоречий, возникающих при анализе

методов проведения занятий философии с детьми, на недостаточность аргументов при концептуализации феномена детства, тем самым демонстрируя свое отношение к возможностям институализации р4с. Философия для детей также становится серьезной проблемой в силу ряда других причин, одной из которых — и, пожалуй, самой значительной — является ее кардинальное отличие от традиционных форм обучения и интерпретаций детских способностей.

Интенсивное развитие идей р4с, увеличение публикуемых по этой проблематике исследований и работ, появление многочисленных курсов и семинаров, конференций, посвященных развитию этого движения, в совокупности с критическими попытками его осмысления подталкивают к поиску новых горизонтов его понимания и выявлению причин его зарождения. Предельно обобщая, эту задачу можно выполнить путем искусственной дифференциации философии для детей на несколько поколений — это движение будет рассматриваться как совокупность подвижных образований, образующих единый горизонт, позволяющий выявить многоаспектность этого феномена.

Относительно первой волны, которая начинается с работ М. Липмана и Э. Шарп, можно отметить, что интерес к преподаванию философии детям вызван преимущественно необходимостью развития критического и логического мышления, катастрофическая недосформированность которых была обнаружена специалистами у учеников практически на всех уровнях обучения. У представителей второго поколения в работах четко прослеживается линия размышления о базовой роли этого движения в переоценке феномена детства и значимости субъективного опыта ребенка. Авторы исследуют детские диалоги, размышления детей на философские темы, экспериментируют с различными форматами проведения занятий. Синтез вышеобозначенных инноваций в совокупности с размышлениями о проблемах дискриминации детей, гендерном и расовом неравенстве обозначили особенности развития третьего поколения. Они акцентировали внимание на связи р4с с современными научными открытиями в области когнитивных, социологических и психологических исследований, произошедшими в XX веке и приведшими к существенной переоценке природы феномена детства. В настоящее время можно говорить о формировании четвертой волны и существенной трансформации сферы

ее деятельности, все большем смещении ее в сторону философских практик¹, демонстрирующих эффективность использования философского знания и инструментария в развитии и обучении детей с раннего возраста [17].

Тем не менее р4с до сих пор продолжает подвергаться критике со стороны многих ученых, философов, специалистов, работающих в различных сферах социально-гуманитарного знания, что заставляет каждый раз трезво взглянуть на перспективы подобных инициатив, выявить основные проблемы, возникающие при реализации идей и подходов этого движения.

К ключевым широко обсуждаемым проблемам преимущественно относятся вопросы обоснования способностей детей к философскому мышлению, выявления способов корреляции философии и феномена детства, необходимости проведения терминологических уточнений и прояснения содержания понятий, употребляемых в рамках этого движения. Например, большие споры возникают вокруг термина «философствование», от концептуализации которого зависит понимание целей и задач подобных инициатив. Особенно необходимо такое предварительное терминологическое уточнение в том случае, если речь идет об обучении детей за рамками информационных стратегий образования и подтверждении его практической эффективности. В самом общем смысле представители этого движения считают, что практически всем детям присуща способность «наивного» философствования, потребность задаваться жизненно важными вопросами, которые можно так или иначе отнести к сфере философских [2; 12]. В случае детского философствования акцентируется внимание не на эпистемологическом статусе полученного в ходе детских размышлений знания или его научной обоснованности, а на развитии умений и навыков, тесно связанных областью философского познания, необходимостью поддержки и культивирования такой природной склонности [22].

Выявление связи философии и феномена детства актуализирует серию вопросов, напрямую связанных с определением психофизиологических и когнитивных особенностей развития детей (какой подходящий возраст для начала обучения философствованию; каковы отличия когнитивных и др. аспектов восприятия у детей и взрослых и т. д.), социального и этического статуса ребенка.

¹ Более подробно см.: URL: <http://raphp.ru/philosophical-practice/>

Относительно способностей детей к философствованию и вопроса возраста ребенка, с которого можно начинать занятия подобного рода, существует несколько основных позиций, порой дополняющих, а порой и противоречащих друг другу. Следуя утверждениям К. Ясперса, многие специалисты считают, что дети с раннего возраста проявляют интерес к «спонтанному философствованию», рассматривают вопросы и проблемы, исходя из «чистого» опыта восприятия, не отягощенного установками «жизненного мира». «Удивительным знаком того, что человек как таковой изначально философствует, являются вопросы детей. Часто из детских уст можно услышать то, что по своему смыслу уходит непосредственно в глубь философствования... Дети зачастую обладают гениальностью, которая с возрастом утрачивается. С годами, теряя детскую непосредственность, мы как бы входим в тюрьму соглашений и мнений, скрываемся под различного рода прикрытиями, оказываемся в плену у того, о чем не решаемся спросить» [12, с. 11—12]. Российский исследователь С. В. Борисов также утверждает, что проблема причинности начинает волновать маленьких детей довольно рано, когда они задаются «вечными» метафизическими вопросами, с которых в принципе и начинается любые формы философского познания [3].

Другие специалисты вслед за радикальной рационалистической позицией (Локк, Гоббс, Декарт, Кант) утверждают, что ребенок-философ — это скорее оксюморон, потому что философствование предполагает выход из детского образа мышления и форм восприятия. Третьи — предпочитают нейтральную позицию, отражающую гипотезы генетического эволюционизма Ж. Пиаже, считая, что абстрактное мышление формируется к одиннадцати или двенадцати годам, именно поэтому занятия по философии с детьми целесообразно начинать не раньше этого возраста или вообще со студенческой скамьи.

Категоричность и ошибочность подобных попыток аргументировать целесообразность позднего внедрения занятий по философии с детьми заключается, с моей точки зрения, в том, что они рассматривают ее через призму понимания самой философии как исключительно области академического знания. Известный философ О. Бренифье акцентирует внимание на этих особенностях следующим образом: «Традиционное представление о философии связано со знанием истории философии и современных течений

в самой философской науке, в то время как наша точка зрения заключается в том, что философия присутствует в любой теме, поднимаемой дошкольником или взрослым» [5, с. 76]. Мышление — это не столько способность теоретического разума к продуцированию и освоению абстракций и понятий, а скорее процесс думания, понимание его особенностей, осознание мышления и одновременно реализация его результатов в практической деятельности и самостоятельных познавательных практиках. «Чтобы узнать, что такое философия, надо пытаться философствовать. В таком случае философия — это одновременно исполнение живого мышления и осознание соответствующих мыслей (рефлексия) или действие и разговор о нем. Только исходя из собственного опыта и возможно понять, что же встречается нам в мире в качестве философии» [12, с. 14—15]. С этой точки зрения, нет такого возраста, в котором было бы вредно учиться мыслить, тем более на жизненно важные темы, применять живое мышление в практической деятельности.

Формат обучения, предлагаемый традиционной школой, предусматривает по преимуществу искусственно созданную изоляцию детей от критической рефлексии, способностей осмысливать многие важные вопросы и проблемы, имеющие отношения к сферам теоретической и практической деятельности взрослого мира, — начиная от элементарных взглядов на то или иное произведение и заканчивая осмыслением серьезных глобальных проблем. Методы и механизмы, используемые в традиционных походах обучения, часто не только препятствуют совещательному диалогу, но и поощряют единообразие мысли, не оставляя возможности для самостоятельного мышления и видения детей, их гипотез и предложений. Если мы хотим обучать детей применять знание на практике, то это не может происходить в изоляции от реальных проблем и внутреннего опыта ребенка, в обучающей среде, где закрепление академических навыков и рейтинг имеют решающее значение, а гипотезы ребенка, его личные мнения и реакции не являются значимыми. Любая теория без практики превращается в «заповедник» рассуждений, по мысли французского философа О. Бренифье. Он считает, что философская практика представляет собой деятельность, которая сопоставляет теорию и реальность, а философствование — процесс развития навыков самостоятельного размышления и формирование целого спектра компетенций. К ним относятся умения выделять предпо-

сылки, проводить критический анализ проблем, обнаруживать ошибки в суждениях, формулировать понятия, выражать ключевые идеи, применять подходящие термины, аргументировать, проблематизировать и др. [5, с. 76]. Другой специалист в области р4с, российский философ С. В. Борисов акцентирует внимание на ее педагогических моментах, тесно связанных с развитием у детей интеллектуальных, эмоционально-волевых, деятельностных способностей. Он выделяет следующие главные методологические принципы философского образования [3]: обучение философствованию, а не информация о философии; проблемная подача философского знания; превращение коллектива (группы, класса) в «сообщество исследователей» (*термин М. Липмана «communiti of inquiry»*) и организация разговора по принципу сократовского диалога; в качестве материала используются жизненные ситуации, литературные сюжеты и т. п., выделяется их философский контекст и в соответствии с ним проходит обсуждение.

Философские упражнения также требуют большой внутренней работы по преодолению страха осуждения и критики, развитию самостоятельного мышления и навыков аргументированного ведения дискуссии, наличие которых уже само по себе улучшает многие интеллектуальные, когнитивные и психофизиологические параметры развития детей. Их реализация возможна только при создании определенных педагогических условий и психологического климата в классе, конституировании симметричных взаимоотношений между детьми и взрослыми, наличии у преподавателя целого спектра профессиональных компетенций. Как отмечает зарубежный исследователь М. Тиллманнс: «Действительно значимое обучение происходит тогда, когда преподавателям удается установить эмоциональную связь с тем, что могло бы просто оставаться абстрактными понятиями, а именно, идеями или навыками, что, несомненно, есть свидетельство их высокого профессионального мастерства и длительной практики» [11, с. 99].

Чем больше мы будем углубляться в особенности философии для детей, тем больше будет возникать ощущение того, что современная школа предлагает совсем иные траектории развития и пока не может принять ее ключевые положения. Следуя современным трендам, школа больше акцентирует внимание на формировании «технических» способностей и в лучшем случае предлагает любезный обмен готовым знанием и иллюзорными истинами [5, с. 78].

Можно ли говорить о реализации идей и подходов философии для детей в настоящих условиях школьной системы при существующем уровне подготовки педагогического состава и доминирующих формах обучения? Можно ли научить такому в среде, где существует монополия на взрослую речь и запрет на самостоятельные формы мышления, где нет места полифонии и времени для порождения собственных вопросов и ответов, ответственности за самостоятельное мышление, где дети не имеют возможности выйти за рамки безопасного обсуждения? Существуют также этическая, эстетическая и другие грани рассмотрения обучения, проблема формирования и повышения у подрастающего поколения общей культурной и интеллектуальной грамотности, уровня навыков исследовательской и проективной деятельности, который, к сожалению, у наших детей невысок¹.

Исследования в области социальной психологии [20, с. 7] позволили выявить феномен, указывающий на наличие прямой связи между убеждениями педагога и успеваемостью и развитием учеников. В отсутствие убеждений у преподавателей относительно наличия склонностей у детей к какому-либо виду деятельности, например к философскому мышлению, невозможно их проявление, поскольку не существует необходимых психологических, педагогических, дидактических и др. условий его реализации. Этот феномен называется «эффектом Пигмалиона» и имеет прямое отношение к эпистемической несправедливости, предубеждениям, оценке детских способностей, влияющих на психоэмоциональное и интеллектуальное развитие ребенка. Многие специалисты вполне обосновано считают, что неумение слушать детей, несерьезное отношение к их точке зрения и мышлению, высказываниям и идеям может не только иметь пагубное влияние на их обучение и развитие, но и лишить мир ценного вклада в копилку общей человеческой мысли. Несмотря на гуманистическую повестку и демократические тренды развития общества, субъективный опыт и мышление детей в настоящий момент недооценены. Что это значит? В целом дети по большому счету не участвуют в коллективном процессе смыслообразования и не являются активными субъектами обучения и социальных практик. В большей мере, как это ни парадоксально, такие тенденции больше всего проявляются

¹ См.: Программа международной оценки качества среднего образования PISA, 2018. URL: <https://www.oecd.org/pisa>.

в учебно-воспитательных учреждениях, где различные формы предвзятости — начиная от отношения педагога/воспитателя к ученикам/воспитанникам и заканчивая оценением их способностей — не только проявляются в формах взаимодействия взрослого и ребенка, но и в содержании учебно-воспитательных программ и методах обучения. Последние могут стать увлекательным объектом философских и педагогических исследований, в результате которых обнаружатся различные дискриминирующие детей формы предвзятости.

Переосмысление положений и идей р4с в значительной степени приводит также к большим философским последствиям, связанным с рассмотрением политической и этической повестки, имплицитно присутствующей в любой образовательной и социальной практике. Если исходить в самом общем смысле из априорного права детей на философствование, то автоматически возникает вопрос психологического и когнитивного обоснования таких возможностей. Представители философии для детей с опорой на научные исследования¹ обосновывают наличие таких способностей, в то время как большинство специалистов, которых можно отнести к традиционной парадигме образования (даже если они неосознанно придерживаются ее основных постулатов), говорят о невозможности таких процессов. Стенографические записи занятий с детьми по философии анализируются и изучаются многими учеными (лингвисты, психологи, педагоги и др.), также проводятся исследования эффективности подобных практик, в результате которых заявленные в рамках этого движения возможности детей подтверждаются [24; 26].

Основной аспект рассмотрения таких противоречий во взглядах на детей и процесс обучения связан с различием подходов р4с, тесно коррелирующих с представлениями о философии как образе жизни², и академических методов образования. Также существуют глубоко укоренившиеся коллективные стереотипы о том, что философия является «опасным» для детей предметом, а термину «философствовать» часто придается уничижительное значение, поскольку,

с точки зрения повседневного здравого смысла, философия не приносит практической пользы. Такая постановка проблемы имплицитно указывает на необходимость концептуального переосмысления самой роли философского знания и автоматически возвращает к давнему вопросу «что такое философия», историческому и социально-культурному аспекту его рассмотрения.

Представители р4с исходят из более последовательной позиции по сравнению с информационной концепцией передачи знания (функциональность, утилитарность) и предлагают обосновывать эффективность собственных методов преподавания, опираясь на современные научные открытия в области когнитивных и психологических исследований, нейробиологических открытий [6, 25]. Философия для детей ориентируется на менее доктринальный подход и уделяет больше внимания развитию мышления детей, критическому рассмотрению любых мнений и гипотез, коллективным исследованиям, что придает знанию кооперативный и недогматический статус. Кроме того, подходы р4с коррелируют с терапевтическими приемами в психологии [14], позволяющими организовать психологическое сопровождение с целью создания благоприятных условий обучения, повышения у детей адаптивных возможностей. Психологический аспект также связан с изучением когнитивных и интеллектуальных способностей детей, их склонностей к философствованию, которые, с позиции последователей движения, проявляются уже с четырехлетнего возраста. Самое распространенное возражение против подобных заявлений фокусируется на необходимости наличия у детей научных знаний и стилей мышления, в то время как философия с детьми в большей степени апеллирует к любознательности ребенка, его потребностям в рассуждениях на различные темы, тесно связанные с его непосредственным внутренним опытом и пребыванием в мире.

Определение роли преподавателя в философских практиках с детьми представляет еще одну острую тему широких дискуссий. В информационной модели преподавания философии первостепенное значение приобретает передача/трансляция знания, часто предписываются правильные и неправильные ответы, в лучшем случае демонстрируются различные точки зрения, идеи и течения. Однако для детей такой подход по ряду причин не применим. Когда речь идет о философии с детьми до- и школьного возраста, то необходимы менее академичные подходы, проблемно-ориентированные и

¹ См., например: Gopnik, A. *The Philosophical Baby: What Children's Minds Tell Us About Truth, Love, and the Meaning of Life* Paperback, Picador, 2010. 304 p.

² Более подробно можно с такой позицией ознакомиться в книге Адо П. *Философия как способ жить: Беседы с Жанни Карлие и Арнольдом И. Дэвидсоном*: пер. с франц. В. А. Воробьева. М.; СПб.: Степной Ветер: Коло, 2005. 288 с.

вопросно-ответные¹ методы работы, в процессе которых дети учатся самостоятельно проводить исследования и глубоко мыслить.

Актуален также вопрос пере- и подготовки преподавателей, создания дидактического материала по преподаванию философии детям на различных уровнях обучения. Существует два аспекта рассмотрения дискуссий в этом направлении, касающихся компетенций преподавателя. Во-первых, эффективность занятий и их содержание напрямую зависят от наличия и развития на достаточном уровне у преподавателя навыков организации групповой и исследовательской работы, способностей регулирования психоэмоционального и социального климата, ведения интерактивных дискуссий и т. д. Помимо этого в компетенции преподавателя входят умения развивать у детей любознательность, коммуникативную этику, навыки самостоятельного мышления, также является желательным философское образование. Именно такое видение роли педагога придает обучению философский характер и способствует формированию философских и научных исследовательских навыков. Этот вопрос часто игнорируют преподаватели, считающие, что информирование о философии и есть она сама, а академическое образование является и достаточным, и необходимым.

Ключевой проблемой, которая широко обсуждается среди специалистов, практикующих философию с детьми, является вопрос институализации философско-педагогических практик, в отсутствие решения которой большое количество детей может лишиться значимого опыта обучения. В настоящий момент на повестке стоит следующий вопрос — должна ли философия быть обязательным предметом в школе? Это также можно понимать следующим образом: имеет ли философия такое же общеобразовательное значение, как и другие учебные дисциплины?

Обычно в качестве контраргумента против возражений занятий философией с детьми последователи этого движения приводят следующие доводы. Например, дети шести — семи лет плохо подготовлены к изучению философии на уровне высшего образования ровно настолько, насколько они плохо подготовлены в любой другой дисциплине, преподаваемой в высших учебных заведениях или старших классах [20]. Во-вторых, очевидно, что философия дает ряд интеллектуальных преимуществ, свя-

занных с проведением философских и др. исследований на темы, которые обычно не включаются в общеобразовательные программы до- и школьного обучения, но имеют большое значение и непосредственное отношение к подготовке детей к взрослой жизни [7].

Продолжающиеся споры вокруг возможности и необходимости институализации р4с связаны, с моей точки зрения, с тем, что до сих пор интеграции философского знания в сферы научной, социальной и образовательной деятельности уделяется крайне мало внимания. Философия вынуждена постоянно оправдываться и доказывать свою эффективность, чего не делают другие дисциплины. Такая постановка проблемы приводит к очевидным закономерным попыткам проведения экспертной оценки эффективности философских практик с детьми и поиску ответов на следующие вопросы. Какой характер имеет эффективность р4с (воспитательно-педагогический, философский, идеологический, этико-эстетический и т. д.); каковы критерии профессиональной деятельности и компетентности философа-педагога и развития детей; каковы оптимальные условия, при которых возможна интеграция философии для детей в общую учебную программу и т. д. Это перечень тех немногих вопросов, поиск ответов на которые указывает на тот факт, что преподавание философии детям может быть эффективным только в том случае, если философия является значимым элементом общеобразовательных, социальных, а также научных практик.

Заключение

Критическое переосмысление основных целей и методов преподавания философии детям в современном образовательном пространстве позволяет сделать вывод о преимущественно функциональной роли и академическом характере обучения, что в некоторой степени противоречит задачам и функциям самой философии. С другой стороны, наблюдаются тенденции кардинального переосмысления роли философии, актуализируется необходимость создания трансдисциплинарной платформы, в рамках которой будут создаваться специализированные образовательные программы, направленные на развитие востребованных навыков и умений у молодого поколения, в основе которых лежит философское знание [7].

Эту тенденцию хорошо демонстрирует активно развивающееся движение

¹ Такая форма обучения восходит к модели сократовского диалога и платоновского симпозиума

«Философия для детей», в рамках которого широко обсуждаются проблемы следующего характера: определение степени корреляции философии и феномена детства, исследование психофизиологических и когнитивных особенностей развития детей, обоснование их склонностей и потребностей в размышлениях и исследованиях философского характера; установление статуса ребенка в современном обществе, с учетом политической и этической повестки, научного знания, имплицитно присутствующих в любой образовательной и социальной практике [8]; обоснование эффективности методов и подходов преподавания философии детям с опорой на современные научные открытия; определение основных необходимых для преподавателя философских практик с детьми компетенций.

Вопросы пере- и подготовки преподавателей, институализации философско-педагогических практик с детьми, актуальности реформирования традиционной системы образования и выявление оптимальных методов и подходов обучения также представляют предмет широких дискуссий. Философия для детей до- и школьного возраста предлагает использовать проблемно-ориентированные, дискуссионные формы обучения, педагогическую модель исследовательского сообщества, ориентироваться на современные научные интерпретации феномена детства, совокупность которых обуславливает формирование благоприятной среды обучения и развитие актуальных навыков и умений, часто не учтенных стандартными учебными школьными программами либо заявленных, но не реализованных на практике.

Работа выполнена при поддержке БРФФИ в рамках научного проекта № Г22УЗБ-047

1. Беляева, Л. А. Философское образование школьников в контексте современной философии образования / Л. А. Беляева // Педагогическое образование в России. — 2014. — № 3. — С. 144—148.

2. Борисов, С. В. Наивное философствование детства: «взрослые» ответы на «детские» вопросы / С. В. Борисов // Вопросы культурологии. — 2007. — № 9. — С. 8—12.

3. Борисов, С. В. Философия и ребенок: дидактические заметки / С. В. Борисов // Наука и школа. — 2003. — № 2. — С. 36-40.

4. Борисов, С. В. Эпистемология наивно-го философствования / С. В. Борисов. — М.: Спутник, 2007. — 368 с.

5. Бренифье О. Философская практика с ребенком // Современное дошкольное образование. — 2010. — № 2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofskaya-praktika-s-rebenkom> (дата обращения: 02.05.2023).

6. Выготский, Л. С. Педагогическая психология; под ред. В. В. Давыдова / Л. С. Выготский. — М.: Педагогика, 1991. — 480 с.

7. Доронина, С. Г. Философия с детьми в контексте планирования школьных программ: синтез инноваций и традиций / С. Г. Доронина // Философия образования. — 2023. — № 1. — С. 135—149.

8. Доронина С. Г. Философское исследование феномена детства: проблемы и перспективы / С. Г. Доронина // Социум и власть. — 2021. — № 1 (87). — С. 127—137.

9. Закирова, Т. В. Философия как парадигма современного общего образования / Т. В. Закирова, Г. И. Завьялова // Вестник Челябинского государственного университета. — 2022. — № 2. (460). Философские науки. Вып. 63. — С. 75—81.

10. Знепольский, Б. Как преподается и как должна преподаваться философия (французская дискуссия) / Б. Знепольский // Отечественные записки. — 2002. — № 2. — С. 122—129.

11. Тиллманнс, М. Как философствование с детьми способствует развитию проприоцепции мышления и эмоционального интеллекта / М. Тиллманнс // Социум и власть. — 2020. — № 1 (81). — С. 96—103.

12. Ясперс, К. Введение в философию: пер. с нем. под ред. А. А. Михайлова / К. Ясперс. — Мн.: Пропилеи, 2000 (Схолия). — 192 с.

13. Gaut, B. Philosophy for Young Children: A Practical Guide / B. Gaut, M. Gaut. — London: Routledge, 2011. — 128 p.

14. Georgakakis, C. Philosophy for Children and Logic-based Therapy / Christos Georgakakis // Journal of Philosophy in Schools. — 2021. — Vol. 8. — iss. 1. Pp. 53—70.

15. Goering, S. Philosophy in Schools: An Introduction for Philosophers as Teachers / S. Goering, N. J. Shudak, T. Wartenberg. — New York: Routledge, 2013. — 236 p.

16. Gregory, M. R. The Routledge International Handbook of Philosophy for Children / M. R. Gregory, J. Haynes, K. Murriss (eds.). — London, UK: Routledge, 2017. — 298 p.

17. Gregory, M. Philosophy for Children and Children's Philosophical Thinking / A. Pagès (ed.) // A History of Western Philosophy of Education in the Contemporary Landscape. — Bloomsbury, 2021. — Pp. 153—177.

18. Goucha, M. Philosophy, a School of Freedom: Teaching Philosophy and Learning

to Philosophize; Status and Prospects / M. Goucha. — UNESCO, 2007. — 303 p.

19. Hand, M. *Philosophy in Schools* / M. Hand, C. Winstanley. — New York: Continuum International Publishing Groups, 2009. — 192 p.

20. Hand, M. On the Distinctive Educational Value of Philosophy / M. Hand // *Journal of Philosophy in Schools*. — 2018. — Vol. 5. — iss. 1. — Pp. 4—19.

21. Kennedy, D. Matthew Lipman: Testimonies and Homages / D. Kennedy, W. Kohan // *Childhood & Philosophy*. — Vol. 6. — iss. 12. — URL: <https://philarchive.org/rec/KENMLT> (дата обращения: 05.05.2023).

22. Murriss, K. Are children Natural Philosophers? / K. Murriss // *Teaching Thinking*. — 2001. — Vol. 5. — Pp. 46—49.

23. Šimenc, M. *Philosophy for Children and Philosophy as Therapy* / M. Šimenc, Metodicki Ogledi. — 2014. — Vol. 21. — iss. 2. — Pp. 13—33.

24. Topping, K. J. Collaborative Philosophical Inquiry for Schoolchildren: Cognitive Gains at 2 Year Follow up / K. J. Topping, S. Trickey // *British Journal of Educational Psychology*. — 2007. — Vol. 77. — iss. 4. — Pp. 787—796.

25. Weinstein, M. On the Relevance of Cognitive Neuroscience for Community of Inquiry / M. Weinstein, D. Fisherman // *Childhood and Philosophy*. — 2019. — Vol. 15. — Pp. 1—18.

26. Yan, S. Meta-Analysis of the Effectiveness of Philosophy for Children's Programs on Students' Cognitive Outcomes / S. Yan, L. Walters L, Wang Z. Ch-Ch. Wang // *Analytic Teaching and Philosophical Praxis*. — 2018. — Vol. 39. — iss 1. — Pp. 13—33.

References

1. Belyaeva L. A. (2014) *Filosofskoe obrazovanie shkol'nikov v kontekste sovremennoj filosofii obrazovaniya. Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*, no. 3, pp. 144—148 [in Rus].

2. Borisov S. V. (2007) Naivnoe filosofstvovanie detstva: "vzroslye" otvety na "detskie" voprosy. *Voprosy kulturologii*, no. 9, pp. 8—12 [in Rus].

3. Borisov S. V. (2003) *Filosofiya i rebenok: didakticheskie zametki. Nauka i shkola*, no. 2, pp. 36—40 [in Rus].

4. Borisov S. V. (2007) *Epistemologiya naivnogo filosofstvovaniya*. Moscow, Sputnik, 368 p. [in Rus].

5. Brenife O. (2010) *Filosofskaya praktika s rebenkom. Sovremennoe doshkol'noe*

obrazovanie, no. 2, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofskaya-praktika-s-rebenkom> (accessed 13.05.2023) [in Rus].

6. Vygotskij L. S. (1991) *Pedagogicheskaya psihologiya*; pod red. V. V. Davydova [Pedagogical psychology; ed. V. V. Davydova]. Moscow, Pedagogika, 480 p. [in Rus].

7. Doronina S. G. (2023) *Filosofiya s det'mi v kontekste planirovaniya shkol'nyh programm: sintez innovacij i tradicij. Filosofiya obrazovaniya*, no. 1, pp. 135—149 [in Rus].

8. Doronina S. G. (2021) *Filosofskoe issledovanie fenomena detstva: problemy i perspektivy. Socium i vlast'*, no. 1 (87), pp. 127—137 [in Rus].

9. Zakirova T. V., Zav'yalova G. I. (2022) *Filosofiya kak paradigma sovremennogo obshchego obrazovaniya. Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2. (460), *Filosofskie nauki*, Vol. 63, pp. 75—81 [in Rus].

10. Znepol'skij B. (2002) *Kak prepodaetsya i kak dolzhna prepodavat'sya filosofiya (francuzskaya diskussiya). Otechestvennyye zapiski*, no. 2. pp. 122—129 [in Rus].

11. Tillmanns M. (2020) *Kak filosofstvovanie s det'mi sposobstvuet razvitiyu propriocepicii myshleniya i emocional'nogo intelekta. Socium i vlast'*, no. 1 (81), pp. 96—103 [in Rus].

12. YAspers K. (2000) *Vvedenie v filosofiyu: per. s nem. pod red. A. A. Mihajlova* [Introduction to Philosophy; ed. A. A. Mikhailova]. Minsk, Propilei, (Skholiya), 192 p. [in Rus].

13. Gaut B. (2011) *Philosophy for Young Children: A Practical Guide*. London, Routledge, 128 p. [in Eng].

14. Georgakakis C. (2021) *Philosophy for Children and Logic-based Therapy. Journal of Philosophy in Schools*, Vol. 8 (1), pp. 53—70 [in Eng].

15. Goering S., Shudak N. J., Wartenberg T. (2013) *Philosophy in Schools: An Introduction for Philosophers as Teachers*. New York, Routledge, 236 p [in Eng].

16. Gregory M. R., Haynes J., Murriss K. (2017) *The Routledge International Handbook of Philosophy for Children*. London, UK, Routledge, 298 p. [in Eng].

17. Gregory M. (2021) *Philosophy for Children and Children's Philosophical Thinking*. In Anna Pagès (ed.), *A History of Western Philosophy of Education in the Contemporary Landscape*, Bloomsbury, pp. 153—177 [in Eng].

18. Goucha M. (2007) *Philosophy, a School of Freedom: Teaching Philosophy and Learning to Philosophize; Status and Prospects*. UNESCO, 303 p. [in Eng].

19. Hand M., Winstanley C. (2009) *Philosophy in Schools*. New York, Continuum International Publishing Groups, 192 p. [in Eng].

20. Hand M. (2018) On the Distinctive Educational Value of Philosophy. *Journal of Philosophy in Schools*, Vol. 5 (1), pp. 4—19 [in Eng].

21. Kennedy D., Kohan W. (2010) Matthew Lipman: Testimonies and Homages. *Childhood and Philosophy*, Vol. 6 (12). available at: <https://philarchive.org/rec/KENMLT> (accessed 15.05.2023) [in Eng].

22. Murrells K. (2001) Are children Natural Philosophers? *Teaching Thinking*, Vol. 5, pp. 46—49 [in Eng].

23. Šimenc M. (2014) Philosophy for Children and Philosophy as Therapy. *Metodicki Ogledi*, Vol. 21 (2), pp. 13—33 [in Eng].

24. Topping K. J., Trickey S. (2007) Collaborative Philosophical Inquiry for Schoolchildren: Cognitive Gains at 2 Year Follow up. *British Journal of Educational Psychology*, Vol. 77 (4), pp. 787—796 [in Eng].

25. Weinstein M., Fisherman D. (2019) On the Relevance of Cognitive Neuroscience for Community of Inquiry. *Childhood and Philosophy*, Vol. 15, pp. 01—18 [in Eng].

26. Yan S., Walters L., Wang Z., Wang Ch-Ch. (2018) Meta-Analysis of the Effectiveness of Philosophy for Children's Programs on Students' Cognitive Outcomes. *Analytic Teaching and Philosophical Praxis*, Vol. 39 (1), pp. 13—33 [in Eng].

Статья поступила в редакцию 06.05.2023

For citing: Doronina, S. G. Teaching philosophy to children: tough questions and their obvious consequences / S. G. Doronina // *Socium i vlast'* [Society and Power]. — 2023. — № 2 (96). — P. 75—85. — DOI 10.22394/1996-0522-2023-2-75-85. — EDN IYMRUQ.

UDC 101.1:101.8+371.3:371.214

EDN IYMRUQ

DOI 10.22394/1996-0522-2023-2-75-85.

TEACHING PHILOSOPHY TO CHILDREN: TOUGH QUESTIONS AND THEIR OBVIOUS CONSEQUENCES

Svetlana G. Doronina,

Institute of Philosophy
National Academy of Sciences of Belarus,
Researcher,
Minsk, Belarus.
ORCID: 0000-0002-0536-7587
E-mail: svetadoris@mail.ru

Abstract

The article analyzes the main world problems and prospects for the development of teaching philosophy to children, substantiates the relevance of introducing philosophical practices, its teaching methods into the education system. The author carries out a theoretical reconstruction of the main provisions, problems and prospects for developing the "Philosophy for Children" (p4c) movement, which is of particular interest due to its greatest informativeness in covering the current state of teaching philosophy to children.

Introduction. Modern studies of teaching philosophy to children are of great importance because of their relevance in solving a whole range of modern educational problems. The search for new priority areas for teaching philosophy to children is aimed at finding the best ways to correct the modern education system by demonstrating and justifying

the effectiveness of using p4c methods and approaches.

The purpose of the study is to explicate the main problems and prospects, as well as the relevance of teaching philosophy to children in the current conditions of the society development.

Methods. The author uses both general scientific methods of analysis and synthesis, as well as methods of comparative analysis and theoretical reconstruction.

Scientific novelty of the research. The article carries out a theoretical reconstruction and analysis of the main problems of teaching philosophy to children, substantiates the relevance of introducing the ideas and methods of p4c into the system of pre- and school education in order to compensate for the shortcomings of informational approaches to teaching and the formation of demanded skills and abilities in children.

Results. The author substantiates the relevance of applying ideas and methods of p4c in pre-school and school education, and demonstrates the advantages of its approaches in solving a number of educational and upbringing problems, the effectiveness of using philosophical tools in the development and education of children.

Conclusions. Emphasizing the issue of teaching philosophy to children makes it possible to establish a number of legitimate questions of pedagogical, methodological, ethical, political, and other nature, the solution of which determines the choice of priority directions for developing and transforming the modern education system, the solution of urgent problems, without correcting of which most of the children may lose a significant cultural and intellectual experience.

Keywords:

philosophy teaching,
educational practices,
philosophy for children
social and cultural development,
childhood phenomenon

Для цитирования: Пеннер, Р. В. Цифровая грамотность как инструмент профилактики деструктивных практик в цифровой среде: по материалам региональной научно-практической конференции / Р. В. Пеннер, Е. И. Салганова, С. С. Бредихин, Е. В. Щетинина // Социум и власть. — 2023. — № 2 (96). — С. 86—102. — DOI 10.22394/1996-0522-2023-2-86-102. — EDN CMUNRV.

УДК 101.2

EDN CMUNRV

DOI 10.22394/1996-0522-2023-2-86-102

ЦИФРОВАЯ ГРАМОТНОСТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕСТРУКТИВНЫХ ПРАКТИК В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: по материалам региональной научно-практической конференции¹

Пеннер Регина Владимировна,
Южно-Уральский государственный университет,
Институт медиа и социально-гуманитарных наук,
доцент кафедры философии,
кандидат философских наук, доцент.
Челябинск, Россия.
E-mail: penner.r.v@gmail.com

Салганова Елена Ивановна,
Южно-Уральский государственный университет,
Институт медиа и социально-гуманитарных наук,
заведующий кафедрой социологии,
кандидат социологических наук, доцент.
Челябинск, Россия.
E-mail: salganovaei@susu.ru

Бредихин Сергей Сергеевич^{1, 2},

¹ Челябинский институт развития профессионального образования, Научно-исследовательский центр мониторинга и профилактики деструктивных проявлений в образовательной среде, заведующий сектором мониторинга и анализа деструктивных проявлений в образовательной среде,

² Южно-Уральский государственный университет, Институт медиа и социально-гуманитарных наук, доцент кафедры социологии, кандидат философских наук.
Челябинск, Россия.
E-mail: sergei189@mail.ru

Щетинина Елизавета Витальевна^{1, 2},

¹ Челябинский институт развития профессионального образования, руководитель Научно-исследовательского центра мониторинга и профилактики деструктивных проявлений в образовательной среде,

² Челябинский государственный университет, доцент кафедры политических наук и международных отношений, кандидат философских наук.
Челябинск, Россия.
E-mail: schetinaev@ya.ru

Аннотация

Введение. 28 февраля 2023 г. на базе Южно-Уральского государственного университета при поддержке НИЦ мониторинга профилактики деструктивных проявлений в образовательной среде (Челябинский институт развития профессионального образования) прошла региональная научно-практическая конференция «Профилактика деструктивных практик в цифровой среде и меры повышения цифровой грамотности обучающихся: презентация результатов исследований и формирование экспертного сообщества в области социально-гуманитарных наук в регионе».

¹ Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда Конкурс «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (региональный конкурс) 22-18-20011 «Цифровая грамотность: междисциплинарное исследование (региональный аспект)»

Введение

28 февраля 2023 г. на базе Южно-Уральского государственного университета при поддержке НИЦ мониторинга профилактики деструктивных проявлений в образовательной среде (Челябинский институт развития профессионального образования) прошла региональная научно-практическая конференция «Профилактика деструктивных практик в цифровой среде и меры повышения цифровой грамотности обучающихся: презентация результатов исследований и формирование экспертного сообщества в области социально-гуманитарных наук в регионе».

На конференции были презентованы результаты первого года работы по гранту Российского научного фонда, конкурс «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (региональный конкурс), проект 22—18—20011 «Цифровая грамотность: междисциплинарное исследование (региональный аспект)».

Конференция проходила в рамках мероприятий, посвященных 80-летию Южно-Уральского государственного университета.

Конференция собрала более 150 участников, специалистов в сфере образования. В частности, в конференции приняли участие педагоги из общеобразовательных, средних профессиональных и профессиональных образовательных организаций. Среди участников были доктора и кандидаты наук, преподаватели, научные сотрудники и другие специалисты, эксперты по теме цифровизации и влияния Интернета и медиакоммуникаций на обучающихся. Также в числе участников были перспективные молодые исследователи, аспиранты, магистранты, студенты бакалавриата и специалитета вузов г. Челябинска. Географию мероприятия составили 43 муниципальных образования Челябинской области.

Ниже представлены ключевые идеи из докладов, прочитанных в рамках конференции.

Деструктивная коммуникация в Интернете

С. С. Бредихин, заведующий сектором мониторинга и анализа деструктивных проявлений в образовательной среде НИЦ мониторинга и профилактики деструктивных проявлений в образовательной среде Челябинского института развития

Цель. Представить ключевые идеи из докладов и итоги конференции.

Методы. С целью презентации ключевых идей из докладов были использованы общенаучные методы — анализ и синтез, индукция, дедукция, абстрагирование.

Научная новизна исследования. В сложившемся дискурсе конференции цифровое было определено как новая среда обитания человека, что содержит в себе потенции для роста человека и одновременно антропологические и социальные риски.

Результаты. В мета-реальности, между реальным и виртуальным, одного мониторинга общественного мнения по существующим и потенциальным социальным угрозам оказывается недостаточно. В этом случае социотерия может быть практическим ответом на цифровые угрозы и риски.

Выводы. В актуальной цифровой среде конструктивные практики отдельных социальных субъектов и социальных групп сосуществуют с практиками деструктивными. Социотерия может стать социальным ответом по вопросу мониторинга, профилактики и борьбы с цифровыми угрозами, а цифровая грамотность является ответом антропологическим, что должен создаваться в образовательной среде.

Ключевые слова:

цифровая грамотность,
цифровая среда,
образовательная среда,
обучающиеся,
деструктивные практики,
цифровая аскетика,
цифровая гигиена

профессионального образования, доцент кафедры социологии Южно-Уральского государственного университета, открыл конференцию с докладом на тему «От социологии к социотриии: реформа социального знания». В докладе он проанализировал современное состояние социологии с точки зрения базовых основ данной науки и противоречий, в них заложенных; с позиции актуального состояния науки, вариантов решения задач в области социального знания, что сформированы в рамках общественного запроса.

По результатам проведенного теоретического анализа С. С. Бредихин постановил неудовлетворительность состояния социологии и указал на то, что она может быть дополнена социотриией. В поисках теоретического фундамента этой новой труднопроизносимой дисциплины он обратился к теоретикам позитивистской социологии О. Конту, Э. Дюркгейму, М. Веберу. Без указания на конкретные труды социологов С. С. Бредихин отметил, что в исходном основании социологии заложено противоречие — попытка через апологетику существующего порядка избавиться от социальных пороков оборачивается невозможностью искоренения этих порядков.

Согласно позиции С. С. Бредихина, утверждения примата позитивности лишает социологию деятельной силы, оставляет ее только с наблюдением общественных проблем. В этой смысловой рамке общественная патология лишается сущностной природы; глубинные проблемы общества (что автор решил не конкретизировать) объясняются через недостаток порядка; а это, в свою очередь, не оставляет места критическому осмыслению и подлинной борьбе с этими неконкретизированными проблемами. Это позволило докладчику перейти к следующему громкому тезису, согласно которому сегодня мы наблюдаем своеобразное вырождение социологии, превратившейся в социологию опросов, симулирующих несуществующее общественное мнение.

По его мнению, что, вероятно, имеет философские корни, общество может ждать от социологии критического взгляда на самое себя. Отсюда социология должна быть не просто зеркалом, но «зеркалом общественной души», раскрывающем подлинное состояние общества, его пороки и их причины. Социология (в ее прочтении С. С. Бредихиним) не может и не должна быть апологетической наукой, оправдывающей существующий общественный порядок, она должна быть революционной критической

дисциплиной на основе строгой методологии, вскрывающей общественные проблемы. Но и этого докладчику показалось мало; только вскрыть проблему, значит оставить «пациента умирать» с открытой раной. Его новая социология должна предлагать и внедрять способы излечения и оздоровления общества. Только в этом случае она имеет смысл и право на существование как инструмент самопознания и саморазвития общества. Как кажется, подобная череда тезисов связана с административной и исследовательской работой докладчика, что нашла отражение в следующих публикациях [3; 4; 22].

Изначально С. С. Бредихин именует социотриию дисциплиной, что должна прийти на смену социологии (однако он сразу же смягчает свою позицию, позволив социологии остаться, а социотриии ее дополнить). В производстве имени новой социальной дисциплины он обращается к двум корням, латинскому *socius* («спутник», «товарищ») и др.-греч. *ιατρεία* («лечение», «исправление»). Вместе с тем, уже в следующем тезисе социотриия изучает общественные патологии и расстройства через призму критического подхода, методы их диагностики, профилактики и исправления. Наконец, в третьем тезисе этой части социотриия презентуется как новая научная дисциплина, что нуждается в будущей серьезной проработке концептуально-теоретических оснований. С. С. Бредихин предлагает следующие базовые принципы в основании социотриии: критический подход, нацеленный на преодоление социально-негативных явлений и деструкций, симулятивных порядков; нацеленность на познание не частных, но фундаментальных причин общественных патологий, в том числе патологий, лежащих в основе общественного строя; поиск доказательных методов профилактики и исправления общественных патологий; ориентация на выработку надежных диагностических инструментов, позволяющих прогнозировать развитие общественных патологий.

С. С. Бредихин заключает свой революционный доклад указанием на то, что социотриия должна быть практикоориентированной дисциплиной. На определенном этапе своего развития она, вероятно, сформирует отдельные направления, связанные с социальным консультированием и социотерапией. Наконец, яркий заключительный акцент: социотриия есть метапрофилактика, т. е., будучи частной дисциплиной, она изучает способы преодоления общественных деструкций в мире метамодерна.

Несмотря на всю актуальность доклада А. А. Селютина, позицию второго докладчика революционной назвать сложно. Возможно, одной революции на конференцию достаточно. А. А. Селютин, доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания Челябинского государственного университета, заведующий сектором разработки программ по социокультурной адаптации и интеграции иностранных студентов и детей-инофонов НИЦ мониторинга и профилактики деструктивных проявлений в образовательной среде Челябинского института развития профессионального образования, прочитал доклад на тему «Структура чат-боксов в многопользовательских видеоиграх как фактор риска деструктивной коммуникации». В рамках доклада А. А. Селютин назвал следующие т. н. природные характеристики онлайн-игры: креативность, анонимность, карнавализация. Каждая из них одновременно развивает творческий потенциал пользователя игры и сопровождается определенными рисками.

Второй докладчик сосредоточил свое внимание на шести возможных рисках многопользовательской видеоигры. По мнению А. А. Селютина, эти риски оформляются в чат-боксе, комплексе коммуникативных пространств, доступных пользователю в игровом процессе. Риск № 1: Графика и эмодзи. Свои сильные, в том числе негативные эмоции геймеры могут выражать посредством прописных букв и эмодзи, что зачастую используются вместо пунктуационных знаков. Риск № 2: Обилие открытых вкладок способно «засорить» сознание геймеров, расфокусировать его внимание. Риск № 3: Ограниченность окна и спам указывают на то, что в коммуникативном пространстве видеоигры присутствуют разные авторы, каждый из которых преследует свои цели в игровом общении. Риск № 4: Скорость передачи информации предполагает получение геймером максимума информации за минимум времени. Риск № 5: Поликодовость текста указывает на то, что текст состоит из двух компонентов — вербального и иконоческого. Одним из приемов создания поликодового текста является использование различных цветов шрифта. Риск № 6: Подвижность чат-боксов указывает на утрату пользователем визуального контакта.

А. А. Селютин неоднократно обращался к теме дискурса видеоигр [15—17]. Свой доклад он заключил следующими лаконичными тезисами:

1. Повышенная роль графических средств при передаче особенностей речи (в том числе мимических);

2. Многовекторность чат-боксов как коммуникативного канала;
3. Ограниченность диалогового окна, позволяющая задействовать деструктивные механизмы коммуникации;
4. Повышенная скорость обмена информацией, приводящая к хаотичности общения;
5. Поликодовость отображаемого в чат-боксе текста;
6. Подвижность чат-боксов как причина потери визуального контакта с текстом.

А. А. Морозова, доцент кафедры медиапроизводства Челябинского государственного университета, заведующая сектором исследований педагогических инструментов профилактики деструктивных проявлений в образовательной среде НИЦ мониторинга и профилактики деструктивных проявлений в образовательной среде Челябинского института развития профессионального образования, представила доклад «Маркеры экстремизма в молодежной среде: результаты социологического опроса аудитории». Она начала с дефиниций экстремизма, согласно которой это «идеология, основанная на политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражде в отношении личности, какой-либо социальной группы, нации или государства и направленная против основ конституционного строя и безопасности государства, а также нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина» [6] и молодежи, которая, в свою очередь, представляет социально активную прослойку общества, что динамично выстраивает (или разрушает) социальные связи; демонстрирует множественные коммуникативные процессы; является максимально заинтересованным потребителем и производителем информационного контента; выступает активным пользователем социальных сетей и мессенджеров.

А. А. Морозова представила исследование, что, по ее же словам, стало пилотным. Цель исследования состояла в определении отношения молодежи к признакам, наблюдающимся у людей из их окружения, которые в совокупности могут стать маркерами экстремистских проявлений. В исследовании по методу анкетирования приняли участие 200 молодых людей, жители Челябинской, Московской, Ленинградской областей и республики Мордовия. Гендерно-возрастная картина исследования представлена в следующих цифрах: парни — 22 %, девушки — 78 %; < 14 лет — 5 %, 15—17 лет — 39 %, 18—22 года — 56 %, > 23 лет — 5 %.

А. А. Морозова презентовала некоторые вопросы и динамику ответов на них. К примеру, на вопрос «Что бы тебя смутило в изменениях внешности твоего друга/ подруги?» 59 % респондентов ответили «ношение религиозной или иной атрибутики, которая раньше не была свойственна»; 39 % — «отказ от макияжа, покраски волос, ухода за собой, хотя раньше он/она предпочитали пользоваться данными средствами»; 32 % — «слишком закрытая повседневная одежда (длинные юбки, покрывание головы платком и т. д.)»; 23 % — «не обратили бы ни на что внимания»; 22 % — «появление новой татуировки с непонятным символом могло вызвать волнение»; 7 % — «одежда со странными надписями смутила»; 5 % — «преимущественно черная одежда в повседневном стиле».

На вопрос «Если ты заметишь что-то странное в поведении своего друга, подруги, одноклассника, однокурсника и т. д., какие будут твои действия?» картина ответов выглядит так: 88 % — «поговорю сам с этим человеком, узнаю, в чем дело»; 36 % — «расскажу об этом другой своей близкой подруге/другу»; 20 % — «расскажу родителям или близким родственникам»; 11 % — «подойду к психологу, учителю, соцпедагогу»; 8 % — «никуда не обращусь»; 4 % — «позвоню по номеру доверия».

Наконец, на вопрос «Если ты выбрал ответ «Никуда не обращусь», то почему?» 24 % респондентов ответили, «я не знаю, куда можно обратиться в таких случаях»; 24 % — «это проблемы этого человека, а меня особо это не волнует»; 19 % — «я знаю, куда можно обратиться, но нет возможности»; 8 % — «потому что я боюсь, что у меня потом будут проблемы из-за этого»; 8 % — «потому что доносить — это некрасиво».

В числе прочего, А. А. Морозова размышляет на тему профилактики цифровых деструктивных практик в молодежной среде [10; 11]. На основе прорисовываемой социоатрической картины А. А. Морозова предложила обратить внимание на следующие рекомендации по способам профилактики экстремистских проявлений в молодежной среде:

1. Осуществление постоянного мониторинга молодежной среды с целью выявления случаев экстремистского поведения как специальными организациями и подразделениями, так и преподавателями, руководством и обучающимися учебных заведений.

2. Тесное сотрудничество между различными органами (вузы, школы, местное самоуправление, правоохранительные органы) с целью обмена информацией и опытом.

3. Внедрение и постоянное развитие системы обращений (телефоны доверия, горячие линии, анонимные запросы на сайтах), позволяющей молодежи делиться информацией об экстремистских проявлениях.

4. Активное вовлечение самой молодежи в антиэкстремистскую деятельность в качестве волонтеров и добровольных помощников.

5. Регулярное проведение профилактических непринужденных и доверительных бесед в местах максимальной концентрации молодежи (как правило, образовательные организации).

6. Подготовка контента (фото, игровое видео, наглядные карточки и т. д.), отвечающего тенденциям времени, подходящего под молодежный формат и направленного на выявление и профилактику экстремистских проявлений.

Тем самым, докладчик обрисовала ключевые направления работы НИЦ мониторинга и профилактики деструктивных проявлений в образовательной среде.

Г. Ю. Ярославова, заведующий сектором психологии деструктивных проявлений в образовательной среде НИЦ мониторинга и профилактики деструктивных проявлений в образовательной среде Челябинского института развития профессионального образования, представила доклад «Педагогические инструменты профилактики буллинга в образовательной среде». Своё выступление она начала с обозначения аспектов безопасности образовательной среды, среди которых выделила физическую, экологическую, психологическую и информационную безопасность.

Содержание выступления Г. Ю. Ярославовой было выстроено вокруг феномена травли, что она определила как групповую агрессию, направленную на одного или нескольких членов этой группы. Кибертравля, в свою очередь, является аналогом травли, но реализуется в цифровой среде. При этом она поставила знак тождества между понятиями травли и буллинга.

В качестве ключевого признака травли Г. Ю. Ярославова назвала неравенство сил агрессоров, что, как правило, представлено в противостоянии т. н. жертвы группе. Это противостояние сопровождается регулярностью и повторяемостью насилия. Она обозначила травлю как «болезнь» всей группы. Отсюда жертвой травли может оказаться каждый [12].

Исследователи НИУ ВШЭ в «Мониторинге экономики образования» в России за 2020—2021 гг. выяснили, что 60 % учителей

не видят проблем травли; не умеют различать конфликт, травлю и непопулярность; у них нет системной работы с травлей; сегодня нет правовой основы для работы с травлей; отсутствует мониторинг травли и психологических состояний ее ключевых агентов (Мониторинг экономики образования). Вместе с тем, исследования подтвердили, что негативными последствиями травли могут стать психологические проблемы, депрессивные состояния, а также ПТСР, сопровождающие любого участника травли всю жизнь¹.

Свое выступление Г. Ю. Ярославова заключила тезисом о том, что очень сложно бороться с травлей, когда она уже происходит, гораздо лучше ее предотвращать. Наиболее эффективны в мировой практике программы по профилактике травли, а не те, которые работают с ее последствиями. В качестве примеров она презентовала программы предотвращения травли Д. Ольвеуса и KiVa, что нацелены на уменьшение показателей школьного буллинга и уровня виктимизации [21].

Е. Г. Милыева, старший преподаватель кафедры философии Института медиа и социально-гуманитарных наук Южно-Уральского государственного университета, завершила пленарное заседание конференции с докладом «Цифровая аскетика как методика профилактики цифровой аддикции у учащихся». Цифровую аскетику она прочитывает как новый формат отношений с digital, вариант философской практики, что ориентирована на духовные упражнения, выстраивается на практиках саморефлексии и заботы о себе. Анализом практик заботы о себе Е. Г. Милыева занимается не первый год, что отражено в ряде ее публикаций [23—25].

Свое выступление Е. Г. Милыева открыла блиц-опросом, нужен ли нам перерыв от цифры. Участникам конференции было предложено десять вопросов, которые продемонстрировали, что цифровая аддикция, зависимость человека от цифровой техники и Интернета, вышла за пределы школьной аудитории. Так же как дети, от своих смартфонов зависимы их учителя. Ответ на сложившуюся ситуацию докладчик видит в цифровой аскетике.

Е. Г. Милыева представила слушателям конференции комплект учебных пособий для учащихся и педагогов и мобильное приложение «Цифровая аскетика». В каждом из них заложена методика ведения

дневника. Автор идеи акцентировала внимание на том, что четыре недели — это тот оптимальный временной маршрут, на котором современный человек получает возможность сбалансировать свое нахождение онлайн и офлайн, найти точки выхода из цифровой аддикции и просто познакомиться с собой, увидеть себя в новой оптике и определить путь дальнейшего саморазвития. Ежедневник «Цифровая аскетика» состоит из четырех равноценных элементов: цифровой след; кибербуллинг; критическое мышление; забота о себе. Причем первые два обозначают цифровые угрозы, последние — предлагают варианты самостоятельной продуктивной работы с ними.

Медиабезопасность в условиях новой реальности

Первую рабочую секцию конференции открыл Ю. А. Клементьев, научный сотрудник сектора мониторинга и анализа деструктивных проявлений в образовательной среде Челябинского института развития профессионального образования, с докладом «Фейковые новости в период проведения специальной военной операции России по защите ДНР и ЛНР». Он обозначил, что информационное пространство меняется на наших глазах. Свое заявление он подкрепил цифрами: 17 607 фейковых сообщений о COVID-19 в 2020 г.; 23 000 фейковых сообщений о вакцинации в 2021 г.; 16,6 млн. фейковых сообщений о России и специальной военной операции на Украине в 2022 г.; 7,2 млн фейков о частичной мобилизации в 2022 г.² В завершении он отметил, что на территории Российской Федерации применяются административная (штраф) и уголовная ответственность «за публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации»³.

М. О. Николаева, младший научный сотрудник сектором мониторинга и анализа НИЦ мониторинга и профилактики деструктивных проявлений в образовательной среде Челябинского института развития профессионального образования, предложила к размышлению доклад на тему «Информационная безопасность: современная

² Лига безопасного Интернета. URL: <https://ligainternet.ru/> (дата обращения: 05.05.2023).

³ УК РФ. Статья 207.2. Публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/7dcac8801f9fa5415250803c6d4bc4366bb91f1b/ (дата обращения: 05.05.2023).

¹ Мониторинг экономики образования. URL: <https://memo.hse.ru/> (дата обращения: 08.03.2023).

картина проблемы и защиты информации». В начале доклада она уточнила, что в самом широком смысле информационную безопасность можно дефинировать как защиту персональных данных от несанкционированного доступа.

М. О. Николаева уточнила, что размещение информации в Интернете сопровождается определенными рисками. Среди них: утечка персональных данных; внешние атаки на информационные системы; неблагонадежность специалистов, обрабатывающих персональные данные; вредоносное программное обеспечение; использование нелегализованного программного обеспечения; несанкционированный доступ к информации. М. О. Николаева придерживается тезиса, согласно которому политика информационной безопасности определяет систему взглядов на проблему ее обеспечения, что предполагает ряд действий, направленных на недопущение несанкционированного использования и модификации информации [2]. Наряду с превентивными мерами индивидуального пользователя по защите своих персональных данных, что, в числе прочего, включает использование лицензионных антивирусных программ и обновление систем аутентификации, государство создает и проводит комплексные программы по обеспечению информационной безопасности. Среди прочего, в эти программы включена разработка нормативной базы в отношении программных средств, сертификация безопасности, образовательные проекты для граждан по защите персональных данных.

А. Д. Арсентьева, младший научный сотрудник сектора исследований педагогических инструментов профилактики деструктивных угроз в образовательной среде в НИЦ мониторинга и профилактики деструктивных проявлений в образовательной среде Челябинского института развития профессионального образования, продолжила тему информационных рисков с докладом «Особенности деструктивного контента в социальной сети ВКонтакте».

В самом докладе и других работах А.Д. Арсентьева обозначает, что пользователь проводит в Интернете около 7 ч в сутки; такое частотное пользование Интернетом сопровождается конструктивным и деструктивным поведением пользователя; примером деструктивных практик является доумскроллинг, трата времени на негативные новости, которые оказывают деструктивное влияние на пользователя [1].

Со ссылкой на Brand Analytics А.Д. Арсентьева утверждает, что сегодня в «ВКонтакте»

зарегистрированы более 400 миллионов пользователей¹. Среди комплекса транслируемого контента можно выделить деструктивный и т. н. пограничный контент. Молодой исследователь выявила следующие смысловые группы в презентации деструктивного контента: пропаганда и поощрение нездоровых диет; доступный контент, что должен маркироваться 18+; тематика фашизма, что обыгрывается в формате коротких видео; бытовое высмеивание женщин; шутки про смерть и самоубийство.

Е. И. Салганова, доцент кафедры социологии Института медиа и социально-гуманитарных наук Южно-Уральского государственного университета, представила доклад на тему «Цифровая среда и безопасность в образовательных организациях Челябинской области: социологическая экспертиза и консалтинг». В своем докладе она отразила социологическую часть по результатам выполнения работ за первый год по региональному гранту РФ «Цифровая грамотность».

В начале доклада Е. И. Салганова уточнила, что актуальность проблемы цифровой грамотности населения России признана на высшем политическом уровне. Так, в 2018 г. президент России В. В. Путин в очередном Послании Федеральному Собранию заявил, что необходимо развивать цифровую грамотность у всего населения России, эта задача является приоритетной для системы образования². Она отметила, что «согласно исследованию ВЦИОМ от 2021 г., 96 % молодых людей в возрасте 18—24 лет пользуются Интернетом, 74 % делают это ежедневно. Интернет и социальные сети являются главными источниками информации для людей в возрасте от 18 до 34 лет»³.

Это сформировало актуальность исследования по выявлению маркеров цифровой грамотности среди обучающейся молодежи Челябинской области. Исследование было проведено в марте — мае 2022 г. по методу опроса. В качестве опрошенных выступили 6 586 обучающихся профессиональных образовательных организаций (ПОО) Челябинской области. Цель исследования была заявлена как выявление современного состояния,

¹ Brand Analytics. URL: <https://br-analytics.ru/> (дата обращения: 05.05.2023).

² Послание Президента Федеральному Собранию 1 марта 2018 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 05.05.2023).

³ Медиапотребление в России сегодня. Опрос «ВЦИОМ-спутник». URL: https://ok.wciom.ru/fileadmin/user_upload/2021_media.pdf (дата обращения: 05.05.2023).

проблем цифровой грамотности и цифровой безопасности обучающихся Челябинской области в Интернете. Среди задач исследования были выделены: оценка уровня владения IT-технологиями и сформированности цифровых компетенций обучающихся, понимания и значимости цифровой грамотности для обучающейся молодежи; выявление наиболее актуальных в среде обучающейся молодежи цифровых параметров, цифровых платформ и частоты их использования в образовательном процессе; «выявление факторов, оказывающих влияние на цифровизацию в образовательном учреждении, наиболее актуальных в среде обучающейся молодежи каналов получения информации в виртуальном пространстве и уровень доверия им; вовлеченность обучающихся в онлайн-коммуникацию в социальных сетях, в том числе, сформированность навыков распознавания угроз виртуального пространства; оценка эффективности реализации комплекса мер, направленных на повышение цифровой грамотности, и вовлеченности обучающихся в профилактическую работу в области противодействия деструктивному воздействию цифровой среды; анализ сформированности у обучающихся алгоритма реагирования на деструктивные проявления» [14].

В анкете был следующий вопрос: «Как ты считаешь, в твоём образовательном учреждении уделяется достаточно внимания вопросам цифровой грамотности обучающихся?». Ответы на вопрос представлены на рис. 1.

Исследование показало, что обучающиеся часто используют: социальные сети и мессенджеры (70,9 % опрошенных используют их каждый день), возможности сетевого подключения и геолокации (69,5 % опрошенных используют их каждый день), смартфоны и образовательные приложения для них (66,1 % опрошенных используют их каждый день). В свою очередь, обучающиеся редко используют: робототехнику, искусственный интеллект, виртуальную реальность (не используются вообще 23,6 % опрошенных), онлайн-курсы и модули (16,5 % опрошенных их не используют), базы данных (11,6 % опрошенных их не используют) автоматизацию и оптимизацию образовательных процессов (11,6 % опрошенных их не используют).

По данным исследования, обучающиеся достаточно высоко оценивают цифровую компетентность учителей / преподавателей (см. рис. 2).

Среди источников, из которых обучающиеся ПОО Челябинской области чаще всего получают информацию, на первом месте — социальные сети (76,4 %). На втором — мессенджеры, телеграмм—каналы и друзья, знакомые (56,0 и 55,0 % соответственно), на третьем месте — родители и новостные Интернет-порталы и (45,2 и 42,8 % соответственно), на четвертом — личные наблюдения (32,7 %). Другие источники информации: «преподаватели», «блогеры», «из зарубежных газет», «проверенных источников (научных)», «darknet», «поисковик

Рис. 1. Ответы обучающийся молодежи на вопрос из исследования по цифровой грамотности

Оценки по 5-балльной шкале значимости факторов, оказывающих влияние на цифровизацию в образовательном учреждении

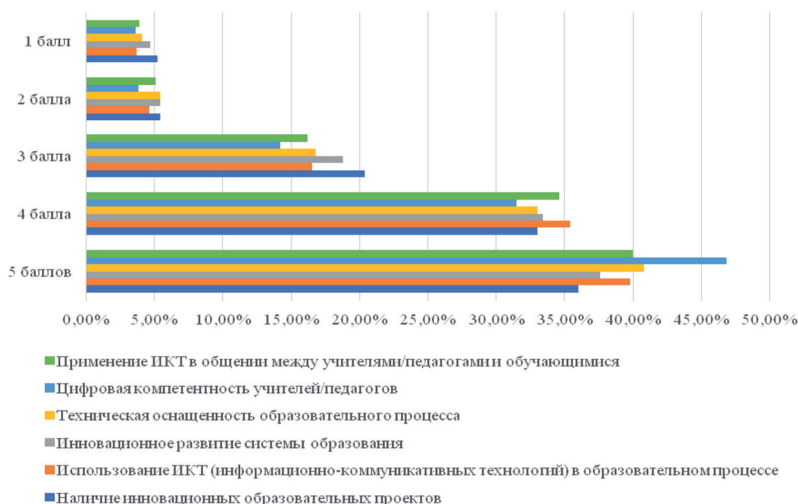

Рис. 2. Ответы обучающейся молодежи на вопрос из исследования по цифровой грамотности

в Интернете», «образовательные сайты» и др.

Социальные сети и мессенджеры, регулярно используемые обучающимися ПОО Челябинской области (в % от общего числа опрошенных). Наибольшей популярностью у современной молодежи пользуются: «ВКонтакте» — 90,7 %, «YouTube» — 69,8 %, «Telegram» — 68,4 %, «TikTok» — 67,1 %. Каждый второй регулярно использует «WhatsApp», а каждый шестой — «Viber». Несмотря на запрет на законодательном уровне «Instagram», каждый третий обучающийся области по-прежнему активно использует его как источник информации.

Социальные сети челябинская молодежь чаще всего использует для общения, коммуникации. Подавляющее большинство молодых людей посещают социальные сети, чтобы пообщаться с друзьями и однокурсниками (84,0 %). В то же время социальные сети играют важную роль в информационном обеспечении молодежи. На втором, третьем и четвертом местах среди целей посещения социальных сетей — получение последних новостей, поиск материалов по учебе/работе и в связи с увлечениями. Практически треть опрошенных в социальных сетях читают ленту друзей или просто «убивают время».

Каждый второй молодой человек в Интернете встречался с таким распространенным в настоящее время явлением, как буллинг.

Еще более трети молодых людей обеспокоены призывами в Интернете к участию в экстремистских организациях, мероприятиях. Четверть молодых людей указывают на зависимость от социальных сетей и практически столько же на романтизацию и популяризацию депрессивного контента, обесценивания жизни, аутоагрессию. Практически каждого пятого обучающегося ПОО волнуют романтизация и популяризация проявлений агрессии, в том числе, к участникам образовательного процесса. Среди других видов угроз современная молодежь отмечает шантаж, мошенничество и вымогательство в Интернете денежных средств («развод на валюту и реальных денег»), дезинформацию, распространение фейковой информации, нарушение авторских прав («слежка и кража наработок»), пропаганду, распространение и продажу запрещенных и наркотических веществ («романтизация запрещенных веществ») и др.

В завершении доклада Е. И. Салганова презентовала пять проблем цифровой грамотности молодежи на основе анализа мнений обучающихся из Челябинской области:

1. В более трети семей не обсуждается вопрос использования Интернета, еще в каждой второй семье обучающихся ПОО отсутствует в принципе какой-либо контроль со стороны родителей или других взрослых членов семьи относительно жизни подростков в Интернете, в большинстве таких семей не считают нужным этого делать.

2. Только каждый четвертый обучающийся ПОО в возрасте 14—18 лет обсуждает правила поведения в Интернете со своими родителями или другими близкими родственниками, а по мере взросления эта тема все реже поднимается;

3. Только в каждой третьей семье родителями или близкими родственниками осуществляется какой-то контроль поведения своего ребенка, еще реже такой контроль осуществляется в семьях студентов вузов. Причем, в большинстве случаев этот контроль минимален даже в семьях школьников, он касается по большому счету только времени нахождения подростка в Интернете.

4. «Около четверти обучающихся всех образовательных учреждений области, указали на то, что мероприятия, направленные на повышение цифровой грамотности обучающихся, не проводятся, еще столько же обучающихся затруднились в ответе на данный вопрос, что, скорее всего, свидетельствует о том, что респонденты не владеют информацией о наличии подобной практики в образовательном учреждении» [13].

5. Только 19,9 % обучающихся ПОО указали, что с ними проводят мероприятия, направленные на формирование психологической безопасности (позитивного отношения к жизни, умения справляться с психологическими трудностями и др.) в виртуальном пространстве. Только 18,0 % — участвовали в мероприятиях, направленных на обсуждение проблем буллинга и кибербуллинга и способов их решения. Еще меньше респондентов принимали участие в мероприятиях, что были направлены на обсуждение опасности криминальных субкультур, а также их пропаганду в виртуальном пространстве (17,0 %).

Инструменты формирования информационно-коммуникационной, психологической и цифровой грамотности обучающейся молодежи

Вторую рабочую секцию конференции открыла Т. С. Воробьева, научный сотрудник сектора психологии деструктивных проявлений в образовательной среде НИЦ мониторинга и профилактики деструктивных проявлений в образовательной среде Челябинского института развития профессионального образования, с докладом «Теоретический обзор исследований влияния кибербуллинга на самореализацию студентов СПО». В начале своего доклада

она уточнила, что юношеский возраст в целом является периодом самореализации в различных сферах жизнедеятельности, а также периодом ответственного принятия решений, определяющим всю дальнейшую жизнь человека: выбор карьеры, спутника жизни, места в жизни, смыслов, развитие мировоззрения. В ситуации, когда успешность в учебе указывает на поведенческий компонент профессиональной самореализации студентов СПО, ее отсутствие является одним из факторов дезадаптации студентов. При высоком уровне дезадаптации возможно формирование девиантного поведения у студентов.

Т. С. Воробьева отметила, что одной из форм девиантного поведения является кибербуллинг, к особенностям которого можно отнести анонимность агрессора и большой охват возможных жертв. Кибербуллинг влияет на учебную деятельность и вызывает снижение успеваемости у студентов; нежелание посещать учебное заведение; низкую учебную активность. Все это, по мнению докладчика, указывает на снижение поведенческого компонента профессиональной самореализации студента в учебном заведении [5].

Е. А. Уткина, аспирант Челябинского государственного института культуры, младший научный сотрудник сектора разработки программ адаптации иностранных студентов и детей инофонов НИЦ мониторинга и профилактики деструктивных проявлений в образовательной среде Челябинского института развития профессионального образования продолжила размышления на тему разработки адаптивного инструментария с докладом «Игровые тренинги как способ социокультурной адаптации иностранных студентов». Она отметила, что адаптация иностранцев к студенческой жизни в чужой стране есть сложный процесс, требующий использования социальных, психологических и биологических резервов личности. Адаптация может быть рассмотрена как процесс, в ходе которого индивид принимает социальные роли, диктуемые обществом; усваивает правила, ценности и требования, которые общество предъявляет к этой роли [20].

Среди преимуществ игровых форм адаптации и обучения Е. А. Уткина отметила, что тренинги могут быть проведены без наличия профильного специалиста, например, куратором или волонтером; игра, как правило, не вызывает у студента психологического отторжения; позволяет ему приобрести практические навыки социального и языкового взаимодействия.

Е. А. Уткина заключила, что в современных образовательных условиях внедрение игровых технологий как метода обучения и адаптации иностранных студентов необходимо и оправдано. Игровые технологии несут в себе образовательную, компенсаторную, воспитательную, адаптационную функции, функцию социализации, они позволяют иностранным студентам в короткие сроки овладеть важными для вхождения в новое общество знаниями и умениями.

Б. С. Амброладзе, младший научный сотрудник сектора психологии деструктивных проявлений в образовательной среде НИЦ мониторинга и профилактики деструктивных проявлений в образовательной среде Челябинского института развития профессионального образования продолжил секцию с докладом «Предпосылки возникновения суицидального поведения подростков». В начале доклада он отметил, что самоубийство до сих пор остается одной из самых распространенных причин смерти подростков. Он продолжил размышления коллег на тему о том, что подростковый возраст, сопряженный со становлением активной жизненной позиции, является наиболее кризисным.

Б. С. Амброладзе отметил, что сегодня сосуществуют несколько подходов, раскрывающих причины самоубийства. Среди них биологический, социологический, психодинамический и когнитивный подходы.

Вне зависимости от конкретных предпосылок самоубийства преподавателям образовательных учреждений, по Б. С. Амброладзе, следует ориентироваться на следующие профилактические рекомендации:

1. Актуализация у подростка его социальных и образовательных потребностей.
2. Организация в быту, общем и дополнительном образовании ситуаций успеха.
3. Ориентация поведения и деятельности подростков не на оценку ближайшего окружения, а на удовлетворение личностно значимых потребностей в обучении и развитии.

4. Отсутствие акцента на неудачном социальном опыте в случае попытки суицида.

5. Построение с подростком кратко- и долгосрочного жизненных планов.

В заключение он подчеркнул комплексный характер профилактической работы, что подразумевает работу не только с подростками, но и с их семьей, школьным окружением, педагогами.

А. С. Бойдов, младший научный сотрудник сектора мониторинга и анализа деструктивных явлений в образовательной среде НИЦ мониторинга и профилактики

деструктивных явлений в образовательной среде Челябинского института развития профессионального образования, прочитал доклад «Обнаружение и классификация угрозы скулшутинга в текстовых записях». Он начал с тезиса о том, что умение учеников распознать угрозу и среагировать на нее — наиболее эффективный способ для выявления потенциальных школьных стрелков.

«Утечками» А. С. Бойдов именовал сообщения, в которых подростки открыто заявляют о своих намерениях. Среди утечек он назвал прямые угрозы или хвастовство; рисунки; Интернет-сайты (например, YouTube); песни; татуировки; рассказы и комментарии в записных книжках; дневники на темы смерти, крови или философии конца света.

А. С. Бойдов завершил выступление обращением к вопросу о том, как можно обнаружить утечки. Он предложил проводить со студентами тест на завершение предложения, написание рассказа о себе или описание картинки, что способны выявить «скрытые агрессивные увлечения» подростка [19].

А. В. Бутаков, младший научный сотрудник сектора мониторинга и анализа деструктивных проявлений в образовательной среде Челябинского института развития профессионального образования, завершил работу второй рабочей секции конференции с докладом «Поиск новых методологических подходов анализа потенциальных рисков деструктивных угроз». Среди деструктивных угроз он назвал рост уровня информационной агрессии и радикализации; распространение деструктивного контента; вербовочную деятельность международных террористических и экстремистских организаций; распространение фейковой информации.

А. В. Бутаков презентовал проект интерактивной карты деструктивных проявлений в Челябинской области, что представляет собой инструмент анализа и визуализации данных по ключевым показателям деструктивных проявлений в Челябинской области (см. рис. 3).

Суть проекта в том, что на карту Челябинской области накладывается система виртуальных маркеров:

1. Маркеры увлечения учащихся суицидальными практиками.
2. Маркеры увлечения учащихся субкультурой «колумбайн».
3. Маркеры увлечения учащихся ультраправой идеологией.
4. Маркеры увлечения учащихся идеологией радикальных религиозных организаций.

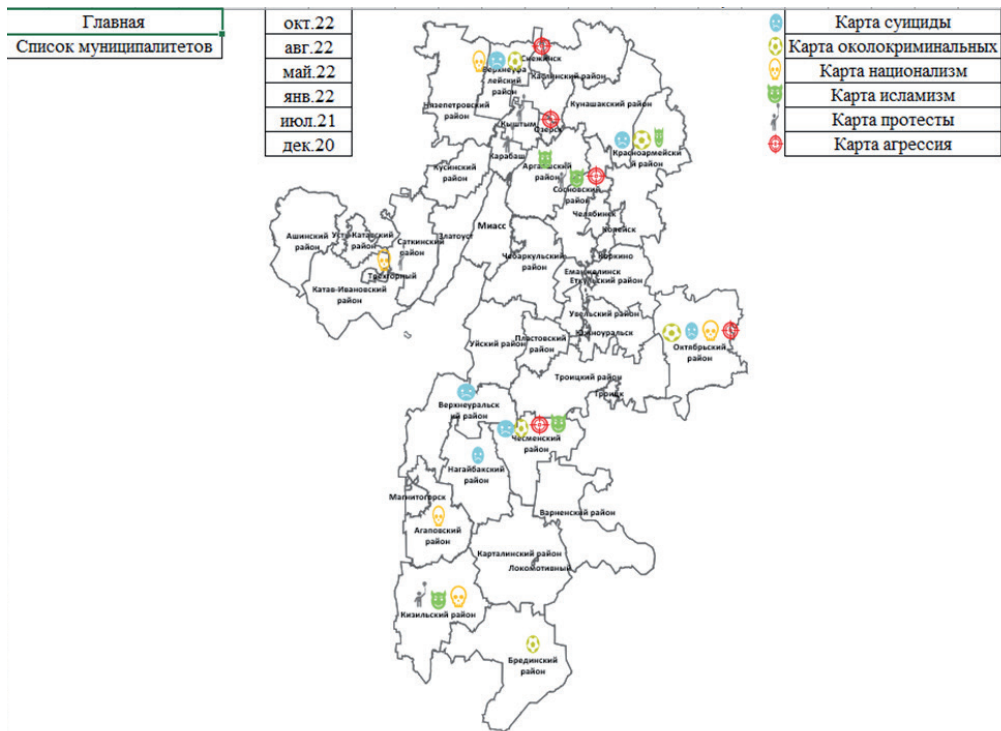

Рис. 3. Интерактивная карта деструктивных проявлений в Челябинской области

5. Маркеры увлечения учащихся субкультурой «оффников» [7].

Новые формы профилактики деструктивных проявлений в условиях цифровой реальности

С. Н. Тяжелникова, младший научный сотрудник сектора исследований педагогических инструментов профилактики деструктивных проявлений в образовательной среде НИЦ мониторинга и профилактики деструктивных проявлений в образовательной среде Челябинского института развития профессионального образования, открыла заключительную секцию в работе конференции с докладом «Медиативная компетентность педагогов профессионального образования как фактор безопасности образовательной среды». В докладе она презентовала новый подход в психологии, медиативный подход, что подразумевает некую целостность педагога, которая помогает ему быть уверенным в себе в ситуации конфликта и быть способным оптимально разрешать конфликт [18]. Будучи медиатором педагог должен придерживаться следующих принципов в своей деятельности: конфиденциальность, нейтральность, добровольность, при-

знание равноправия в общении с другими участниками образовательного процесса [8].

А. А. Кулакова, научный сотрудник сектора исследований педагогических инструментов профилактики деструктивных проявлений в образовательной среде НИЦ мониторинга и профилактики деструктивных проявлений в образовательной среде Челябинского института развития профессионального образования, завершила работу лаконичной секции докладом «Специфика оценки эффективности межведомственного взаимодействия субъектов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». Доклад она представила тезисом о том, что благополучное и безопасное детство является негласной установкой любой гармоничной социальной системы; наличие благополучного детства предполагает создание эффективной системы по профилактике негативных социальных явлений. В докладе А. А. Кулакова акцентировала внимание на проблемах в функционировании многоуровневой системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, что связано с отсутствием универсальных критериев оценки эффективности профилактики правонарушений.

Выводы

Аналитика докладов конференции обосновывает актуальность идеи цифровой грамотности для обучающихся и преподавателей, значимость формирования у них навыков противодействия деструктивному контенту в Интернете. В условиях тотальной цифровизации, развития общества в русле цифровой экономики, формируется необходимость цифровой грамотности всего населения, и прежде всего молодежи. На практическом уровне это предполагает разработку соответствующей нормативно-правовой базы, что будет регламентировать процесс цифрового взаимодействия, выявляя ответственных лиц и регулируя сам процесс.

Традиционные институты социализации и воспитания все чаще заменяются цифровыми, роли социальных агентов играют социальные сети, мессенджеры и другие цифровые площадки. Усвоение современным подростком определенных норм, ценностей, моделей поведения происходит зачастую посредством виртуального сообщества, а не традиционным способом, через реальное окружение. В связи с этим, с одной стороны, актуализируется роль и значимость традиционных институтов воспитания и социализации молодежи, прежде всего, семьи, образования, друзей, одноклассников. С другой — на поверхности оказывается необходимость формирования цифровой грамотности молодежи, в целях формирования у них навыков свободной и безопасной коммуникации в цифровом пространстве.

Цифровая среда способствует модернизации всей системы образования, ориентированной на подготовку обучающихся и педагогов к полноценному использованию цифровых технологий, а также на освоение необходимых для этого профессиональных навыков и качеств. Цифровая среда может дефинирована как «помощник» в образовании, ресурс учебной и научной информации, технологией для коммуникации. С другой стороны, цифровая среда несет в себе риски, опасности, так как в Интернете есть информация, которая может быть опасна для неустойчивой психики подростка.

Формирование цифровой среды в образовательных организациях региона происходит весьма противоречиво. К факторам, мешающим эффективному внедрению цифровых технологий в образовательную среду региона, можно отнести: неготовность педагогического сообщества, как с точки зрения образовательных подходов, так и наличия компетенций в области медиа-информаци-

онной грамотности; межпоколенческий разрыв в стиле и объеме использования цифровых технологий между обучающимися и педагогами; отсутствие или неразвитость материально-технической базы образовательных учреждений; не всегда оптимизированные на должном уровне цифровые образовательные инструменты и др.

Лейтмотивом конференции стала установка на то, что формирование цифровой грамотности в среде обучающихся должно иметь комплексный характер, т. е. включать в образовательный процесс всех заинтересованных агентов, самих обучающихся, их родителей, педагогов, преподавателей и государство, устанавливать функционирующие коммуникативные каналы между ними. Для повышения уровня цифровой грамотности обучающихся необходимо усиление внимания к данной сфере в рамках преподаваемых курсов и дисциплин, а также специальных мероприятий, направленных на развитие соответствующих навыков и компетенций. Необходимо активизировать внедрение цифровых образовательных инструментов в учебный процесс в профессиональных образовательных организациях. Необходимы меры по усилению подготовки педагогического сообщества в вопросах медиаграмотности, медиабезопасности. Ежегодный рост числа деструктивных практик в Интернете актуализирует вопрос ежегодных мониторингов по выявлению деструктивного влияния на молодежь цифровой среды. Формированию цифровой грамотности населения, прежде всего молодежи, способствуют меры, направленные на формирование экспертного сообщества, в том числе в области социально-гуманитарных наук.

---

1. Арсентьева, А. Д. Виды дискриминаций в сервисе TikTok: анализ популярных видеоблогов / А. Д. Арсентьева // Визуальные медиакоммуникации и реклама: новые технологии и методология исследований : материалы II Междунар. науч.-практ. конф., Челябинск, 28—29 апреля 2022 года / Челябинский государственный университет. Челябинск: Челябинский государственный университет. — 2022. — С. 25-29.

2. Арсентьева, А. Д. Роль алгоритмов искусственного интеллекта в распространении и отслеживании деструктивного контента / А. Д. Арсентьева, М. О. Николаева // MEDIA-Образование: цифровая среда в условиях вынужденной метаморфозы : Сборник материалов VII Международной научно-практической

конференции, Челябинск, 22—24 ноября 2022 года. Челябинск: Челябинский государственный университет. — 2022. — С. 566—570.

3. Бредихин, С. С. Об актуальных вопросах медиабезопасности на территории Челябинской области / С. С. Бредихин, Е. В. Щетинина // MEDIAОбразование: цифровая среда в условиях вынужденной метаморфозы : сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф., Челябинск, 22—24 ноября 2022 года, Челябинск: Челябинский государственный университет. — 2022. — С. 315—321.

4. Бредихин, С. С. Цифровая грамотность обучающихся профессиональных образовательных организаций: факторы и инструменты цифровизации образовательного процесса / С. С. Бредихин, Е. В. Щетинина, Е. И. Салганова // Инновационное развитие профессионального образования. — 2022. — № 4(36). — С. 61-68.

5. Воробьева, Т. С. Проблема кибербуллинга в молодежной среде / Т. С. Воробьева // MEDIAОбразование: цифровая среда в условиях вынужденной метаморфозы : сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф., Челябинск, 22—24 ноября 2022 года. Челябинск: Челябинский государственный университет. — 2022. — С. 199—203.

6. Забиров, Р. В. Проблемы молодежного экстремизма: теоретические аспекты / Р. В. Забиров, О. В. Иванчук // Современные проблемы науки и образования. — 2018. — № 6. — URL: <https://science-education.ru/article/view?id=28291> (дата обращения: 05.05.2023).

7. Клементьев, Ю. А. Современные инструменты и методики организации мониторинга деструктивного контента в сети Интернет / Ю. А. Клементьев, А. В. Бутakov // MEDIAОбразование: цифровая среда в условиях вынужденной метаморфозы : сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф., Челябинск, 22—24 ноября 2022 года. Челябинск: Челябинский государственный университет. — 2022. — С. 335—339.

8. Корнеева, Я. А. Профессиональные компетенции медиаторов с различной успешностью проведения примирительных процедур / Я. А. Корнеева, Л. И. Шахова, А. К. Сорванова // Психология и психотехника. — 2020. — № 4. — С. 53—77.

9. Молчанова, Д. В. Противодействие школьному буллингу: анализ международного опыта / Д. В. Молчанова, М. А. Новикова // Современная аналитика образования. — 2020. — № 1(31). — С. 1—72.

10. Морозова, А. А. Видео как актуальный тип контента для профилактики деструктив-

ных проявлений в молодежной среде / А. А. Морозова // MEDIAОбразование: цифровая среда в условиях вынужденной метаморфозы : сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф., Челябинск, 22—24 ноября 2022 года. Челябинск: Челябинский государственный университет. — 2022. — С. 170—174.

11. Морозова, А. А. Проблемы и перспективы использования искусственного интеллекта в сфере массмедиа: мнение российской аудитории / А. А. Морозова, А. Д. Арсентьева // Знак: проблемное поле медиаобразования. — 2022. — № 2 (44). — С. 150—158. — DOI 10.47475/2070-0695-2022-10219.

12. Рослякова, С. В. Характеристики воспитания в цифровую эпоху / С. В. Рослякова, Е. М. Харланова, Е. В. Моисеева, Г. Ю. Ярославова // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. — 2022. — № 10(212). — С. 377—383. — DOI 10.34835/issn.2308-1961.2022.10.

13. Салганова, Е. И. Основные каналы получения информации и особенности коммуникации современной обучающейся молодежи Челябинской области в условиях цифровизации / Е. И. Салганова // MEDIAОбразование: цифровая среда в условиях вынужденной метаморфозы : сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф., Челябинск, 22—24 ноября 2022 года. Челябинск: Челябинский государственный университет. — 2022. — С. 232—237.

14. Салганова, Е. И. Медиаинформационная грамотность современной молодежи: социологический анализ / Е. И. Салганова, С. С. Бредихин, Е. В. Щетинина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. — 2022. — Т. 22, № 3. — С. 84—92. — DOI 10.14529/ssh220311.

15. Селютин, А. А. Игровой сленг и трансмедийность / А. А. Селютин // Вестник Челябинского государственного университета. — 2021. — № 7(453). — С. 131-137. — DOI 10.47475/1994-2796-2021-10717.

16. Селютин, А. А. Дискурс видеоигр: к вопросу о терминологии / А. А. Селютин // Вестник Челябинского государственного университета. — 2022. — № 3 (461). — С. 138—144. — DOI 10.47475/1994-2796-2022-10318.

17. Селютин, А. А. Образ школьника как элемент агрессивного речевого поведения в видеоигровом дискурсе / А. А. Селютин, Р. Р. Мухаметова // MEDIAОбразование: цифровая среда в условиях вынужденной метаморфозы : сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф., Челябинск, 22—24 ноября 2022 года, Челябинск: Челябинский

государственный университет. — 2022. — С. 512—516.

18. Теплова, И. П. Медиативные компетенции как предпосылка конструктивного урегулирования конфликта субъектами образовательного взаимодействия / И. П. Теплова // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. — 2022. — Т. 11. — № 4А. — С. 46—55. — DOI: 10.34670/AR.2022.71.72.004

19. Тяжельникова, С. Н. Педагогические технологии геймификации: методическая разработка «Медиаринг» / С. Н. Тяжельникова, А. С. Бойдов // MEDIAОбразование: цифровая среда в условиях вынужденной метаморфозы : Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции, Челябинск, 22—24 ноября 2022 года. Челябинск: Челябинский государственный университет. — 2022. — С. 119—123.

20. Уткина, Е. А. Анализ контента страниц иностранных студентов в социальной сети ВКонтакте как способ определения уровня адаптации к новой социальной среде / Е. А. Уткина // MEDIAОбразование: цифровая среда в условиях вынужденной метаморфозы : : сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф., Челябинск, 22—24 ноября 2022 года. Челябинск: Челябинский государственный университет. — 2022. — С. 558-564.

21. Харланова, Е. М. Буллинг в образовательных отношениях / Е. М. Харланова, Н. В. Сиврикова, Г. Ю. Ярославова // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. — 2022. — № 4 (170). — С. 212—241. — DOI 10.25588/CSPU.2022.170.4.011.

22. Щетинина, Е. В. Вовлеченность обучающихся в профилактику деструктивных проявлений в образовательной среде: результаты исследования / Е. В. Щетинина, С. С. Бредихин // Инновационное развитие профессионального образования. — 2022. — № 2(34). — С. 144-149.

23. Bogdanova, V. Philosophical diary and online marathon as contemporary formats of philosophical practice: Care of the self in the modern world / V. Bogdanova, R. Penner, E. Milyaeva // Haser. — 2021. — No. 12. — P. 47—74. — DOI 10.12795/HASER/2021.112.02.

24. Gulevataya, A. Modern Stoicism at the XXI Century University / A. Gulevataya, R. Penner, E. Milyaeva // European Journal of Contemporary Education. — 2022. — Vol. 11, No. 3. — P. 746—759. — DOI 10.13187/ejced.2022.3.746.

25. Penner, R. Philosophical practice in the modern world: a philosophical diary and an online marathon for the formation

of existential experience / R. Penner, E. Milyaeva // Philosophical practice for self-knowledge by means of intellectual creativity : сб. материалов онлайн-конференции по философской практике, Челябинск, 28—31 июля 2020 года / отв. редактор С. В. Борисов. Челябинск: Челябинский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2020. P. 93—101.

References

1. Arsent'eva A.D. (2022). *Vizual'nye media-kommunikacii i reklama: novye tehnologii i metodologija issledovanij*, pp. 25-29. [in Rus].

2. Arsent'eva A.D., Nikolaeva M.O. (2022). *V sbornike: MEDIAОбразование: цифровая среда в uslovijah vynuždennoj metamorfozy*, pp. 566-570. [in Rus].

3. Bredihin S.S., Shhetinina E.V. (2022). *V sbornike: MEDIAОбразование: цифровая среда v uslovijah vynuždennoj metamorfozy*, pp. 315-321. [in Rus].

4. Bredihin S.S., Shhetinina E.V., Salganova E.I. (2022). *Innovacionnoe razvitie professional'nogo obrazovanija*, no. 4 (36), pp. 61-68. [in Rus].

5. Vorob'eva T.S. (2022). *V sbornike: MEDIA-Образование: цифровая среда v uslovijah vynuždennoj metamorfozy*, pp. 199-203. [in Rus].

Zabirov R.V., Ivanchuk O.V. (2018). *Sovremennye problemy nauki i obrazovanija*, no. 6, available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=28291> (accessed: 05.05.2023). [in Rus].

6. Klement'ev Ju.A., Butakov A.V. (2022). *MEDIAОбразование: цифровая среда v uslovijah vynuždennoj metamorfozy*, pp. 335-339. [in Rus].

7. Korneeva Ja.A., Shahova L.I., Sorvanova A.K. (2020). *Psihologija i psihotehnika*, no. 4, pp. 53-77. [in Rus].

8. Molchanova D.V., Novikova M.A. (2020). *Sovremennaja analitika obrazovanija*, no. 1(31), pp. 1-72. [in Rus].

9. Morozova A.A. (2022). *MEDIAОбразование: цифровая среда v uslovijah vynuždennoj metamorfozy*, pp. 170-174. [in Rus].

10. Morozova A.A., Arsent'eva A.D. (2022). *Znak: problemnoe pole mediaobrazovanija*, no. 2(44), pp. 150—158. DOI 10.47475/2070-0695-2022-10219. [in Rus].

11. Rosljakova S.V., Harlanova E.M., Moiseeva E.V., Jaroslavova G.Ju. (2022). *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta,*

no. 10(212), pp. 377-383. DOI 10.34835/issn.2308-1961.2022.10.p377-383. [in Rus].

12. Salganova E.I. (2022). *MEDIAObrazovanie: cifrovaja sreda v uslovijah vyzhdennoj metamorfozy*, pp. 232-237. [in Rus].

13. Salganova E.I., Bredihin S.S., Shhetinina E.V. (2022). *Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Social'no-gumanitarnye nauki*, vol. 22, no. 3, pp. 84-92. DOI 10.14529/ssh220311. [in Rus].

14. Seljutin A.A. (2021). *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 7(453), pp. 131-137. DOI 10.47475/1994-2796-2021-10717. [in Rus].

15. Seljutin A.A. (2022). *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3(461), pp. 138-144. DOI 10.47475/1994-2796-2022-10318. [in Rus].

16. Seljutin A.A., Muhametova R.R. (2022). *MEDIAObrazovanie: cifrovaja sreda v uslovijah vyzhdennoj metamorfozy*, pp. 512-516. [in Rus].

17. Teplova I.P. (2022). *Psihologija. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya*, vol. 11, no. 4A, pp. 46-55. DOI: 10.34670/AR.2022.71.72.004. [in Rus].

18. Tjazhel'nikova S.N., Bojdiv A.S. (2022). *MEDIAObrazovanie: cifrovaja sreda v uslovijah vyzhdennoj metamorfozy*, pp. 119-123. [in Rus].

19. Utkina E.A. (2022). *MEDIAObrazovanie: cifrovaja sreda v uslovijah vyzhdennoj metamorfozy: Sbornik materialov VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii*, pp. 558-564. [in Rus].

20. Harlanova E.M., Sivrikova N.V., Jaroslavova G.Ju. (2022). *Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo humanitarno-pedagogicheskogo universiteta*, no. 4 (170), pp. 212-241. DOI 10.25588/CSPU.2022.170.4.011. [in Rus].

21. Shhetinina E.V., Bredihin S.S. (2022). *Inovacionnoe razvitie professional'nogo obrazovanija*, № 2 (34), pp. 144-149. [in Rus].

22. Bogdanova V., Penner R., Milyaeva E. (2021). *Haser*, no. 12, pp. 47-74. DOI 10.12795/HASER/2021.112.02. [in Eng].

23. Gulevataya A., Penner R., Milyaeva E. (2022). *European Journal of Contemporary Education*, vol. 11, no. 3, pp. 746-759. DOI 10.13187/ejced.2022.3.746. [in Eng].

24. Penner R., Milyaeva E. (2020). *Philosophical practice for self-knowledge by means of intellectual creativity: Sbornik materialov onlajn-konferencii po filosofskoj praktike*, pp. 93-101. [in Eng].

Статья поступила в редакцию 05.05.2023

For citing: Penner R.V. Digital literacy as a tool for preventing destructive practices in the digital environment: following the materials of the regional scientific and practical conference // *Socium i vlast'* [Society and Power]. — 2023. — № 2 (96). — P. 86—102. — DOI 10.22394/1996-0522-2023-2-86-102. — EDN CMUNRV.

UDC 101.2

EDN CMUNRV

DOI 10.22394/1996-0522-2023-2-86-102

DIGITAL LITERACY AS A TOOL FOR PREVENTING DESTRUCTIVE PRACTICES IN THE DIGITAL ENVIRONMENT: following the materials of the regional scientific and practical conference

Regina V. Penner,

South Ural State University, Associate Professor at the Department of Philosophy, Senior Researcher, Scientific and Educational Center for Practical and Applied Philosophy, Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor. Chelyabinsk, Russia. E-mail: penner.r.v@gmail.com

Elena I. Salganova,

South Ural State University, Associate Professor at the Department of Sociology, Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor. Chelyabinsk, Russia. E-mail: salganovaei@susu.ru

Sergey S. Bredihin^{1,2},

¹ Chelyabinsk Institute of the Vocational Education Development, Head of the Sector for Monitoring and Analysis of Destructive Manifestations in the Educational Environment of the Research Center for Monitoring and Prevention of Destructive Manifestations in the Educational Environment,

² South Ural State University, Associate Professor at the Department of Sociology, Cand. Sc. (Philosophy). Chelyabinsk, Russia. E-mail: sergei189@mail.ru

Elizaveta V. Shchetinina^{1,2},

¹ Chelyabinsk Institute of the Vocational Education Development,
Head of the Research Center for Monitoring and Prevention of Destructive Manifestations in the Educational Environment,
² Chelyabinsk State University,
Associate Professor at the Department of Political Science and International Relations,
Cand. Sc. (Philosophy).
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: schetininaev@ya.ru

Abstract

Introduction. On February 28, 2023, on the basis of South Ural State University, with the support of the Research Center for Monitoring the Prevention of Destructive Manifestations in the Educational Environment (Chelyabinsk Institute of the Development of Vocational Education), there was held a regional scientific and practical conference "Prevention of destructive practices in the digital environment and measures to improve the digital literacy of students: presentation of research results and the formation of an expert community in the field of social sciences and humanities in the region". The purpose of the study is to present the key ideas from the reports and the results of the conference.

Methods. In order to present the key ideas from the reports, the authors use general scientific

methods, such as analysis and synthesis, induction, deduction, abstraction.

Scientific novelty of the research. In the current discourse of the conference, digital was defined as a new human habitat, which contains the potential for human growth and at the same time anthropological and social risks.

Results. In meta-reality, between real and virtual, only monitoring of public opinion on existing and potential social threats is not enough. In this case, sociatria can be a practical response to digital threats and risks.

Conclusion. In the current digital environment, constructive practices of individual social subjects and social groups coexist with destructive practices. Sociatria can become a social response to the issue of monitoring, preventing and combating digital threats, and digital literacy is an anthropological response that should be created in the educational environment.

Keywords:

digital literacy,
digital environment,
educational environment,
students,
destructive practices,
digital ascetic,
digital hygiene

**Требования к оформлению статей
и сообщений, представляемых в редакцию
научного журнала «Социум и власть»**

1. Автор направляет рукопись по электронной почте.
2. Текст статьи представляется на русском языке объемом 40 000 знаков, включая сноски. Файл должен читаться в формате Word. Шрифт Times New Roman Cyr, № 14 (включая название). Межстрочный интервал — одинарный. Поле со всех сторон 20 мм. Текст следует отформатировать по ширине, без переносов. Текст статьи (включая название) оформляется строчными буквами с абзацным отступом 1,25 см с помощью компьютерной программы (не вручную).
3. В тексте шрифтовые выделения производятся светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки набираются полужирным шрифтом.
4. Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию.
5. Цифровые данные оформляются в таблицу. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц — сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения. Электронный вариант каждой таблицы и рисунка записывается также в отдельный файл.
6. Название статьи набирается 14 кеглем, только первая буква в названии статьи прописная, остальные — строчные. Под названием статьи указываются фамилия, имя и отчество автора, место работы (учебы), занимаемая должность, ученая степень и звание (если имеются), адрес места работы. Ниже приводятся аннотация и ключевые понятия.
7. Ссылки на научную литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [7, с. 27]), в конце статьи — библиографический список в алфавитном порядке.
Количество источников не менее 20. Самоцитирование — не более 2-х источников.
8. Ссылки оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5—2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».
9. На источники ненаучного характера (статистика, аналитика, учебные издания, нормативно-правовые акты и др.) оформляются сноски с помощью автоматической цифры.
10. Статья должна быть классифицирована — иметь УДК.
11. Автор указывает профиль статьи, представляемой к публикации.
12. Помимо текста статьи, автором представляются отдельный файл в электронном виде на русском и английском языках:
  - а) аннотация;
  - б) ключевые понятия (не более пяти);
  - в) сведения об авторе — Ф.И.О. (полностью), должность и место работы (учебы), ученая степень, ученое звание, контактная информация (почтовый адрес с индексом, адрес электронной почты, контактный телефон);
  - г) шифр и название специальности, которой соответствует статья.Статьи, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию не принимаются.
Решение о публикации направленных в журнал статей принимается в течение шести месяцев со дня поступления рукописи в редакцию.
В случае отклонения материалов в соответствии с замечаниями эксперта новый вариант статьи регистрируется вновь.
Статьи подлежат рецензированию членами редакционной коллегии журнала.
Статьи проходят проверку по системе «Антиплагиат».
Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в журнале «Социум и власть» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.
Образец оформления, а также рекомендации по подготовке статьи представлены на сайте журнала.
Плата за публикацию рукописей не взимается.
Контактная информация автора (адрес электронной почты, почтовый адрес) в журнале указывается обязательно.
Авторские экземпляры вышедшего номера высылаются наложенным платежом в количестве, указанном в письменной заявке.
Адрес редакции: 454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26, к. 308. Тел. 8(351) 771-42-30.
Адрес в сети Интернет: siv74.ru
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

**Requirements for the articles and memos
presented for publication in the
«Socium i vlast'» journal**

1. The author is to send one copy of the typescript by e-mail.
2. The article is presented in Russian. The article should be 40,000 characters, including bibliography.* The file should be in Microsoft Word format. The font should be Times New Roman Cyr size 14 including the title. The line spacing is 1.0. The margins at all sides should be 20 mm. The text should be formatted breadthways and hyphenless justified. The text of the article or memo (including the title) should be done in lowercase letters with paragraph indent of 1.25 cm by software means, i.e. not by hand.
3. All font highlighting should be done in light italics. All titles and subtitles should be done in semi-bold.
4. All graphic materials (drawings, pictures, diagrams, graphs, schemes) should be done in image editing software. All images must be numbered sequentially.
5. All numerical data should be done in tables. Each table should have its number and name. The numbering of the tables is continuous. The tables should not have shortenings except for the units of measurement. E-versions of each table and image should be also done in separate files.
6. The title of the article should be done in size 14 font, the first letter is uppercase, and the rest are lowercase. The last name, first name and patronymic of the author, his place of work (study) and position, academic degree and rank (if applicable), place of work address should be given under the article title. Annotation and Key words are given below.
7. Scientific literature references should be done in square brackets (e.g. [7, p. 27]), and an alphabetized bibliography list is given at the end of the article. There should not be less than 20 reference sources. Self-citation should not be more than 2 reference sources.
8. The references should be done in compliance with GOST 7.0.5-2008 requirements under «Bibliography reference. General requirements and rules».
9. Unscientific reference sources (statistics, analytics, educational publications, regulatory legal acts and others) are referred to with the help of reference numbering.
10. The article must be classified and have the UDC (Universal Decimal Classification).
11. The author should note the agenda (specialization) of the article presented for publication.
12. In addition to the text of the article the author should also present the following positions in a separate e-file in Russian and English:
  - a. annotation.
  - b. Key words (up to 5).
  - c. Information about the author — Name, Patronymic, Last name (full), position and place of work (study), degree, academic rank, contact information (mailing address with ZIP code, e-mail, phone number).
  - d. course code and subject area to which the article corresponds to.The articles or memos not complying with the above mentioned requirements will not be reviewed and/or published.
The publication of the received articles will be approved or declined within 6 months from the date of receiving the manuscript by the editor. In case the article is declined for publication due to the expert opinion, any corrected version of the article has to be registered again.
The articles are to be reviewed by the journal editorial board.
The articles are to be run through the «Antiplagiat» system.
By presenting the typescript of the article to the editorial board, the author agrees not to publish the same article without consent of the editorial board fully or in part in any other media prior to its publication at the «SOCIMUM AND POWER» journal.
Article submission example and recommendations on preparing an article are presented on the journal site.
No. charge is collected for reviewing and publishing of the articles.
The contact information of the author (e-mail, postal address) will be necessarily quoted in the journal.
The author's copies of the journal will be sent by mail order in the number specified in the application.
Editorial address: 454077, Chelyabinsk, Komarova st., 26, room 308.
Tel. 8(351) 771-42-30
Website: siv74.ru
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

